

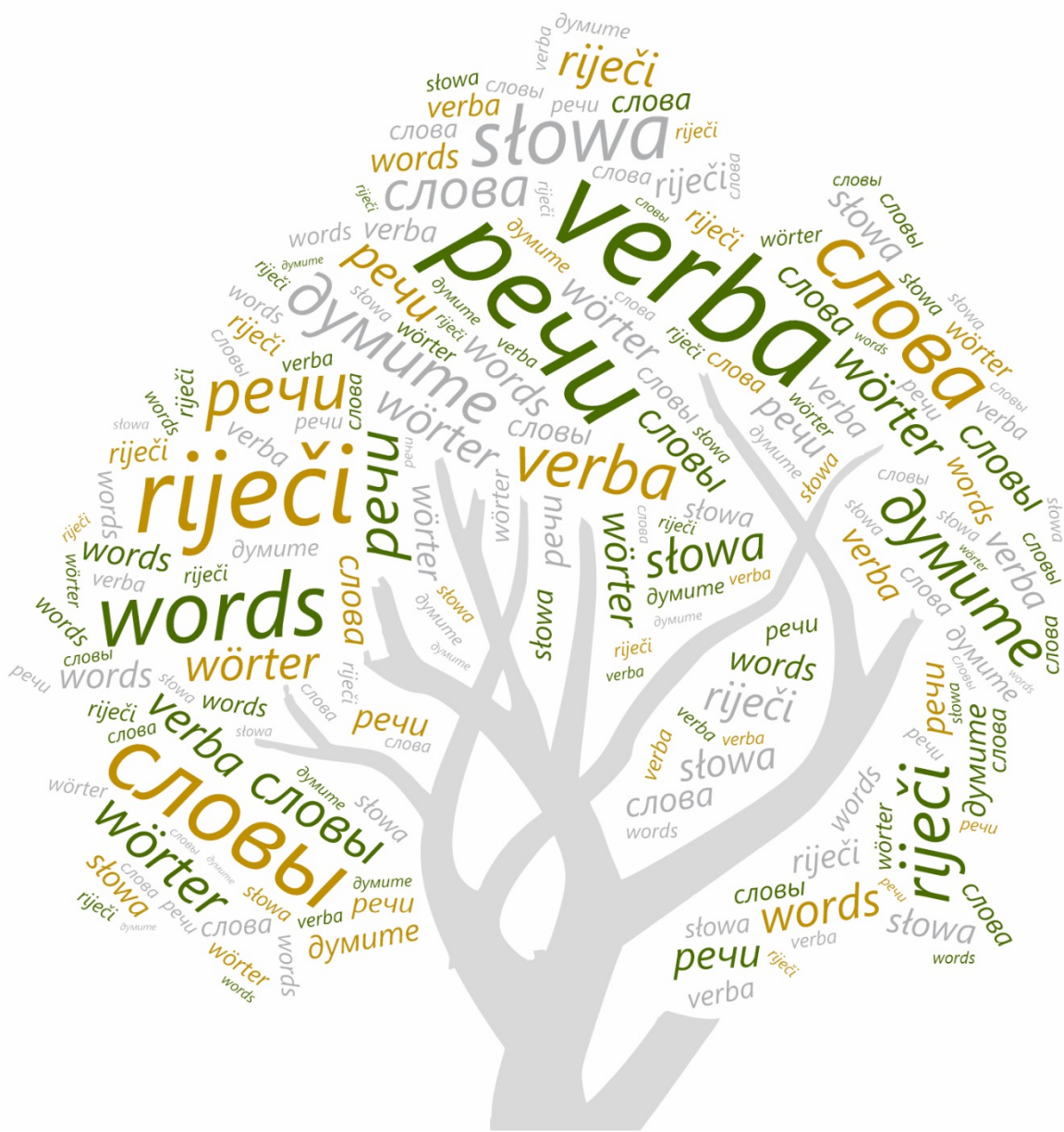

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 1(6) 2023

ISSN 2713-0665 (Online)

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

Сетевое периодическое научное издание

1(6) 2023

ISSN 2713-0665 (Online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ

Эл № ФС77-80208 от 22.01.2021 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2021 г.

Периодичность: не менее 2 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Б. Санкт-Петербургская, д. 41,
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1216
тел.: +7(8162) 33-88-30 (доб. 2294)
E-mail: verba@novsu.ru

Сайт издания: <https://VERBA.PRESS>

Редакторы перевода: О. Наволоцкая

Дизайн обложки: В. Фромов

Макет, верстка: Д. Ванюшкин

Разработка сайта: А. Ни

Дата выхода: 31.03.2023

© НовГУ, 2023

© Авторы статей, 2023

Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Т.В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В.И. Макаров, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

А. Бирих, доктор филологических наук, профессор; Трирский университет, Трир, Германия

Х. Вальтер, доктор филологических наук, профессор; Университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Грайфсвальд, Германия

В.Л. Васильев, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Заика, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Коваль, доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

К. Кусаль, доктор филологических наук, профессор; Гуманитарно-экономическая Академия, Лодзь, Польша

В.И. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Т.Г. Никитина, доктор филологических наук, профессор, профессор; Псковский государственный университет, Псков, Россия

Б.Ю. Норман, доктор филологических наук, профессор; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

М. Рак, доктор филологических наук, профессор; Ягеллонский университет, Краков, Польша

Ж. Финк, доктор филологических наук, профессор; Загребский университет, Загреб, Хорватия

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

online scientific journal

1(6) 2023

ISSN 2713-0665 (Online)

Extract from the register of registered mass media

El № FS 77-80208 of 22.01.2021. The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Founded: 2021

Frequency: at least 2 times a year

FOUNDER AND EDITOR

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University" (NovSU)

ADDRESS OF THE FOUNDER AND EDITOR

173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41,
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

CORRESPONDING ADDRESS

Russia, 173003, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University, B. Sankt-Peterburgskaya St.,
41, of. 1216
tel.: +7(8162) 33-88-30 (ext: 2294)
E-mail: verba@novsu.ru

Website of edition: <https://VERBA.PRESS>

Translation editors: O. Navolotskaya

Cover design: V. Fromov

Layout: D. Vanyushkin

Website creation: A. Nee

Release date: 31.03.2023

© NovSU, 2023

© Authors of articles, 2023

All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

T.V. Shmeleva, Doctor of Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Members of Editorial Board

V.I. Makarov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

A. Bierich, Doctor of Philology, Professor, University of Trier, Trier, Germany

H. Walter, Doctor of Philology, Professor; Ernst-Moritz-Arnt University of Greifswald, Greifswald, Germany

V.L. Vasiliev, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Zaika, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Koval, Doctor of Philology, Professor; Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

K. Kusal, Doctor of Philology, Professor; Humanitarian and Economic Academy in Lodz, Lodz, Poland

V.I. Mokienko, Doctor of Philology, Professor; St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

T.G. Nikitina, Doctor of Philology, Professor; Pskov State University, Pskov, Russia

B.Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor; Belarusian State University, Minsk, Belarus

M. Rak, Doctor of Philology, Professor; Jagiellonian University, Krakow, Poland

Zh. Fink, Doctor of Philology, Professor; University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Содержание

Content

От главного редактора.....4	From editor-in-Chief.....4
-----------------------------	----------------------------

Термины на фоне дискурсивной миграции лексики / Terms at a time of discourse migration of vocabulary

Смарт-/smart- vs умный в тексте и словаре	The compound constituent smart- vs the new sense of the adjective umnyj in the modern Russian language observed as elements of text and dictionary
<i>Н. В. Козловская, А. С. Павлова</i>8	<i>N. V. Kozlovskaya, A. S. Pavlova</i>8
Медицинская лексика новейшего периода в материалах оперативной неографии (в русском и венгерском языках)	Medical vocabulary of the 21st century in the materials of operational neography (in the Russian and Hungarian languages)
<i>Е. С. Громенко</i>22	<i>E. S. Gromenko</i>22

Грамматические последствия обновления лексикона / Grammatical consequences of vocabulary renewal

Адаптация иноязычной морфемы -инг в русском языке начала XXI в.	Adaptation of the borrowed morpheme -ing in Russian of the beginning of the 21st century
<i>С. Д. Левина</i>34	<i>S. D. Levina</i>34
Инновации в области оценки: семантические трансформации неологических универбов	Innovations in the field of evaluation: semantic transformations of neological univerbs
<i>А. В. Батулина</i>48	<i>A. V. Batulina</i>48
Глагольная универбация как одна из современных деривационных тенденций	Verb univerbation as one of the modern derivational tendencies
<i>Е. М. Маркова</i>61	<i>E. M. Markova</i>61

Молодые голоса / Young voices

Терминологизация понятия «модное слово» в лингвистике	Terminologization of the "buzzword" concept in linguistics
<i>И Лицюнь</i>72	<i>Liqun Yi</i>72

Научная жизнь: хроника, обзоры, рецензии / Scientific life: chronicle, overviews, reviews

Международная научная конференция «НЕОЛОГИЯ—2022»	International scientific conference «NEOLEX—2022»
<i>М. Н. Приемышева</i>80	<i>M. N. Priemyшева</i>80
Новая лексика сферы компьютерных технологий. Обзор словарных материалов 2017-2021 гг.	New vocabulary in the field of computer technology. Dictionary materials review 2017-2021
<i>Е. Д. Кукушинова</i>85	<i>E. D. Kukshinova</i>85

От главного редактора

V

Дорогие коллеги,
наши авторы и читатели!

Этот номер журнала задуман совместно с группой Словарей новых слов Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), если быть точнее, – с Натальей Витальевной Козловской, которая выступила автором этого номера и подвигла на участие в нём своих коллег по группе.

В некотором роде наш номер можно считать продолжением конференции, которую группа провела в конце прошлого года и информацию о которой нам любезно предоставила Марина Николаевна Приемышева, руководитель Отдела. Так что начинать чтение номера можно с последней рубрики «Научная жизнь: хроника, обзоры, рецензии», где помещена информация. Из множества проблем неологии, которые обсуждались на конференции и оказываются предметом ежедневных трудов и раздумий сотрудников группы, в нашем номере журнала получили развитие проблемы пополнения лексикона за счёт специальной лексики и влияния новой лексики на грамматику, точнее типологию русских слов. Поэтому общая тема номера сформулирована так: новое в лексике и грамматике.

Статьи первой рубрики «Термины на фоне дискурсивной миграции» представляют результаты обновления общей лексики за счёт специальной, при этом такое обновление связывают с процессом перемещения слов из одних дискурсов в другой, что удачно названо в статье Натальи Витальевны Козловской и Алины Сергеевны Павловой дискурсивной миграцией. Это удачное выражение и вошло в обозначение рубрики. В статье указанных авторов рассматривается такая миграция серии обозначений из сферы современных технологий, для которых используется английское слово *smart* или его русский аналог *умный*. Располагая словариком в 70 единиц и корпусом высказываний с этими лексемами из разных источников, авторы предъявляют их семантическую и орфографическую характеристики, демонстрируют разные случаи использования «смарт-лексикона» в разных дискурсах в течение уже более чем 20 лет. Другой тип терминов рассмотрен в статье Елизаветы Сергеевны Громенко. Это медицинская лексика, внедрению которой в общеизвестную лексику немало способствовала пандемия. Две статьи рубрики убеждают в том, что процессы пополнения лексикона происходят далеко не однообразно, и едва ли не каждая лексическая единица заслуживает особого расследования, которыми и занимаются в группе неографии.

Вторая рубрика «Грамматические последствия обновления лексикона» объединяет статьи, в которых показано, как массовое появление слов одного типа формирует новые грамматические классы. Одним из самых заметных явлений в грамматике стало складывание русских существительных с финалью – *инг*, которые детально рассмотрены в статье Светланы Дмитриевны Левиной. Две другие статьи – Анны Валерьевны Батулиной и Елены Михайловны Марковой – посвящены грамматическому типу слов – универбам. Хотя в первой из них неодериваты рассматриваются с позиций семантики, а во второй – дериватологии, очевидно, что речь идет о том, что появление новых форм как реализация собственных возможностей русской грамматики приводит к тому, что дериваты образуют новый тип слов, внося изменения в грамматическую картину русского слова.

В традиционной для нашего журнала рубрике «Молодые голоса» выступает китайская исследовательница И Лицунь, которая в декабре защитила кандидатскую диссертацию, а сейчас уже работает на родине. Она публикует заметку не о новых словах, а о метаязыке их описания и изучения – истории термина *модное слово*, которым характеризуют часть неологизмов.

Впрочем, молодо звучат голоса и других авторов этого журнала – А. С. Павловой, соавтора первой статьи, и Е. Д. Кукшиновой, автора обзора, который завершает номер. Этот обзор тематически соотносится с первой рубрикой, в нём показано, как в Словарях новых слов, которые выпускает ИЛИ РАН, отражается терминология компьютерных технологий, получающая шанс мигрировать в общий русский лексикон, для чего автору статьи понадобилось внимательно перечитать словари за 2017-2021 годы. Так в нашем номере журнала встречаются авторы и читатели Словарей новых слов.

Итак, новое в лексике и грамматике представлено в статьях этого номера журнала по-разному, с разных позиций, что подчёркивает важность проблемы в теоретическом плане. Главное же, как нам кажется, то, что нам удалось «крупным планом» показать, какую фундаментальную задачу русистики решают сотрудники ИЛИ РАН, тщательнейшим образом наблюдая в бесконечном пространстве медиасферы процесс появления новых слов и новых значений известных лексем, фиксируя эти изменения в своих ежегодных словарях и размышляя над этими явлениями в своих научных работах.

Благодарю сердечно всех, кто откликнулся на наш замысел подготовить неологический номер журнала и прислал нам тексты в разных жанрах.

Традиционно благодарю наших рецензентов докторов филологических наук Татьяну Геннадьевну Никитину, Викторию Генриховну Дидковскую и Валерия Леонидовича Васильева, которые постоянно вносят свой вклад в поддержание нашим журналом стандартов современной науки.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т. В. Шмелева

Letter from the Editor-in-Chief

Dear colleagues, our authors and readers!

This issue of the journal was conceived jointly with the group of Dictionaries of New Words of the Department of Lexicography of the Modern Russian Language of the Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), to be more precise, with Natalya Vitalievna Kozlovskaya, who was the author of this issue and encouraged her colleagues in the group to participate in it.

In some way, our issue can be considered a continuation of the conference that the group held at the end of last year and information about which was kindly provided to us by Marina Nikolaevna Priemysheva, Head of the Department. So one can start reading the issue starting from the last heading "Scientific Life: Chronicle, Overviews, Reviews", where the information is placed. Of the many problems of neology that were discussed at the conference and are the subject of the daily labors and reflections of the staff of the group, in our issue the problems of replenishing the lexicon with special vocabulary and the influence of new vocabulary on grammar, or rather, the typology of Russian words were developed. Therefore, the general theme of the issue is formulated as follows: the new in vocabulary and grammar.

The articles of the first rubric "Terms at a Time of Discourse Migration of Vocabulary" present the results of the updating the general vocabulary at the expense of the special one, and this renewal is associated with the process of moving words from one discourse to another, which is aptly called discursive migration in the article by Natalia Vitalievna Kozlovskaya and Alina Sergeevna Pavlova. This apt expression was included in the title of the rubric. In the article by these authors, such a migration of a series of designations from the sphere of modern technologies is considered, for which the English word *smart* or its Russian counterpart *умный* is used. Having a vocabulary of 70 units and a corpus of statements with these lexemes from different sources, the authors present their semantic and spelling characteristics, demonstrate different cases of using the "smart lexicon" in various discourses over a period of more than 20 years. Another type of terms is considered in the article by Elizaveta Sergeevna Gromenko. This is medical vocabulary, the introduction of which into the common vocabulary was greatly facilitated by the pandemic. Two articles in the rubric convince us that the processes of replenishing the lexicon are far from being monotonous, and almost every lexical unit deserves special investigation, which is what the Neography group is doing.

The second section, "Grammatical Consequences of Vocabulary Renewal," brings together articles that show how the mass appearance of words of the same type forms new grammatical classes. One of the most noticeable phenomena in grammar was the folding of Russian nouns with the final *-иц*, which are discussed in detail in the article by Svetlana Dmitrievna Levina. Two other articles – by Anna Valerievna Batulina and Elena Mikhailovna Markova – are devoted to the grammatical type of words – univerbs. Although the first of them deals with neoderivatives from the position of semantics and the second with derivatology, it is obvious that the point is that the emergence of new

forms as the realization of Russian grammar's own possibilities leads to the fact that derivatives form a new type of words, introducing changes in the grammatical picture of the Russian word.

In our journal's traditional column "Young Voices" we have Chinese researcher Yi Liqun, who defended her PhD in December and is now working in her home country. She publishes a note not about new words, but about the meta-language of description and study – the history of the term *модное слово* (*buzzword*), which characterizes some of the neologisms.

However, the voices of the other authors of this journal – A.S. Pavlova, co-author of the first article, and E.D. Kukshinova, author of the review, which closes the issue, also sound young. This review is thematically related to the first rubric, it shows how the Dictionaries of New Words, issued by the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, reflect the terminology of computer technology, getting a chance to migrate to the general Russian lexicon, for which the author had to carefully re-read the dictionaries for 2017-2021. So in this issue of the journal there are both authors and readers of Dictionaries of new words.

So, the new in vocabulary and grammar is presented in the articles of this issue of the journal in different ways, from different positions, which emphasizes the importance of the problem in theoretical terms. The main thing, it seems to us, is that we managed to show in a "close-up" what a fundamental task of Russian studies is being solved by the employees of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, carefully observing in the infinite space of the media sphere the process of the emergence of new words and new meanings of known lexemes, fixing these changes in their annual dictionaries and reflecting on these phenomena in their scientific papers.

I sincerely thank everyone who responded to our plan to prepare a neological issue of the journal and sent us texts in various genres.

It is customary that I thank our reviewers, Tatiana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, Victoria Genrikhovna Didkovskaya and Valery Leonidovich Vasiliev, who constantly contribute to keeping our journal up to the standards of modern science.

Until we meet again on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

Термины на фоне дискурсивной миграции лексики / Terms at a time of discourse migration of vocabulary

Смарт-/smart- vs умный в тексте и словаре

Н. В. Козловская, А. С. Павлова

The compound constituent *smart-* vs the new sense of the adjective *umnyj* in the modern Russian language observed as elements of text and dictionary

N. V. Kozlovskaya, A. S. Pavlova

Наталья Витальевна Козловская – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: mnegolosbyl@gmail.com

Алина Сергеевна Павлова – младший научный сотрудник; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: alina_pavlova@mail.ru

Статья поступила: 20.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

В статье рассматриваются проблемы описания семантики, функционирования и лексикографической репрезентации заимствованного компонента *смарт-/smart-*, использующегося в составе композитов, и его аналога – семантической кальки *умный* – в современном русском языке. В ходе исследования продемонстрированы особенности функционирования исследуемых единиц в различных типах дискурса в динамическом аспекте, проанализирована их словарная фиксация, выявлена графическая вариантность элемента *смарт-/smart-*, установлены семантические признаки аффиксоида *смарт-* и нового значения прилагательного *умный*, составлен рабочий вариант их дефиниций для словарных статей в неологической базе ИЛИ РАН. В заключении статьи на основании проведенного анализа делается вывод о достаточной степени освоенности обеих заимствованных единиц в русском языке на орфографическом, грамматическом, лексико-семантическом и коммуникативно-дискурсивном уровнях: компонент *смарт-* и лексема *умный* в синонимичном ему значении отличаются высокой употребительностью и продуктивностью, обладают развитой лексико-семантической структурой и характеризуются богатыми парадигматическими и синтагматическими связями.

Ключевые слова: неология, неологизм, оперативная неография, неологическая база, композит

УДК 81'37

Natalia V. Kozlovskaya – Doctor of Sciences in Philology, leading research associate; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7272-7979

Alina S. Pavlova – junior researcher; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0009-0001-5452-5166

Received: 20/12/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

The article deals with the problems of describing the semantics, functioning and lexicographic representation of the lexical unit *smart-* (which was borrowed from the English language and is used as a constituent part of Russian compound words) in comparison with its synonym – the adjective *umnyj* which acquires a new meaning in the modern Russian language. In the course of the research, the functioning of the mentioned units in various types of discourse was demonstrated, their dictionary presence was analyzed, the graphic variability of the component *smart-* was revealed, the lexical-semantic structure of both units was shown, and their definitions were formulated in order to compile the dictionary entries, so that they can be published in the neological electronic retrieval database of the Institute for Linguistic Studies. In the final part of the article, a conclusion based on a detailed analysis is made about the sufficient degree of language adaptation of both borrowed units in the modern Russian language at the orthographic, grammatical, lexical-semantic and communicative-discursive levels, for both the lexeme *umnyj* in a new sense and its synonym *smart-* are distinguished by high usage and productivity, as well as demonstrate polysemy and rich paradigmatic and syntagmatic connections.

Keywords: neology, new words and meanings, neography, neological information retrieval resource, compound word

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. В статье поставлена проблема описания семантики заимствованного компонента *smart-* в составе композитов и его русского аналога *умный* в составе адъективно-субстантивных словосочетаний. Проблема носит научно-практический характер, ее актуальность обусловлена неполнотой лексикографического описания заимствованного компонента *smart-* и новых значений прилагательного *умный*.

История вопроса. В неологической базе (<https://neolex.iling.spb.ru>, далее Neolex) группы словарей новых слов Института лингвистических исследований РАН зафиксировано более 70 новообразований с начальным компонентом *smart- / smart*, собранных в период с середины 90-х гг. XX в. по настоящее время. Представленные в базе неологизмы имеют разную структуру, разное орфографическое оформление, разные параметры частоты. Ввиду целого ряда причин данная группа слов не получила последовательного отражения в оперативной неографии и в неологической базе ИЛИ РАН. Примеров составных наименований со словом *умный* зафиксировано меньше (около 40), что обусловлено трудностями поиска новых значений. Данная группа лексики также отражена в оперативной неографии не полностью. Поскольку в последнее время наблюдаются рост продуктивности компонента *smart-* и расширение синтагматического потенциала прилагательного *умный* в новом значении, возникла необходимость анализа лексических групп, образованных с участием данных элементов.

Методология и методика исследования. Задачи статьи – анализ функционирования неологизма *smart-* (в том числе в латинской графике) и нового значения слова *умный* в различных дискурсах, а также рассмотрение принципов фиксации этих объектов в различных словарях. Решение этих задач служит более общей цели: выявление и описание признаков лексического значения рассматриваемых единиц и их места в лексико-семантической системе современного русского языка. Поставленные задачи обусловили использование методов и методик исследования.

В целях дополнения неологической базы авторами статьи использованы методы корпусной лингвистики и аналитические инструменты корпусов и баз данных (НКРЯ, Интегрум, Google Books Ngram Viewer). Обращение к русским и английским словарям осуществлялось с применением методики лексикографического анализа. Изучение функционирования новых слов осуществлено с помощью метода наблюдения, метода классификации, а также с применением лексико-семантического анализа.

Анализ материала. Источником заимствования как для компонента *smart- / smart-*, так и для синонимичного ему нового значения лексемы *умный* ('связанный с использованием инновационных технологий; функционирующий с помощью микропроцессора для автоматической работы') послужил английский язык. Толковый словарь Merriam-Webster предлагает следующую лексикографическую репрезентацию заимствованного в современный русский язык лексико-семантического варианта многозначного прилагательного *smart*, который представлен как отдельное значение, имеющее три оттенка:

«а

of a weapon: able to be altered in course during flight: being a guided missile
a laser-guided *smart* bomb

b

: operating by automation
a *smart* machine tool

c

: using a built-in microprocessor for automatic operation, for processing of data, or for achieving greater versatility

a *smart card*» (**a** '(об оружии, об управляемой ракете) способный изменять курс во время полета'; **b** 'основанный на автоматическом управлении'; **c** 'использующий встроенный микропроцессор для автоматической работы, обработки данных или достижения большей универсальности)) [Merriam-Webster Dictionary]. (Перевод толкований выполнен А. С. Павловой. – Прим. авторов).

Двуязычный словарь Cambridge Dictionary определяет соответствующее значение слова *smart* с помощью краткой дефиниции 'с программным обеспечением' [Cambridge Dictionary], причем толкование на английском языке содержит уточнение (MACHINE/WEAPON) («Об устройстве/Об оружии»). Таким образом, на основании данных двух словарей можно сделать вывод о том, что именно семантика, связанная с использованием передового компьютерного обеспечения, инновационных технологий и т.п. при эксплуатации какого-либо устройства или аппарата, является для данного значения определяющей.

В современном русском языке компонент *сма́рт*- используется в составе заимствованных композитов и их производных (*сма́ртфон*, *сма́ртфонный*, *сма́ртфоно́вый*, *сма́ртфоноза́висимость*, *сма́ртфоностро́ение*, *сма́ртфон-э́нциклопедия*) и в составе сложных слов: *сма́рт-бра́слет*, *сма́рт-горо́д*, *сма́рт-часы*. Кроме того, в речи активно используется название автомобиля, образованное путем перехода из разряда имен собственных в нарицательные: *сма́рт*.

Элемент *сма́рт*- в кириллическом написании функционирует в русском языке с середины 1990-х; по данным медиабанка «Интегрум», слова с первой частью *сма́рт*- (*сма́рт-горо́д*, *сма́рт-карта* и *сма́рт-карточка*, *сма́рт-технологии*, *сма́рт-карт-технология*, *сма́рт-магазин*, *сма́рт-проект*, *сма́рт-система*, *сма́рт-сити*, *сма́рт-це́нтр*) на первом этапе использовались преимущественно в экономическом дискурсе. Многие примеры употребления в изданиях, рассчитанных на массового читателя, репрезентируют стандартные дискурсивные практики, сопровождающие ввод в текст новых слов, незнакомых потенциальному адресату: краткая этимологическая справка, небольшое толкование, авторский комментарий. Такое комментирование свидетельствует о процессе дискурсивной миграции слова из языка для специальных целей в общее употребление. *Основным направлением деятельности компании является создание систем, основанных на **сма́рт-технологиях**. На базе аппаратных решений. создается комплекс программного обеспечения, позволяющего использовать сма́рт-карточки для осуществления безналичных расчетов* (Финансовая газета. 1994, № 26. Neolex); *Сегодня рынок **сма́рт-технологий** в России является одним из наиболее активно*

развивающихся (Там же. 1995, № 12. Neolex); В *Union Card* недавно началась реализация локального **смарт-проекта**. Третья по масштабам межрегиональная платежная система «Золотая Корона» построена на **смарт-технологии**. Пожалуй, это основные **смарт-проекты** на российском рынке... (Банковский бюллетень. 30.06.1995. Neolex); С помощью *CryptonSign2.0* можно также работать с интеллектуальными (**смарт-)** картами... (Эксперт. 05.08.1996. Neolex); В принципе сейчас довольно многие предприятия, банки или крупные частные компании уже выплачивают зарплату своим сотрудникам через дебетовые карточки. Но между ними и **смарт-карточками** принципиальная разница. **Смарт-карточка** (*smart* – по-английски «умный»), в отличие от традиционной пластиковой карточки, использует для хранения и передачи информации не магнитную полосу, а микропроцессор, фактически компьютер. Как бы то ни было, **смарт-карточка** – шаг вперед по сравнению с чиповой и прыжок по сравнению с магнитной. Технология же **Смарт-сити** (дословно – «Умный город»), разработанная РТИ и внедряемая в России с помощью ее российского партнера – компании АйТи, и вовсе уникальна (Независимая газета. 04.01.1996. Neolex).

Самым частотным словом с компонентом *смарт-* в течение длительного времени (с 1994 г. до начала нулевых) была лексема *смарт-карта*. Это отражено в лексикографической фиксации слова: оно представлено во всех неологических изданиях, репрезентирующих языковые изменения начала XXI в. В первое время наблюдалась вариативность написания композитов *smart-карта* и *смарт-карта*, *smart-карточный* и *смарт-карточный*. Это отражают многочисленные примеры, представленные в неологической базе Neolex: Кроме этих чисто интернетовских решений существуют и системы «Цифровых кошельков», базирующиеся на **smart-картах** (Итоги. 1997, № 4); **Смарт-карту** можно определить как пластиковую карту со встроенной микросхемой. Отметим, что практически любую **смарт-карту** можно использовать в качестве платежной (Финансовая газета 1994, № 36); В разгар «карточной лихорадки», когда банк и за банк-то не считался, если у него не было своей непременно оригинальной и очень **smart-карточной** программы, он призывал не забывать о том, что технологические инновации должны иметь жесткие коммерческие рамки бизнес-планов (Компьютерра. 05.10.1998); Мы развивали **смарт-карточную** технологию (Деловой Петербург. 07.10.1998).

Конкуренция *смарт-/smart-* наблюдается до настоящего времени, однако важно отметить, что кириллические обозначения в неологической базе значительно преобладают. Это положение подтверждается данными, полученными с помощью аналитического инструмента Ngram Viewer (Рис. 1).

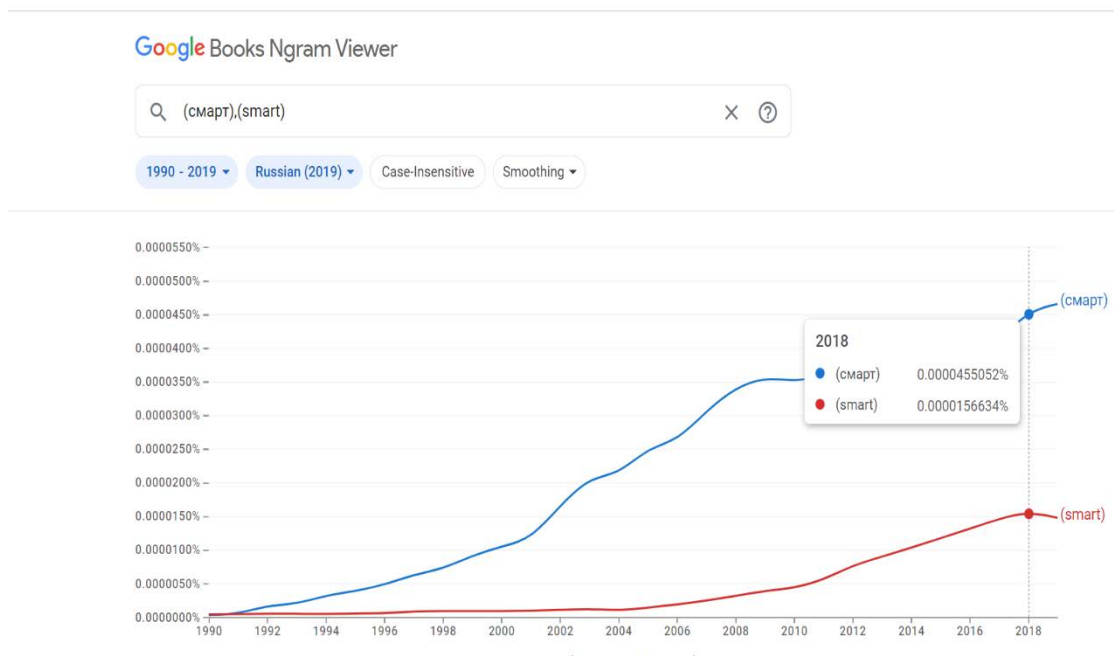

Рис. 1. Конкуренция *смарт-* и *smart-* по данным Ngram Viewer

Несмотря на семантическое разнообразие слов с компонентом *смарт-/ smart-*, их можно условно объединить в четыре большие группы:

Первую группу составляет **предметная лексика** – обозначения инновационных устройств, обладающих расширенной функциональностью: *смарт-браслет*, *смарт-блокнот*, *смарт-бутылка* и *смарт бутылка-термос*, *смарт-клавиатурник*, *смарт-колонка* и *smart-колонка*, *смарт-кроссовки*, *смарт-лампа* и *smart-лампа*, *смарт-соска* и *смартсоска*, *смарт-одежда*, *смарт-очки*, *смарт-термометр*, *смарт-часы* и *smart-часы*.

Приведем несколько цитат, подтверждающих функционирование слов с первым компонентом *смарт-/ smart-* в разных дискурсах: *Рынок носимых **смарт-устройств** переживает расцвет. С начала года сразу несколько ведущих высокотехнологичных компаний мира объявили о своем выходе на рынок носимых (wearable) умных устройств – смарт-часов и смарт-очков* (Коммерсант. 01.04.2013); *В отличие от разработок конкурентов, **smart-лампа** Samsung взаимодействует с мобильными устройствами только через Bluetooth, тогда как в продукте от LG для этих же целей используется Wi-Fi* (PCNews.Ru. 02.04.2014); *Натанцевавшие хипстеры смотрят на Apple Watch, проверяют количество потраченных калорий, восполняют потерянную жидкость (**smart-бутылка** присылает напоминание попить воды) и переодеваются в цивильное* (Elle. 28.03.2017); *Большая часть **смарт-одежды** изготавливается из текстиля со встроенными схемами, датчиками и*

дополнительным оборудованием для расширения интеллектуальных функций (insighthub.ru. 03.11.2018).

Во вторую группу входят **обозначения помещений и пространств**, созданных или функционирующих с помощью инновационных / микропроцессорных технологий: *смарт-город, смарт-дом, смарт-квартира и smart-квартира, смарт-офис, смарт-парник, смарт-пространство, смарт-сад*: *Однокомнатные квартиры всегда были ликвидны, даже сегодня цена на **smart-квартиры** привлекательна с точки зрения перспективного инвестирования* (Ведомости. 20.01.2009); *Собственно, для молодых, энергичных, трудолюбивых людей мы и реализуем масштабные инновационные проекты в IA-секторе, сфере нано- и биотехнологий, строим иннополисы и **смарт-сити*** (Учительская газета. 2014, № 19); *Сейчас проектируем **Smart-кварталы** в районе Люблино на юго-востоке Москвы* (Комсомольская правда. 31.07.2017); *На сегодняшний день в мировой практике агробизнеса представлено немало **смарт-ферм** или смарт-парниковых садов, где вся технология производства продукции основана на применении упомянутых инноваций* (Зеркало 10.12.2018).

Третью группу составляют **обозначения инновационных технологических разработок**, а также приложений и программ, функционирующих на основе этих технологий: *смарт-технология, смарт-баннер, смарт-будильник, смарт-навигатор, смарт-навигация, смарт-ферма*: *Приложений для экспериментов со сном становится все больше, в прошлом году мы уже писали про Sleep Cycle Alarm Clock для iPhone, пришла очередь и аналогичного (да и во многом превосходящего) **смарт-будильника** для Android* (РБК-daily. 23.04.2012); *Кредитные карты с самыми высокими процентными ставками или с наихудшими системами вознаграждения будут использованы **смарт-кошельком** в последнюю очередь* (Сберэксперт SBEREX: всё о банках и вкладах. 22.05.2012); ***Смарт-ферма** и приложение для хороших водителей. **Смарт-ферма** SMARF – недорогой конструктор для самостоятельной сборки системы управления сельскохозяйственной фермой через интернет* (UDF.BY. 21.03.2016); ***Смарт-баннеры** – это интерактивные баннеры с динамическим контентом. Их можно нацелить на пользователей, которые смотрели товары на вашем сайте или интересовались похожими товарами* (Yandex.ru. 10.02.2022).

Наконец, четвертая группа объединяет лексем объединяет **обозначения инновационных коммуникационных и социальных практик** и технологий: *смарт-моб, смартмоб, смарт-мобб и смартмобб, смарт-контракт, смарт-мероприятие, смарт-образование, смарт-подход, smart-решение, смарт-урок и smart-урок*: *И если флэшмоб – это спонтанная организация по сути дурацких представлений в городе, то его, с позволения сказать, «политический» брат, **смартмоб**, явился настоящей технологией превращения толпы дураков в умную толпу* (Московская правда. 25.10.2005); *В конце августа более четырех десятков волонтеров челябинского информационного портала защиты животных провели экологический **смарт-моб** в Карабаше* (Челябинский рабочий 08.09.2009); *По мнению авторов этой работы, их альтернативный **смарт-подход** снимает неудобства повседневной жизни диабетиков, избавляя их от необходимости делать уколы в течение дня и даже суток* (Независимая газета. 05.04.2016); *В основе решения – **смарт-контракты**, параметры которых отображаются во всех компьютерах сети и не могут быть*

изменены без ведома фигурантов: все итерации доступны всем пользователям (Профиль. 2016, № 31).

Отметим, что компонент *смарт-* / *smart-*, написанный латиницей или кириллицей, часто используется в составе имен собственных (коммерческих наименований, товарных знаков) для усиления прагматической функции: семантические признаки, входящие в значение (инновационность, расширенная функциональность, самонастраивающаяся система), позволяют создать более привлекательный образ товара или услуги в глазах потенциального покупателя: *Дом оборудован центральным «интеллектуальным» кондиционированием, приточно-вытяжной вентиляцией, автономным теплоснабжением, системами противопожарного контроля и системой «SMART-квартира»* (Коммерсант-Деньги. 13.09.2001); *Смарт-меню – для вас мы приготовили вкусное, сбалансированное и питательное меню на основе свежих продуктов местного производства* (Стрела. 2014, № 11).

Слова с первым компонентом *смарт-* / *smart-* представляют собой композиты разных типов: композиты-заимствования и комбинированные композиты. Графический облик заимствованных композитов с первым компонентом *смарт-* / *smart-* характеризуется вариативностью, которая может быть обусловлена недостаточной степенью орфографической ассимиляции. Так, слово *смарт-кэжуал* используется в современном дискурсе моды в нескольких орфографических вариантах: *Smart casual*, *smart casual* и *Smart Casual*, *Смарт кэжуал* и *Смарт-кэжуал*, в том числе как склоняемое слово, например: *Появляются коллекции в стиле новой классики – у Band of Outsiders или Obedient Sons. Это гибрид строгости и смарт-кэжуала* (Собака.ru. 2009, №9); *Смарт-кэжуал – стилистическое направление, подвид стиля кэжуал, построенное на создании универсальных повседневных образов, уместных для разных ситуаций и обстановок* (dress-mag.com. 03.02.2011); *Смарт кэжуал – стиль, построенный на импровизации. Здесь нет жестких норм, кроме, пожалуй, отказа от излишней сексуальности и бесформенности* (burdastyle.ru. 10.10.2019); *Smart casual – это новый стиль для мужчин, который позволяет выглядеть элегантно, не терять чувство комфорта, но при этом, соответствуя dress-коду бизнес-работника* (riqbag.ru. 16.06.2020); *Как одеваться в стиле Smart Casual: детали и нюансы. Собственно, стиль smart casual – яркий представитель такого слияния, представляющий собой «среднее арифметическое» между непринужденным повседневным стилем (casual) и деловой одеждой, не лишенной определенной элегантности* (Yandex.dzen. 04.06.2020). В данном случае композит-заимствование сохраняет значение английского слова *smart*, которое еще не вошло в лексико-семантическую систему русского языка и в словарях не отражено: 'изящный, стильный, элегантный'. В русском языке оно входит в состав значения сложного слова как дифференциальный семантический признак.

Лексикографическое описание компонента *смарт-* осуществлено в двух основных типах словарей: орфографический и толковый (словарь новых слов).

Слово *смарт-карта* впервые отражено в оперативной неографии (выпуск «Новое в русской лексике-1994»):

СМАРТ-КА́РТА, ы, ж. Пластиковая расчетная банковская карточка (кредитная или платежная) со встроенным микропроцессором (чипом). *Смарт-карта отличается от обыкновенной пластиковой карточки тем, что она оснащена чипом: микрокомпьютером, содержащим всю необходимую информацию об операциях владельца карточки, и проводит расчеты в течение нескольких секунд без необходимости проверки кредитоспособности клиента.. Чип содержит несколько степеней защиты.* [Московские новости, 9, с. 4в]. 1994. Банк «Оптимум» первым начал осуществлять проект по внедрению на российском рынке карточек с микросхемой (чипом), или *смарт-карт*. [Московские новости, 17, с. 4в]. 1994. – [Московские новости, 10, с. 5в] 1994. (системы расчетов с использованием «смарт-карт»): [Деловая жизнь, 5, с. 4] (обладатель смарт-карты). 1994. – Англ. smart card (сложение компонентов) + (а); smart-card + (а) [Новое в русской лексике, 1994].

К этому же периоду относится первая фиксация элемента *смарт-* в составе словосочетания *бесконтактная смарт-карта* и аббревиатуры *БСК* в неологической базе ИЛИ РАН:

БСК [бэ-эс-ка], неизм. *Бесконтактная смарт-карта* – многоразовый проездной билет с магнитным носителем, на котором закодированы количество поездок и срок действия. *Бесконтактная смарт-карта (БСК) в скором времени заменит магнитные билеты (которые с помощью осциллографа тоже насобачились изготавливать некоторые умельцы).* Вечерний клуб; 26.06.1999. – Сокращ. сочет. слов: *бесконтактная смарт-карт* [Neolex]. (Отметим, что далее словарные статьи приводятся в сокращении. – Прим. авторов).

В академическом «десятилетнике» ([Новые слова и значения..., 2014]), описывающем лексические новации 1990-х, нет отдельных словарных статей с элементом *смарт-*, однако неологизмы с этим элементом (*смарт-карта, смарт-технологии*) есть в словарных статьях с заголовочными словами *ридер* и *считыватель*:

РІ́ДЕР*, а, м. Устройство, считывающее закодированную информацию с пластиковых электронных карт, проездных билетов и т. п.; считыватель (см.). *Доступ пассажиров на перрон осуществляется через турникеты, оборудованные устройствами контроля оплаты – считывателями штрих-кода и ридерами смарт-карт.* РТ 16.3.00 [Новые слова и значения..., 2014, с. 571].

СЧІ́ТЫВАТЕЛЬ, я, м. Электронное устройство для считывания оцифрованной (см.) информации об объекте (*проф.*). □ С ч и т ы в а т е л ь для чего. *В новой партии предусмотрен также специальный считыватель для смарт-карт.* ЭИЖ, 1995, 3 [Новые слова и значения..., 2014, с. 1053].

Анализ материалов неологической базы и словариков выпусков «Новое в русской лексике» ИЛИ РАН свидетельствует о том, что кириллически оформленный элемент *смарт-* конкурирует с первой частью *smart-*, написанной латиницей. *Смарт-* и *smart-* используются как первые части сложных слов, обозначающих технические новинки высокого уровня в самых различных областях.

Технический перерыв в издании серии «Новое в русской лексике» объясняет факт отсутствия целого ряда единиц с этим начальным (или опорным) компонентом в оперативной неографии. Однако представленного в неологической базе лексического

материала достаточно, чтобы сделать вывод об активном участии элемента *смарт/смарт-* в словообразовании, а также об увеличении частоты и расширения парадигматических связей ряда слов с этим компонентом:

В орфографическом академическом словаре (<https://orfo.ruslang.ru/>) по запросу «смарт» найдено 7 словарных статей: «*Смарт*» (марка автомобиля) и *смарт* (автомобиль), *смарт-карта*, *смарт-объект*, *смарт-тэг*, *смарт-телефон*, *смарт-технология* и *БСК* (сокр.: бесконтактная смарт-карта).

Появление новой единицы в словнике орфографического справочника означает, что слово прошло основные этапы освоения коллективным языковым сознанием и закрепилось в лексической системе языка.

В «Новом словаре иностранных слов» элемент *смарт-* также представлен как первая часть сложного слова. Структура толкования свидетельствует о том, что часть *смарт-* означает «со встроенным микропроцессором, чипом».

СМАРТ-КАРТА [англ. smart-card < smart резкий, быстрый + card карта] – пластиковая банковская, расчетная, кредитная или платежная *карта* со встроенным *микропроцессором*, *чипом* [Захаренко, Комарова, Нечаева, 2003].

ЧИП [англ. chip букв. щепка, осколок] – кристалл с *интегральной схемой*; микросхема, интегральная схема [Там же].

Такое значение первого компонента сложных слов *смарт-* подтверждается данными «Русского семантического словаря», в словарной статье которого к слову *чип* есть словосочетание чиповая карта:

ЧИП, -а, м. В микропроцессоре: электронный модуль или микросхема, нанесённая на монокристалл. || *прил. чиповый*, -ая, -ое. *Чиповая карта* (пластиковая карточка с вмонтированным в неё микропроцессором). [Русский семантический словарь, 2002, с. 130].

В «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под ред. Г. Н. Складневской зафиксировано слово *смарт-карта*:

Смарт-карта, ы, ж. [англ. smart card] Чиповая карта. С 10 апреля на любой станции метро вместо единого проездного билета (карточки) можно оформить бесконтактную смарт-карту (БСК) для проезда в подземке. П-Э, 14.04.03. Смарт-карты с указанием всех данных — только для тех, кто выбирает суперльготные условия. А будут смарт-карты и не именные. МК в Питере, 28.05.03-04.06.03 [Складневская, 2007, с. 926].

В «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» элемент *смарт* представлен в трех словарных статьях: в составе заимствований *смартбук* и *смартфон*, а также в качестве первого компонента слова *смарт-карта*.

СМАРТ-КАРТА, ы, ж. Пластиковая карта со встроенной микросхемой, которая позволяет хранить информацию, а также контролировать возможность ее изменения. *Для внутреннего рынка создана полная цепочка производства интеллектуальных карт – от разработки чипов до выпуска готовой смарт-карты: это и транспортные билеты, и сим-карты для мобильных телефонов, и банковские карты.* (Изв. 18.06.08). От англ. smart card < smart 'умный' + card 'карта' [Шагалова, 2011, с. 276].

Уже через 10 лет в «Словаре новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой появляется целый ряд слов разных типов с первым компонентом *смарт-*. Во вступительной статье элемент *смарт-* назван в числе начальных и опорных компонентов, ставших продуктивными в русском языке новейшего периода наряду с такими элементами, как *аниме-*, *блог-*, *вики-*, *гугл-*, *коуч-*, *онлайн-*, *офлайн-*, *промо-*, *ритейл-*, *троллинг-*, *фейк-* и мн. др. В этом словаре есть отдельная словарная статья, в которой элементы *смарт...* и *смарт-* оформлены как первые составные части сложных слов, которые обозначают «отнесённость к устройствам нового поколения, обладающим расширенной функциональностью», а также имеют значение 'умный' «в более широких контекстах: *Смартбук (см.)*, *смарт-город*, *смарт-дисплей*, *смарт-карта (см.)*, *смарт-ключ*, *смарт-очки*, *смарт-проект*, *смарт-ридер (см.)*, *смарт-телевизор*, *смарт-устройство*, *смартфон (см.)*, *смарт-часы*, *смарт-шопинг*». [Шагалова, 2020, с. 389]. В словаре представлены многочисленные примеры: *Вот подумайте: если у меня будет смарт-камера, смарт-телевизор, смартфон, смартбук, то мне нужно как-то передавать сведения, причем без накладок, беспрепятственно, в разных форматах (Ъ-СФ 10.12.10)*; *Американская компания ViewSonic выпустила планшет, или, вернее сказать, смарт-дисплей VSD220 (К. пр. 25.07.13)*; *Смарт-часы дают возможность пользователю получать уведомления о полученных сообщениях, звонках, электронных письмах и напоминаниях (Ъ-Online. 05.09.13)* [Там же, с. 390].

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что компонент *смарт-* в современном русском языке имеет статус префиксоида. Авторы исследования предлагают рабочий вариант словарной статьи для неологической базы ИЛИ РАН (раздел «Аффиксоиды русского языка»):

Смарт- (< англ. smart – умный)

- созданный или функционирующий с помощью инновационных технологий / микропроцессора для автоматической работы: *смарт-будильник*, *смарт-город*, *смарт-одежда*, *смарт-парник*, *смарт-технология*;

- относящийся к инновационным коммуникационным и социальным практикам и технологиям: *смарт-контракт*, *смарт-мероприятие*, *смарт-образование*.

Помимо рассмотренного выше синтетического способа передачи нового значения с помощью заимствованного аффиксоида *смарт-/smart-*, который становится строевым элементом многочисленных композитов, в современном русском языке активно используется другой – синтаксический – способ выражения той же семантики: образование адъективно-субстантивных словосочетаний, в состав которых в качестве постоянного компонента входит прилагательное *умный*. В результате семантического калькирования эта системная лексическая единица приобретает новое значение, соответствующее лексико-семантическому варианту в структуре полисеманта *smart* в языке-доноре.

Анализ синтагматических связей, выявляемых у лексики *умный* в неологическом значении, позволяет нам выделить такие семантические компоненты, как 'автоматизированный / основанный на системе автоматизации', 'функционирующий на основе программного обеспечения / использующий микрочип / содержащий встроенный микропроцессор', 'способный адаптироваться, изменять

свои свойства в зависимости от обстоятельств'. Важно отметить, что типичные примеры употребления прилагательного *умный* в различных контекстах демонстрируют реализацию оттенков значения, аналогичных тем, которые зафиксированы у слова *smart* в словаре Merriam-Webster, т.е. мы можем наблюдать соответствие лексико-семантических вариантов у единиц в языке-источнике заимствования и языке-реципиенте, ср.:

а) *умный боеприпас, умный дрон / квадрокоптер* (соответствует оттенку значения '(о типе вооружения) способный изменять курс во время полета'): **«Умными»** как правило, называют **боеприпасы**, которые способны корректировать траекторию при подлете к цели, обладают функцией самонаведения либо могут взрываться в заданный момент – например, на определенном расстоянии до цели или над ней, что позволяет поражать живую силу противника в инженерных сооружениях открытого типа (бункеры, окопы и т.д.) (lenta.ru 08.03.2017); *Mavic 3 – умный дрон, который не просто автоматически возвращается на базу. Он может определить лучший маршрут и выбирает именно его* (dzen.ru 11.06.2022);

б) *умная витрина, умная кухня, умная лампочка, умная фура, умный город, умный дом, умный офис* (соответствует оттенку значения 'функционирующий, управляемый с помощью автоматики'): В компании *Насладдин* была создана технология **умной витрины** для реализации продукции интернет-магазина. Вдохновившись результатом и популярностью данной технологии, руководством было принято решение о формировании отдельного бизнес-проекта **умного магазина**, который бы взял на себя ответственность по утолению голода офисных сотрудников с помощью осознанного питания через умную витрину, работающую без продавцов (vc.ru 14.03.2019); Система **умного офиса** является аналогом широко известной системы **«Умный дом»** и представляет собой единую систему управления автономными системами офиса – от освещения и кондиционирования до бронирования переговорных (smart4smart.ru/blog 10.09.2019);

в) *умная колонка, умное зеркало, умное устройство, умные часы, умный гаджет, умный девайс, умный помощник, умная подушка* (соответствует оттенку значения 'использующий встроенный микропроцессор для автоматической работы, расширения функционала, достижения максимальной продуктивности'): **Умные гаджеты** для дома автоматизируют быт и облегчают управление собой. Не нужно вручную запускать то или иное устройство, если оно задействовано в сценарии умного дома или задано расписание его работы в приложении на смартфоне. Многими девайсами можно управлять голосом, и это действительно удобно. Мы собрали лучшие умные гаджеты для дома, которые отличаются оптимальным соотношением цены и качества и действительно полезны – автоматизируют рутину, улучшают здоровье владельца или обеспечивают его безопасность (markakachestva.ru 29.01.2021); **Умная колонка** – это не только устройство для прослушивания музыки в хорошем качестве. Новейший гаджет умеет намного больше. Искусственный интеллект, встроенный в колонку, делает ее универсальным помощником. Устройство по голосовой команде подберет и включит музыку по настроению, сообщит последние новости, прогноз погоды и информацию о пробках, поставит будильник, вызовет такси, расскажет ребенку

сказку. И это далеко не полный перечень возможностей умных колонок (kr.ru 01.03.2021).

Неологическое значение и сфера употребления словосочетаний с опорной лексемой *умный* в современном русском языке во многом аналогичны семантическим характеристикам и особенностям функционирования сложных слов с начальной частью *смарт-*, что подтверждается формированием вариантов – многочисленных неологизмов с синонимическим значением, которые образуются от одной и той же основы с помощью прилагательного *умный* или посредством создания композита с первым компонентом *смарт-*: так, неологическая база ИЛИ РАН фиксирует новообразования, характеризующиеся сопоставимой употребительностью: *смарт-гаджет* и *умный гаджет*, *смарт-колонка / смарт-динамик* и *умная колонка*, *смарт-телевизор / смарт-ТВ* и *умный телевизор*, *смарт-технологии* и *умные технологии*, *смарт-часы* и *умные часы* и мн. др. Нередки случаи одновременного использования обоих вариантов в пределах микроконтекста в качестве полных синонимов, например: *Техника **умной** кухни позволяет сложную готовку делать просто. Особых кулинарных навыков от хозяйки не нужно. Особенно если говорить о специализированных устройствах, таких как мультиварка и скороварка* (future2day.ru. 20.01.2020).

В настоящее время новый лексико-семантический вариант прилагательного *умный* в виде оттенка значения зафиксирован в некоторых академических толковых словарях, в частности, в «Словаре русского литературного языка», а также в «Большом толковом словаре русского языка»: «3. Умелый, искусный; способный выполнить сложную работу (обычно о руках, пальцах). У-ые пальцы кружевницы. У-ые руки столяра, модельера. Чтобы найти решение проблемы, нужна у-ая голова. / О машинах, механизмах. У. прибор. У. компьютер.» [Большой толковый словарь русского языка, 2014].

Вместе с тем данная репрезентация, как мы полагаем, не может считаться исчерпывающей: толкование разработано с недостаточной степенью подробности и актуальности и отражает не все семантические компоненты, а в качестве иллюстративного материала в статье приведены только речения, в связи с чем мы считаем необходимым определение места нового значения в структуре слова-полисеманта и создание уточненной дефиниции, которая, кроме того, будет включать примеры употребления слова, иллюстрировать типичную сочетаемость и содержать указание на его парадигматические связи.

Результаты исследования. В результате анализа лексического материала неологической базы ИЛИ РАН (слова с начальным компонентом *смарт-* и новое значение слова *умный* сформулированы рабочие дефиниции для данных единиц: *смарт-* префиксоид, образованный путем лексического заимствования из английского языка (<англ. smart – умный), имеет два значения: **1.** ‘созданный или функционирующий с помощью инновационных технологий’ / микропроцессора для автоматической работы и расширения функционала; связанный с ними’; **2.** ‘относящийся к инновационным коммуникационным и социальным практикам и технологиям’. Новое значение слова *умный* соотносится с системой значения компонента *смарт-* и может быть сформулировано следующим образом: ‘основанный

на использовании инновационных технологий, в т.ч. встроенного микропроцессора, для автоматизации работы, расширения функционала, достижения максимальной продуктивности'. // 'Способный изменять характеристики и функционал в определенных условиях'.

Выводы. В ходе исследования уточнена фиксация первого компонента *smart-* в русском языке конца XX в., что позволило определить период заимствования и адаптации данной единицы. Охарактеризовано явление графического варьирования первой части сложных слов *smart-* / *smart-*, а также установлен характер конкуренции в использовании данных элементов в современной речи. На основании анализа словоупотреблений с первым компонентом *smart-* / *smart-* в различных типах дискурса установлены семантические признаки аффиксоида для словарной статьи в неологической базе ИЛИ РАН.

Проанализировано и охарактеризовано соотношение семантических признаков значений компонента *smart-* и семантической кальки *умный*. Составлен рабочий вариант дефиниции для нового значения прилагательного. На основании проведенного исследования можно сделать общий вывод о том, что русский язык заимствует неологическую семантику проанализированного типа двумя способами: с помощью лексического заимствования и посредством создания семантической кальки, причем оба структурных типа номинации достаточно успешно ассимилируются в языке: из сферы терминологии переходят в общее употребление, характеризуются частотностью и продуктивностью, развитыми парадигматическими и синтагматическими связями. В настоящее время наблюдается конкуренция нескольких вариантов, различающихся в формальном отношении, но идентичных с точки зрения плана содержания.

Литература

Денисенко, Ю. Ф. (Ред.). (2006). *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1994*. Санкт-Петербург.

Захаренко, Е. Н., Комарова, Л. Н., Нечаева, И. В. (2003). *Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний*. Москва: «Азбуковник».

Информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН [Web-страница]. (б/д.). Электронный ресурс <https://neolex.iling.spb.ru>

Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Первое издание. Санкт-Петербург: Норинт. Электронный ресурс <http://www.gramota.ru>

Скляревская, Г. Н. (Ред.). (2007). *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. Москва: Эксмо.

Шагалова, Е. Н. (2011). *Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов*. Москва: АСТ: Астрель.

Шагалова, Е. Н. (2020). *Словарь новейших иностранных слов*. Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА

Шведовой, Н. Ю. (Ред.). (2002). *Русский семантический словарь*. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том II. РАН. Ин-т рус. яз. Москва: Ин-т рус. яз.

Cambridge Dictionary. Электронный ресурс <https://dictionary.cambridge.org>

Merriam-Webster Dictionary. Электронный ресурс <https://www.merriam-webster.com/dictionary> Буцевой, Т. Н., & Левашова, Е. А. (Ред.). (2014). *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т*. Санкт-Петербург: Паркомат – Я.

References

Butseva T. N., & Levashov E. A. (Eds.). (2014). *NWM-90 — New words and meanings: a dictionary-reference book based on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century: in 3 volumes*. Saint Petersburg: Parkomat – Ya, 3 (In Russian).

Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org>

Denisenko Yu. F. (Ed.). (2006). *NRV-1994 — New in Russian Vocabulary. Vocabulary materials*. Saint Petersburg. (In Russian).

Information and search lexicographic resource “New in Russian Vocabulary. Vocabulary materials” of the Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (data base). Retrieved from <https://neolex.iling.spb.ru> (In Russian)

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. First edition: Saint Petersburg: Norint Publ. Published in the author's edition in 2014. Retrieved from <http://www.gramota.ru> (In Russian).

Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary>

Shagalova, E. N. (2011). *The latest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: approx. 1500 words*. Moscow: AST: Astrel' Publ. (In Russian).

Shagalova, E. N. (2020). *Dictionary of the latest foreign words*. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ. (In Russian).

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2002). *RSD — Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings*. Vol. II. Moscow: Russian Language Institute Publ. (In Russian).

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language at the beginning of the XXI century*. Current vocabulary. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

Zakharenko, E. N., Komarova, L. N., Nechaeva, I. V. (2003). *New dictionary of foreign words: 25,000 words and expressions*. Moscow: Azbukovnik Publ. Retrieved from <https://neolex.iling.spb.ru> (In Russian).

Для цитирования статьи:

Козловская, Н. В., Павлова, А. С. (2023). Смарт-/smart- vs умный в тексте и словаре. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 8–21. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-8-21

For citation:

Kozlovskaya, N. V., Pavlova, A. S. (2023). The compound constituent smart- vs the new sense of the adjective umnyj in the modern Russian language observed as elements of text and dictionary. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 8–21. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-8-21

Медицинская лексика новейшего периода в материалах оперативной неографии (в русском и венгерском языках)

Е. С. Громенко

Medical vocabulary of the 21st century in the materials of operational neography (in the Russian and Hungarian languages)

E. S. Gromenko

Елизавета Сергеевна Громенко – кандидат филологических наук; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: el.gromenko@gmail.com

Статья поступила. 10.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

Объектом исследования стала новая медицинская лексика в русском и венгерском языках. Несмотря на то, что венгерский и русский языки не являются родственными языками, они оказываются под влиянием схожих мировых политических, социокультурных процессов, что отражается в той лексике, которая обновляет словарный состав этих языков. В последние несколько лет на венгерский и русский язык оказывала наибольшее влияние пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, которая дала импульс для развития сопоставимых тенденций во многих языках мира. В связи с вышесказанным в предлагаемом исследовании была поставлена задача – выявить и описать различия и сходства этих языковых процессов на материале новой медицинской лексики, зафиксированной в словарях неологизмов русского и венгерского языков. В исследовании проведён разноаспектный анализ медицинской лексики новейшего периода, попавшей в русский и венгерский языки в общее употребление в XXI веке, с точки зрения её семантики, статистики, словообразования. Таким образом, в исследовании была проанализирована новая, а также актуализированная лексика русского и венгерского языков XXI века такая, как *нулевой пациент* и *nulladik páciens / zéró páciens, сатурация* и *oxigén telítettség / oxigénszaturáció* (насыщение крови кислородом), *сверхраспространитель / суперзаражатель / суперразбрасыватель / суперразносчик / суперраспространитель / суперспредер* и *szuperfertőzött / szuperterjesztő* и мн. др. Также был проведён анализ деривационной продуктивности медицинских терминов, ставших ключевыми словами. Актуальность исследования обусловлена перспективной научной значимостью выявления тенденций лексико-семантических процессов в языках разных типов (индоевропейского и финно-угорского) в один культурно-исторический период на примере сопоставимой группы лексики.

Elizaveta S. Gromenko — PhD in Philology; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID 0000-0002-1143-1872

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

The object of the study is the new medical vocabulary in Russian and Hungarian. Despite the fact that Hungarian and Russian are not related languages, they are influenced by similar global political, sociocultural processes, which is reflected in the words that update the vocabulary of these languages. In the past few years, the Hungarian and Russian languages have been most affected by the COVID-19 pandemic, which has given impetus to the development of comparable trends in many languages around the world. In connection with the foregoing, in the proposed study, the task was to identify and describe differences and similarities of these language processes on the basis of new medical vocabulary recorded in the dictionaries of neologisms of the Russian and Hungarian languages. The study carried out a multi-aspect analysis of the medical vocabulary of the recent period, which came into common use in the Russian and Hungarian languages in the 21st century, in terms of its semantics, statistics, word formation, and the sphere of predominant distribution. Thus, the study analyzed new, as well as updated vocabulary of the Russian and Hungarian languages of the 21st century such as *nulevoj pacient* and *nulladik páciens / zéró páciens* (patient zero), *saturaciya* and *oxigén telítettség / oxigénszaturáció* (saturation), *sverhrasprostranitel' / superzarazhatel' / superrazbrasyvatel' / superraznoschik / superrasprostranitel' / superspredel' and szuperfertőzött / szuperterjesztő* (superspreader) etc., an analysis was also made of the derivational productivity of medical terms that have become keywords. The relevance of the study is due to the promising scientific significance of identifying trends in lexical-semantic processes in languages of different types (Indo-European and Finno-Ugric) in one cultural and historical period on the example of a comparable vocabulary group.

Ключевые слова: термин, медицинская лексика, неологизм, словари неологизмов, русский язык новейшего периода, венгерский язык новейшего периода

УДК 811.161.1.06

Keywords: term, medical vocabulary, neologism, dictionaries of neologisms, the modern Russian language, the modern Hungarian language

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Несмотря на то, что венгерский и русский язык не являются родственными языками, они оказываются под влиянием схожих мировых политических, социокультурных процессов, что отражается в той лексике, которая обновляет их словарный состав.

Одним из значимых процессов в лексике последних лет стало явление «медикализации» [Зеленин, 2021, с. 74], увеличившее своё значение в 2020–2021 гг. во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. В предлагаемом исследовании поставлена задача – выявить и описать различия и сходства этих языковых процессов в отношении новой медицинской лексики, зафиксированной в словарях неологизмов русского и венгерского языков.

Актуальность исследования обусловлена перспективной научной значимостью выявления тенденций лексико-семантических процессов в языках разных типов (индоевропейского и финно-угорского) в один культурно-исторический период на примере сопоставимой группы лексики.

История вопроса. В первом словаре неологизмов «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» около 10% словника составила новая или актуализированная лексика медицинской сферы, ср.: *аллерген, гамма-глобулин, гериатрия, дибазол, йодиол, кардиоскоп, нарколог, пульмонология, ревматолог энцефалограф* [Котелова, 1971]. Выпуски словарей-ежегодников также широко включают специальную лексику, в том числе медицинской сферы, что, в частности, демонстрирует первое издание этой серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 1977», ср.: *гамма-камера, лазерный нож, лифузоль, модификация поведения, негатоскоп, плеоптика* [Котелова, 1980].

Эта традиция продолжается в выпусках XXI в.: в 2015 г. фиксируется неологизм *информационный псевдодебил*; в 2016 г. — *мельдоний*; в 2017 г. — *мини-блефаропластика, мини-броулифтинг, мини-остеотомия, экзорехабилитация*; в 2018 г. — *губительная эмпатия, дайсония, криспы, скутоид, токс, шлем-криоаппликатор*; в 2019 г. — *криопечать, лазерное УЗИ, УЗИ-абляция*; в 2020 г. — *антиковидный, гипоксия, счастливая гипоксия, ИВЛ, ковид, нулевой пациент, плато, ПЦР, санитайзер, социальная дистанция*; в 2021 г. — *альфа, бета-вариант, бустерная вакцина, гамма-вариант, дельта, супермутант, санитарный щит*.

Развитие венгерской неографии относится к концу XX века: первым венгерским словарем неологизмов является двуязычный русско-венгерский словарь публицистики «Orosz–magyar sajtónyelvi szótár» [Kugler, 1994]. Спустя несколько лет издается словарь отобранных в текстах СМИ новых слов венгерского языка «Új szavak, új jelentések 1997-ből» (Новые слова, новые значения – 1997) [Kiss, Pusztai, 1999]. Редакторы этого издания, так же, как и отечественные неографы, поставили перед

собой цель – регистрацию и отслеживание постоянного движения в словарном составе языка. В этой связи одной из задач стала ежегодная фиксация и описание новых слов и сочетаний (internet, logisztika (логистика), magánosítás (приватизация)), а также уже известных слов с новым значением (egér (мышь), mobil (мобильный), csúsztatás (раздвижной)).

В XXI веке наиболее крупными проектами по описанию новой лексики в венгерском языке становятся издания «Nyelvünk 1250 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal» (Новые слова 1. Толкование 1250 новых слов венгерского языка с иллюстративным материалом) [Minya, 2007], «Új szavak 2. Nyelvünk 800 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal» (Новые слова 2. Толкование 800 новых слов венгерского языка с иллюстративным материалом) [Minya, 2014], а также словарь «Új szavak, kifejezések. A rendszerváltás kisszótára (1990–2015). Nem szótározott szavak tárháza» (Новые слова и выражения. Малый словарь лексики периода после смены режима (1990–2015). Словарь новых слов, не вошедших в другие словари) [Balázs, 2016].

Несмотря на создание с конца XX века словарей неологизмов венгерского языка в венгерской лексикографии трудно выделить неографию как полноценное направление – регулярно и системно описывающее изменения в лексическом составе этого языка. Тем сложнее системно проследить развитие новой медицинской лексики в венгерском языке. Вместе с тем пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 с 2020 способствует появлению ресурсов, изданий, описывающих массив новых слов этого периода, связанных главным образом с медицинской сферой.

Методология и методика анализа. В предлагаемой статье объектом анализа стала новая медицинская лексика, описанная в серии выпусков словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» за 2015–2021 гг., а также в «Словаре карантина» (Karanténszótár) [Veszelszki, 2020]. Выбор этих изданий обусловлен тем, что собранный в них материал позволяет проследить тенденции и динамические процессы в лексическом составе русского и венгерского языков новейшего периода в аспекте насыщения этих языков медицинской лексикой.

В исследовании применялись методы дистрибутивного, источниковедческого и корпусного анализа (<http://www.integrumworld.com>), сравнительно-сопоставительный, статистический методы, в совокупности позволившие провести разноаспектный анализ медицинской лексики новейшего периода, охарактеризовать её в аспекте статистики, семантики, словообразования, сферы преимущественного распространения.

Анализ материала. Специальная лексика в словарях-ежегодниках «Новое в русской лексике» различна в плане преимущественной сферы её распространения. В словарных материалах за 2015–2022 гг. встречаются термины, употребительные в специальных дискурсах, которые расширили сферу употребления (маркируются пометой *спец.*), ср.: *бустерная доза, губительная эмпатия, дайсония, пандемиогенный, санитарный щит, скуттоид, экзореабилитация;*

слова, употребительные в речи специалистов и попавшие в общее употребление (маркируются пометой *проф.*), ср.: *альфа, длинный ковид, желудочный ковид, каппа-*

штамм, крипы, мини-блефаропластика, мини-броулифтинг, мини-остеотомия, токс.

Новая лексика тематической группы «медицина», зафиксированная в этих изданиях, а также в «Словаре карантина» подразделяется на несколько основных категорий языковых единиц:

слова, заимствованные из английского языка: *бустер* (от англ. booster), *бустерная доза* (от англ. booster dose), *вакциномейкер* (от англ. vaccine maker), *вакцинонеделя* (от англ. World Immunization Week), *губительная эмпатия* (от англ. ruinous empathy), *дельта-плюс* (англ. Delta Plus), *мозговой туман* (от англ. brain fog), *рубатосис* (англ. rubatosis), *скутоид* (англ. scutoid), *стелс-омикрон* (англ. Stealth Omicron), *экзореабилитация* (от англ. ExoRehabilitation), *társadalmi távolságtartás* (от англ. social distancing), *nulladik páciens* (от англ. patient zero), *fertőzési lánc* (от англ. chain of infection).

аффиксоиды: *вакцино-*, *ковид-* / *COVID-*, *vakcina-*. Уникальность этой группы лексики заключается в том, что медицинская терминология или терминологические компоненты, такие как *вакцино-*, *ковид-*, становятся ключевыми словами 2020 и 2021 гг. с применением этих аффиксоидов образуются большое количество неологизмов. Кроме того, ключевая медицинская лексика становится основой для окказиональных неологизмов, ср.: *вакциноверующий, вакцинобаяре, ковид-неологизм, ковид-нигилизм, ковид-диссидент, ковид-фашизм.*

Подобно тенденциям в русском языке, слово **COVID** в венгерском языке также становится высокопродуктивным аффиксоидом и служит основой ряда сложных слов, в том числе игровых номинаций, ср.: *COVID-app* (COVID-приложение), *COVID-bevétel* (COVID-доход), *COVID-biztosan* (COVID-верный), *COVID-centrum* (COVID-центр), *COVID-cár* (COVID-царь), *COVID-dezinformáció* (COVID-дезинформация), *COVID-disszidens* (COVID-диссидент), *COVID-dolog* (COVID-вещь), *COVID-egység* (COVID-единица), *COVID-ellenanyag* (COVID-антитело), *COVID-ellenes* (COVID-анти), *COVID-ellenszer* (COVID-противоядие), *COVID-ellátó* (COVID-поставщик), *COVID-elővigyázatosság* (COVID-меры предосторожности), *COVID-fasiszta* (COVID-фашист), *COVID-felfedező* (COVID-исследователь), *COVID-felmérés* (COVID-опрос). К продуктивным словообразовательным основам можно относиться и *oltási* (вакцинация) и *vakcina-* (вакцино-): *oltási terv* (вакциноплан), *oltásigény* (вакциноспрос), *vakcina-regisztráció* (вакцинорегистрация), *vakcina-weboldal* (вакциносайт).

Слова и словосочетания, перешедшие в общее употребление из функциональных подязыков, в т.ч. из профессионального медицинского дискурса, ср.: *альфа-вариант, бета-вариант, гамма-вариант, дельта-вариант, длинный ковид, желудочный ковид, мельдоний, омикрон-линия, санитарный щит.* Такие слова могут быть и абсолютными неологизмами — новыми терминами, профессионализмами как в специализированных дискурсах, так и в общем употреблении, ср.: *альфа, омикрон, лямбда-штам, мутант, шлем-криоаппликатор;* и новыми для общего употребления понятиями, уже какое-то время употребляющимися в специализированной среде, ср. *гипоксия, матовое стекло, мельдоний* [Козловская, Кожевников, 2018, с. 106], *прайм, сатурация.*

В венгерском языке в общепотребительной среде также появляются новые медицинские термины, актуализируется семантика, активизируется употребление уже существующих медицинских понятий, ср.: *aktív fertőzöttek* (активные инфицированные), *antitest* (антитест), *átfertőződés* (перекрестное заражение), *átoltottság* (прививка), *beazonosított fertőzöttek* (выявление инфицированных), *ellenanyag* (антитело), *első hullám* (первая волна), *esetszám* (количество заражений), *fertőzési lánc* (цепочка заражения), *fertőzési láncolat* (цепочка заражения), *gyorsteszt* (экспресс-тест), *harmadik hullám* (третья волна), *izolálás* (изоляция), *járványkórház* (эпидемический стационар), *karantén* (карантин), *kontaktkutatás* (отслеживание контактов), *második hullám* (вторая волна), *mintavétel* (отбор проб), *mutáció* (мутация), *nyújtóimmunitás* (коллективный иммунитет), *oltakozás* (вакцинация), *oltási terv* (вакциноплан), *oltásigény* (вакциноспрос), *operatív törzs* (оперативная нагрузка), *pandémia* (пандемия), *PCR-vizsgálat* (ПЦР-анализ) *PCR-teszt* (ПЦР-тест), *plató* (плато), *szociális távolságtartás* (социальное дистанцирование), *szuperfertőzött* (суперраспространитель), *szuperterjesztő* (суперраспространитель), *tesztelés* (тестирование), *tömeges tesztelés* (массовое тестирование), *virológus* (вирусолог).

Например, широко распространившийся в русском языке в 2020 г. термин *сатурация*, так же, как и в венгерском языке аналогичное понятие *oxigén telítettség / oxigénszaturáció* (насыщение крови кислородом), не являются новыми словами. В русском языке первые употребления этого термина находим еще во второй половине XIX в.: *Точка, линия, после которой борьба между желанием лучшего и сохранением существующего оканчивается в пользу сохранения, наступает (кажется нам) тогда, когда господствующая, деятельная, историческая часть народа близко подходит к такой форме жизни, которая соответствует ему; это своего рода насыщение, сатурация; всё приходит в равновесие, успокаивается, продолжает вечное одно и то же — до катаклизма, обновления или разрушения* (А. И. Герцен. Былое и думы, 1864). Вместе с тем очевидно, что в приведенной цитате слово *сатурация* употребляется в более общем значении химического термина — насыщение жидкости углекислым газом. В значении 'содержание кислорода в крови; показатель уровня насыщенности крови кислородом, выражаемое в процентном соотношении' [Новое, 2021, с. 237], по данным Google.Books, слово *сатурация* употребляется со второй половины XX в.: *При подводных погружениях происходит сатурация (насыщение) крови азотом, которая при выходе из глубины вызывает наиболее часто возникающее заболевание — кессонную болезнь* (П. Н. Шастин. Спортсмену-подводнику о физиологии подводного спорта, 1962).

В информационно-аналитических медиа, по данным медиабанка «Интегрум.Профи», слово *сатурация* функционирует с конца 90-х гг. XX в., однако в большинстве случаев как химический термин; ср.: *Появились сложности при обслуживании котла сока первой сатурации, а затем в работе газовых насосов* (Тамбовская жизнь, 26.08.1998) и *Исполняющий обязанности директора С. Скиба рассказал, что выпуск минеральных вод можно увеличить ещё в несколько раз на существующих мощностях по производству бутылок, сатурации и розливу* (Крымская правда, 10.02.1999).

Первая цитата с медицинским термином *сатурация* в СМИ относится к 2010 г.: *Другой прибор служит для измерения пульса и уровня сатурации (насыщения кислородом) капиллярной крови* (Время, Щелково, 12.02.2010). До 2020 г. термин *сатурация* упоминается в медиа 1942 раза, при том что использование слова в разных значениях не отмечается. Кроме того, до 2020 года основной сферой распространения этого термина являются медицинские ресурсы, ср.: 64 употребления в издании для практикующих врачей «Русский Медицинский Журнал», 37 употреблений на профессиональном ресурсе для врачей и медицинского сообщества «Лечащий врач», 24 употребления в многопрофильном медицинском интернет-сервисе MedLinks.Ru, 23 употребления на сайте медицинской информационной службы «Недуг.ру», 14 употреблений в журнале для специалистов в области медицины и фармации «Ремедиум», 8 употреблений в журнале для врачей «Трудный пациент».

В течение 2020 года медицинский термин *сатурация* упоминается в медиа 14201 раз, абсолютное большинство цитат относится к употреблениям этого слова в аналитических информационных ресурсах, ср.: *Реагировать быстро на небольшое снижение сатурации кислорода и ухудшение самочувствия* (Огонёк, 19.10.2020); *«Как же я сейчас узнаю, какая у мамы сатурация, если уже полчаса рассказываю вам одно и то же?!»* (Огонёк, 02.11.2020); *Если температура больного больше трех дней держится выше 38,5, а сатурация упала ниже 93%, госпитализация обязательна* (Российская газета 09.11.2020); *Над каждой кроватью висит прибор, показывающий сатурацию (количество кислорода в крови)* (АиФ 02.12.2020).

В венгерском языке, по данным Google.Books, первое употребление термина *oxigén telítettség* относится к 1890 г. в журнале естественных наук: *Ezúttal csak a végeredmények elsorolására szorítkozom; e számok alighanem határosak azokkal, a melyek a vérnek oxigénnel való telítettségét fejezik ki* — На этот раз я ограничусь перечислением окончательных результатов; эти числа, вероятно, близки к тем, которые выражают насыщение крови кислородом (Természettudományi közlöny, 1890, т. 22, с. 548).

Вариантный термин *oxigénszaturáció* находим впервые в цитате 1956 г.: *Maurer (1940, 1941) kutyában fokozott nyirokprodukción észlelt, ha az artériás vér oxigéntelítettségét 75% -ra csökkentette; ha az oxigénszaturáció 50% alá süllyedt, a nyirokprodukción maximálissá vált* — Маурер (1940, 1941) наблюдал увеличение продукции лимфы у собак, когда он снижал насыщение кислородом артериальной крови до 75%; когда сатурация кислорода падала ниже 50%, продукция лимфы становилась максимальной (Magyar Tudományos Akadémia Biológiai és Orvosi Tudományok Osztályának Közleményei, т. 7–8, 1956, с. 24).

В этих цитатах слова *oxigén telítettség* и *oxigénszaturáció* являются медицинскими, а не химическими терминами, т.к. в венгерском языке в этих двух науках используются различные номинации: *szaturálás* – для обозначения химического понятия (насыщение жидкости углекислым газом), *oxigén telítettség / oxigénszaturáció* – медицинского понятия (насыщение крови кислородом).

С пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 увеличивается количество употреблений слова *oxigén telítettség* в медиа (11 документов с этим термином с 1890 по 31.12.2019), меняется его написание: в источниках с 2020 по 2022 гг. это слово

приобретает орфографически цельнооформленный вариант *oxigéntelítettség* (189 употреблений по данным Google Books). Растёт количество употреблений в медиа эквивалента *oxigénszaturáció*: 12 цитат в текстах СМИ до 31.12.2019 и 198 документов с 01.01.2020 по 31.12.2022.

Таким образом, в 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 термины *самурация* и *oxigén telítettség (oxigéntelítettség) / oxigénszaturáció* приобретают особое значение, что приводит к активизации употребления этого слова в медиа, его переходу в общее употребление в русском и венгерском языках.

Отличительной чертой словарей неологизмов является их не нормативный характер, что приводит к включению в словник таких изданий нескольких вариантов обозначения одного понятия. Несмотря на то, что терминологическая лексика стремится к унифицированности и кодифицированности, узкая вариативность терминов-неологизмов оказывается актуальна и для медицинской лексики. Кроме того, период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 характеризуется так называемым *номинативным сверхварьированием* [Приемышева, 2021, с. 20], что применительно ко всем категориям лексики, в том числе специальной.

Например, в выпуске «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2020» номинации *сверхраспространитель*, *суперзаражатель*, *суперразбрасыватель*, *суперразносчик*, *суперраспространитель*, *суперспредер* называют того, 'кто является носителем коронавирусной инфекции COVID-19 и заражает этой инфекцией большое количество людей'. Все перечисленные номинации — это заимствования, прототипом которых является английский термин *super-spreader* или *superspreader*. Графически адаптированный вариант *суперспредер* переносится в русский язык методом транскрипции, остальные лексемы — *сверхраспространитель*, *суперзаражатель*, *суперразбрасыватель*, *суперразносчик*, *суперраспространитель* — перевод английского оригинала при помощи различных синонимичных существительных (супер/сверх)распространитель / разбрасыватель / разносчик / распространитель и слова устной непринужденной литературной речи — заражатель.

Термин *super-spreader* впервые описывается в словаре Merriam-Webster в 1973 году:

'1: an individual who is highly contagious and capable of transmitting a communicable disease to an unusually large number of uninfected individuals' [Merriam-Webster] (человек, который является очень заразным и способен передавать инфекционное заболевание необычно большому числу неинфицированных людей).

Анализ русскоязычных научных статей показал, что с момента первого употребления (2004 г.) и до 2020 г. единственным обозначением-термином в специализированном дискурсе являлась лексема *суперраспространитель*.

Сопоставительный анализ употреблений этих номинаций в текстах СМИ на базе медиабанка «Интегрум. Профи» показал, что доминирующей в медиа является лексема *суперраспространитель*, ср.: *сверхраспространитель* употребляется в текстах 707 раз, *суперзаражатель* — 90, *суперразбрасыватель* — 18, *суперразносчик* — 19, *суперраспространитель* — **4031**, *суперспредер* — 650. Таким образом, приведённые статистические данные согласуются с тем обстоятельством, что

номинация *суперраспространитель* является единственным кодифицированным вариантом термина *super-spreader*.

В венгерском языке находим только две номинации для английского термина *super-spreader* — *szuperfertőzőtt* и *szuperterjesztő*. Вместе с тем для заимствованного понятия *social distancing* (социальное дистанцирование) находим целый ряд номинаций: *társadalmi távolságtartás*, *közösségi távolságtartás*, *társas távolságtartás*, *távolságtartás*, *közösségi távöltartás*, *társadalmi elkülönülés*, *fizikai eltávolodás*. Схожая ситуация возникает в случае с перенесением заимствованного термина *patient zero* (нулевой пациент) — *nulladik páciens / zéró páciens* и *chain of infection* (цепь заражения) — *fertőzési lánc / fertőzési láncolat*.

В материалах выпусков за 2020 и 2021 гг. выделяется группа окказиональной лексики, словообразовательными компонентами которой является медицинская терминология, ср.: *антиковид-порошок*, *антиковид-тур*, *антитковид-удавка*, *барандемия*. *бустнуться* (о новой глагольной лексике в период пандемии см. [Левина, 2021, с. 419–429], *вакцилейбус*, *вакциноангел*, *вакцинобес*, *вакциноверующий*, *вакцинозаговор*, *квакцинация*, *квакцинировать* (о зоолексике в период пандемии см. [Павлова, 2022, с. 54–75]), *ковид-алфавит*, *ковид-культ*, *ковид-маскировка*, *ковид-неприкасаемый*, *ковид-стукач*, *ковцинатор*, *реовцинация*.

В венгерском языке медицинские термины также становятся компонентами образных, игровых, разговорных номинаций, ср.: *COVID-apokalipszis* (COVID-апокалипсис), *COVID-ateista* (COVID-атеист), *COVID-biblia* (COVID-библия), *COVID-bosszú* (COVID-месть), *COVID-buborék* (COVID-пузырь), *COVID-buli* (COVID-вечеринка), *COVID-bullying* (COVID-издевательства), *COVID-bűnöző* (COVID-преступник), *COVID-celeb* (COVID-знаменитость), *COVID-csapat* (COVID-чудо), *COVID-csekklista* (COVID-панацея), *COVID-disszidens* (COVID-диссидент), *COVID-disztópia* (COVID-антиутопия), *COVID-erdő* (COVID-лес), *COVID-felfordulás* (COVID-переворот), *covidinka* (ковидинка), *fotelvirológus* (диванный вирусолог), *infaszerez* (вакцинирован вакциной pfizer), *járványszett* (эпидемический сет), *karanténkoncert* (карантиноконцерт), *koronadivat* (мода на корону), *maszkselfi* (маскоселфи).

Таким образом, выпуски «Новое в русской лексике» последних лет, «Словарь карантина» демонстрируют актуальные языковые процессы, связанные с распространением медицинской лексики в общем употреблении, её деривационную продуктивность, вовлечение в процессы языковой игры, значимые для общества слова.

Выводы. Проведённый анализ позволил найти сходства и различия в актуальных для русского и венгерского языков тенденциях. Несмотря на то что процесс перехода новой и актуализированной медицинской лексики в широкое употребление является естественным во все времена, что подтверждают данные словарей неологизмов XX века, в 2020–2021 гг., медицинская лексика становится наиболее значима в жизни общества.

Медицинские термины в 2020–2021 гг. в большом количестве переходят в общее употребление, что демонстрируют выпуски «Новое в русской лексике» за 2020 и 2021 гг., «Словарь карантина» на материале венгерского языка. Появляется большое

количество новой (сопоставимой) медицинской терминологии (нулевой пациент — *nulladik páciens / zéró páciens* суперраспространитель — *szuperterjesztő*). Лексика медицинской сферы в этот период проявляет высокую деривационную активность, ряд (сопоставимых) терминов становится ключевыми словами (*вакцино-, ковид-, корона-, COVID-, oltási, vakcina-*), специальная лексика включается в процессы языковой игры (*диванный вирусолог — koronadivat, ковид-диссидент — COVID-disszidens*), создаётся большое количество лексики непринуждённой литературной речи (*лямбда-ковид, infaszerez*). Как показывает анализ, на оба языка оказывает влияние английский язык: в русском языке появляются заимствования *дайсония* (англ. *dysomnia*), *бустерная вакцина* (англ. *booster vaccination*), венгерском языке *kontaktkutatás* (от англ. *contact tracing*), *önizolálás* (от англ. *self-isolation*), *szociális távolság* (от англ. *social distance*). Иначе говоря, несмотря на то, что венгерский и русский язык не являются родственными языками, проведённый сопоставительный анализ медицинских неологизмов демонстрирует схожие языковые процессы, возникшие по причине общих мировых процессов, пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Литература

Громенко, Е. С., Кожевников, А. Ю., Козловская, Н. В., Козулина, Н. А., Левина, С. Д., Ридецкая, Ю. С. (Ред.). (2018). *Новое в русской лексике*. Словарные материалы–2016. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.

Громенко, Е. С., Кожевников, А. Ю., Козловская, Н. В., Козулина, Н. А., Левина, С. Д., Ридецкая, Ю. С. (Ред.). (2019). *Новое в русской лексике*. Словарные материалы–2017. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.

Громенко, Е. С., Кожевников, А. Ю., Козловская, Н. В., Козулина, Н. А., Левина, С. Д., Ридецкая, Ю. С. (Ред.). (2020). *Новое в русской лексике*. Словарные материалы – 2015. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.

Громенко, Е. С., Кожевников, А. Ю., Козловская, Н. В., Козулина, Н. А., Левина, С. Д., Ридецкая, Ю. С. (Ред.). (2020а). *Новое в русской лексике*. Словарные материалы – 2018. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.

Громенко, Е. С., Кожевников, А. Ю., Козловская, Н. В., Козулина, Н. А., Левина, С. Д., Ридецкая, Ю. С. (Ред.). (2021). *Новое в русской лексике*. Словарные материалы–2019. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.

Зеленин, А. В. (2021). Методы и приемы исследования коронавирусного лексикона (обзор зарубежных работ) *Русский язык коронавирусной эпохи*: коллективная монография. Санкт-Петербург: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований, 66–90.

Козловская, Н. В., Козулина, Н. А., Левина, С. Д., Ридецкая Ю. С. (Ред.). (2021а). *Новое в русской лексике*. Словарные материалы–2020. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.

Козловская, Н. В., & Кожевников, А. Ю. (2018). Лексикографическое описание неолексем в ежегодном словаре *Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития*: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 114–122.

Котелова, Н. З. (ред.) (1980). *Новое в русской лексике*. Словарные материалы – 77. Москва: Русский язык

Котелова, Н. З. (ред.). (1971). *Новые слова и значения*: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. АН СССР. Институт русского языка. Москва: Сов. энциклопедия.

Левина, С. Д. (2021). Новая глагольная лексика в русском языке периода пандемии *Русский язык коронавирусной эпохи*: коллективная монография. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 419–429.

Павлова, А. С. (2022). Зоолексика в зеркале пандемии (на материале русского, английского, венгерского и

References

Balázs Géza (2016). *New words and expressions. Small vocabulary of the period after the regime change (1990–2015)*. Dictionary of new words not included in other dictionaries. Budapest. (In Hungarian).

Dictionary by Merriam-Webster. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com>

eLIBRARY.RU. Retrieved from <http://www.integrumworld.com/>

Google Books. Retrieved from <https://books.google.ru/>

Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., Levina, S. D., Pavlova, A. S. (comps.), Ridetskaya, Yu. S. (ed.). (2020). *New in Russian vocabulary. Dictionary materials — 2018*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS. 104 p. (In Russian).

Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., et al. (Comps.) (2022). *New in Russian vocabulary. Dictionary materials — 2021*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS. 317 p. (In Russian).

Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., Levina, S. D. (Comps.), Ridetskaya, Yu. S. (Ed.). (2021). *New in Russian vocabulary. Dictionary materials — 2019*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS. 110 p. (In Russian).

Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., Levina, S. D., Pavlova, A. S., Priemysheva, M. N., Ridetskaya, Yu. S. (Comps.). (2021). *New in the Russian vocabulary. Dictionary materials — 2020*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 486 p. (In Russian).

Integrum. Retrieved from <http://www.integrumworld.com>.

Kiss Gábor, Pusztai Ferenc (1999). *New words, new meanings — 1997*. Budapest. (In Hungarian).

Kotelova, N. Z., & Sorokin, Yu. S. (Eds.). (1971). *New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 60s*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ, 543 p. (In Russian).

Kozhevnikov, A. Yu. (ed.), Ridetskaya, Yu. S. (Comps.). (2019). *New in the Russian vocabulary. Dictionary materials — 2017*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 138 p. (In Russian).

Kozlovskaya, N. V., & Kozhevnikov A. Yu. (2018) *Lexicographic description of neolexemes in the annual dictionary. Rossiiskaia akademicheskaja leksikografiia: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia. Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu vykhoda pervogo toma akademicheskogo «Slovaria sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka» [Russian academic lexicography: current state and prospects of development. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the publication of the first volume of the academic “Dictionary of Modern Russian Literary Language”]. Saint Petersburg: 114–122. (In Russian).*

немецкого языков) *Неология. Неография. 2021*: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 54–75.

Приемышева, М. Н. (2021). Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции *Русский язык коронавирусной эпохи*: коллективная монография. Санкт-Петербург: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований РАН, 16–51.

A hungarian/italian/english dictionary of the COVID-19 pandemic. UNIVERSITÀ DI NAPOLI L'ORIENTALE. Электронный ресурс <https://www.lexonomy.eu/#/p8mwspsc/5183>

Balázs Géza. (2016). *Új szavak, kifejezések. A rendszerváltás korszakára (1990–2015). Nem szótárazott szavak tárháza.* – Budapest: Ragasztott papírkötés, 121 oldal. [Новые слова и выражения. Малый словарь лексики периода после смены режима (1990–2015). Словарь новых слов, не вошедших в другие словари]

Dictionary by Merriam-Webster. Электронный ресурс <https://www.merriam-webster.com>

Google Книги: электронная библиотека. Электронный ресурс <https://books.google.ru/>

Kiss Gábor. (1999). Puztai Ferenc. *Új szavak, új jelentések 1997-ből.* – Budapest: TINTA Könyvkiadó, 182 oldal. [Новые слова, новые значения – 1997]

Kugler Katalin. *Orosz-magyar sajtónyelvi szótár / Kugler Katalin.* Szeged: JATEPress, 1994. – 65 oldal. [Русско-венгерский словарь публицистики]. Szeged.

Minya Károly. (2007). *Új szavak 1. Nyelvünk 1250 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal.* – Budapest : Ragasztott papírkötés, 179 oldal. [Новые слова 1. Толкование 1250 новых слов венгерского языка с иллюстративным материалом]

Minya Károly. (2014). *Új szavak 2. Nyelvünk 800 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal.* Budapest: TINTA Könyvkiadó, 142 oldal. [Новые слова 2. Толкование 800 новых слов венгерского языка с иллюстративным материалом]. Budapest.

Veszelszki Ágnes. (2020). *Karanténszótár: Virális tartalom.* Budapest, 84 oldal. [Словарь карантина] Громенко, Е. С., Кожевников, А. Ю., Козловская, Н. В., Козулина, Н. А. (Ред.). (2022). *Новое в русской лексике.* словарные материалы–2021; Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.

Kozlovskaya, N. V., & Levina, S. D. (Ed.), Gromenko, E. S. (Comps.). (2018). *New in the Russian vocabulary. Dictionary materials — 2016.* Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the RAS, 122 p. (In Russian).

Kozulina, N. A., & Levina, S. D. (Ed.), Pavlova, A. S., Ridetskaya, Yu. S. (Comps.). (2020). *New in the Russian vocabulary. Dictionary materials — 2015.* Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 106 p. (In Russian).

Kugler Katalin (1994). *Russian-Hungarian dictionary of journalism.* Szeged. (In Hungarian).

Levina, S. D. (2021). New verbal vocabulary in the Russian language of the pandemic period. *Russkii iazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaia monografiia* [The Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 419–429. (In Russian).

Minya Károly. (2007). *New words 1.* Interpretation of 1250 new words of the Hungarian language with illustrative material. Budapest. (In Hungarian).

Minya Károly. (2014). *New words 2.* Interpretation of 800 new words of the Hungarian language with illustrative material. Budapest. (In Hungarian).

Pavlova, A. S. (2022). Zoolexics in the mirror of the pandemic (based on the material of Russian, English, Hungarian and German languages). *Neologia. Neografiia. 2021 [Neologia. Neography. 2021].* 54–75. (In Russian).

Priemysheva, M. N. (2021). Covid lexicon of the Russian language: trends in the dynamics of the lexico-semantic system during the coronavirus pandemic. *Russkii iazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaia monografiia* [The Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS. 16–51. (In Russian).

Veszelszki, Ágnes. (2020). *Quarantine Dictionary.* Budapest. (In Hungarian).

Zelenin, A. V. (2021). Methods and techniques of coronavirus lexicon research (review of foreign works). *Russkii iazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaia monografiia* [The Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the RAS. 66–90. (In Russian).

A Hungarian/Italian/English dictionary of the COVID-19 pandemic. Retrieved from <https://www.lexonomy.eu/#/p8mwspsc/5183>

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта №20-512-23009 «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков».

Acknowledgements:

The article was prepared with the financial support of grant №20-512-23009 «New foreign language vocabulary in Russian and Hungarian lexicography of the XIX and XXI centuries».

Для цитирования статьи:

Громенко, Е. С. (2023). Медицинская лексика новейшего периода в материалах оперативной неографии (в русском и венгерском языках). *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 22–33. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-22-33

For citation:

Gromenko, E. S. (2023). Medical vocabulary of the 21st century in the materials of operational neography (in the Russian and Hungarian languages). *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 22–33. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-22-33

Грамматические последствия обновления лексикона / Grammatical consequences of vocabulary renewal

Адаптация иноязычной морфемы *-инг* в русском языке начала XXI в.

С. Д. Левина

Adaptation of the borrowed morpheme *-ing* in Russian of the beginning of the 21st century

S. D. Levina

Светлана Дмитриевна Левина – кандидат филологических наук; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: slevina1@yandex.ru

Статья поступила: 10.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

Svetlana D. Levina – PhD in Philology; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID 0009-0001-7264-592X

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

В статье рассматривается процесс интеграции иноязычной неоморфемы *-инг* в русскую словообразовательную систему. Особенность этого суффикса существительных с процессуальным значением по сравнению как с английским *-ing*, так и с большинством русских суффиксов с аналогичной семантикой в том, что производящей основой служат обычно существительные, а не глаголы. Действия/состояния обозначаются производным существительным через их объекты, реже – субъекты или обстоятельства. Процессуальная семантика определяет системные связи таких производных слов в словообразовательном гнезде: соотносительность с наименованиями действия и деятеля. Рассматриваются особенности словообразовательной мотивации таких существительных: часто они создаются не столько по модели существительное + *-инг*, сколько по аналогии с конкретными англицизмами с *-инг* финалью. Названы тематические группы слов, возникающие в результате такого словообразования по аналогии: активный отдых, экстремальные развлечения; гипонимы слова митинг; события, ситуации, связанные с каким-либо лицом / предметом; времяпрепровождение; экономические преступления и методы борьбы с ними. Словообразование с формантом *-инг* активно, однако созданные по такой модели слова в основном вызваны языковой игрой и сохраняют свойства окказионализмов. Носители языка остро ощущают иноязычность, чужеродность этого суффикса.

Ключевые слова: словообразование, дериват, языковая игра, окказионализм, неологизм

УДК 811.161.1

The article deals with the process of integration of the borrowed morpheme *-ing* into the Russian word-formation system. It is a noun suffix with a processual meaning. Its special feature, in comparison with both English *-ing* and most Russian suffixes with similar semantics, is that nouns, not verbs, usually serve as the underlying stem. Actions/states are designated by a derivative noun through their objects, more rarely, subjects or adverbial modifiers. Processual semantics determines the systemic connections of such derivative words in families of words: correlation with the designations of the action and the actor. The features of the word-formation motivation of such nouns is that they are often created not so much according to the noun + *-ing* model, but by analogy with specific anglicisms with the *-ing* ending. Thematic groups of words that derive as a result of such word-formation by analogy are defined: active recreation, extreme entertainment; hyponyms of the word *miting* (mass-meeting); events, situations related to a person or an object; pastime; economic crimes and methods of combating them. Word formation with the *-ing* formant is active, however, the words created according to this model are mainly caused by a language game and retain the properties of occasionalisms. Native speakers have a strong sense of the foreignness of this suffix.

Keywords: word formation, derivative, language game, occasionalism, neologism

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. В последние десятилетия в русском словообразовании активно используются иноязычные морфемы: *овер-, мега-, -гейт, -ер* и др. Заметное место среди них занимает суффикс *-инг*. Англицизмы XX и XXI вв. с финалью *-инг* (*блюминг, боулинг, кемпинг, маркетинг, клининг*) заняли прочное место в русском языке. *-Инг* отмечен в [Русская грамматика, 1980] как суффикс непродуктивного словообразовательного типа существительных с процессуальным значением. Эта морфема получила и лексикографическую фиксацию в толково-словообразовательном словаре [Ефремова, 2000]: «словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом (*тренинг*)». Все приведенные там примеры – заимствования: *крекинг, тренинг, форсинг*.

Однако в 1980-е гг. словарь-справочник [Новые слова и значения 1997] наряду с 16 заимствованиями из английского языка (*бодибилдинг, джоггинг, лизинг, рейтинг* и др.) фиксирует первый случай образования такого слова на русской почве – псевдоанглицизм *шейпинг*. В 1990-е годы приток англицизмов, в том числе с финалью *-инг*, резко возрастает. Словарь 1990-х [Новые слова и значения 2014] описывает 74 таких лексемы – без учёта семантических неологизмов и сложных слов с второй частью – англицизмом на *-инг*. Оценивая распространение таких слов в русской речи, его называют «инговым цунами» [Коряковцева, 2012, с. 184–185].

С 1980-х гг. и до настоящего времени такие лексемы нередко заимствуются в составе словообразовательной парадигмы (*бодибилдинг – бодибилдер, думскроллинг – думскроллер, пейджинг – пейджер, роутинг – роутер*) и/или словообразовательной пары (*бренд – брендинг, скейтборд – скейтбординг, тролль – троллинг*). Это уже предпосылки к образованию подобных слов на русской почве.

В настоящее время модель очень активна, её становление как части русской словообразовательной системы происходит прямо сейчас. Полнотекстовая база СМИ и блогов «Интегрум» выдаёт сотнями и тысячами результаты по запросам *зацепинг, пехтинг, путинг, шашлыкинг* и др. При этом абсолютное большинство инговых дериватов создаётся «на случай» и не задерживается в активном употреблении. В настоящей статье рассматриваются семантические и экспрессивно-стилистические свойства этого суффикса; его место в современной словообразовательной системе русского языка; инговые дериваты в составе словообразовательных и лексических парадигм. Уделяется внимание и новизне морфемы *-инг*, которая ощущается носителями языка, игровому характеру неологизмов, созданных по этой модели, их нарочитой семантической или лексической избыточности.

История вопроса. На рубеже веков отмечено, что *-инг* может стать словообразовательным формантом и присоединяться к русским основам [Костомаров, 1999, с. 252]. Чуть позже о появлении в русском языке слов с

формантом *-инг* говорят как о свершившемся факте, указывая, однако, на их немногочисленность и окказиональность и делая вывод, что наблюдается лишь первый «прорыв» иноязычного элемента в русскую словообразовательную систему [Сологуб 2002]. В 2011 г. Е.В. Маринова закономерно не использует термины «суффикс» и «морфема» при описании слов, оканчивающихся на *-инг*, называя их «инговые имена существительные», «англицизмы с исходом *-инг < -ing*», «слова на *-инг*»: всё это заимствованные слова, лишь некоторые из которых являются мотивированными (*консалтинг, тренинг, паркинг, прессинг*); однако исследовательница отмечает их быструю русификацию – морфологическую, графическую и словообразовательную [Маринова, 2011]. Почти одновременно, в 2012 г., Г.А. Потапова оценивает *-инг* как сформировавшуюся на русской почве морфему, т.к. в русском языке есть однокоренные слова, образованные с помощью как заимствованных, так и исконных суффиксов: *тренинг – тренер, тренироваться, тренировка, тренаж* [Потапова, 2012].

Однако тот же автор замечает, что *-инг* чужд русской морфонологической системе, и его нельзя использовать в словообразовании вне игровой функции. Утверждается даже, что «*-инг* приобрел статус аффикса, **специализирующегося** [выделено мной. – С.Л.] на создании игровых инноваций» [Ильясова, 2014, с. 62]. Слова, образованные с помощью суффикса *-инг* от русской основы, называют псевдоинговыми, приводятся целые тексты, построенные на игре с этим суффиксом, и указывается на его высокий экспрессивный потенциал [Ермачкова, 2020]. Таким образом, обращая внимание на активизацию этого суффикса, названные авторы видят его лишь как средство языковой игры.

При этом уделяется внимание и освоению этой морфемы русским языком. Она рассматривается в контексте интернационализации современного русского словообразования [Рацибурская, 2014; 2015]. О. Б. Сиротина [2013] размышляет о лингвоэкологии этого суффикса: с одной стороны, есть потребность в заимствовании таких слов и в создании русских дериватов, с другой – возникает дисбаланс словообразовательной системы, процессуальные существительные не соотносятся с мотивирующими глаголами.

Итак, с начала 2010-х гг. и на протяжении всего десятилетия суффикс *-инг* уже очень заметен в русском словообразовании, но большинство исследователей пока видит в нём поле языковой игры, эксперимента, отмечает его инородность в русской словообразовательной системе. В статье с характерным названием «Суффикс *-инг* завоёвывает свои позиции в русском словообразовании» [Дьяков, Скворецкая, 2013] авторы отмечают возросшую активность этого элемента, появление неединичных дериватов от русских основ и предполагают возможность его превращения в полноценный суффикс. В 2020 г. констатируется, что этот суффикс «уже практически адаптирован к русской словообразовательной системе» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова, 2020: 11].

Настоящая статья представляет собой второе обращение автора к неоморфеме *-инг*: первые результаты были изложены в [Левина 2020]. С тех пор в нашем поле зрения появились новые языковые факты – неологизмы 2021–2022 гг. и предыдущих лет и интересные контексты употребления таких неологизмов.

Представляется, что новый материал позволяет лучше понять место этого суффикса в современной русской словообразовательной системе и прагматические аспекты его существования.

Методология и методика исследования. Эмпирической базой исследования послужила словарная выборка, сделанная сотрудниками группы словарей новых слов Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН, дополненная материалом, собранным автором статьи из электронных источников: СМИ, блогов, социальных сетей.

В работе использовались метод непосредственного лингвистического наблюдения, описательно-аналитический метод, компонентный и словообразовательный анализ.

Анализ материала. Заимствования на *-инг* в русском языке выполняют номинативную функцию: *консалтинг, маркетинг, скрапбукинг*. Инговые дериваты – в первую очередь средство экспрессии, языковой игры: *улучшайзинг, загаринг, ЕГЭ-оболванинг*.

Инговые неодериваты обычно имеют процессуальное значение: *собакинг* ‘охота на бродячих собак’, *болотинг* ‘спортивное ориентирование на болотистой местности’, *пляжинг, саунинг*, реже – событийное: наименования митингов в поддержку кого-чего-л. (*путинг, навальнинг, беларусинг*), громких медийных историй (*шурыгинг* ‘публичное обвинение в сексуальном насилии; общественная реакция на такое обвинение’; от фамилии Дианы Шурыгиной, которая обвинила своего знакомого в изнасиловании, после чего сама подверглась обвинениям в распущенности и лжи).

Семантика процессуальности английских существительных с *-ing*, сохраняющаяся и в русских заимствованиях, связана с тем, что они отглагольные. Отмечено, что русские неодериваты на *-инг* обычно отсубстантивные, и процессуальность их семантике придает формант [Дьяков, Скворецкая, 2013]. Это подтверждает и наш материал. Есть неодериваты от глаголов, словосочетаний и предложений, но их гораздо меньше: *лэжинг, дурачинг, ничегонеделалинг, самавиноватинг*.

Словообразовательное значение суффикса *-инг* – ‘действие или состояние, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным’. Другие суффиксы с таким значением давно существуют: *-овк(а), -ованиј(е) / -еваниј(е), -ациј(а) / -изациј(а)*: *процентовка* ‘исчисление процентов’, *дождевание* ‘орошение искусственным дождем’, *валкование* ‘собрание сена в валки’, *рубрикация* ‘распределение по рубрикам’ [Русская грамматика, 1980]. Т. е. такие существительные **имплицитуют** процессы, а **эксплицитуют** предметы, явления, связанные с этими процессами и названные мотивирующими существительными.

Так происходит и при образовании отсубстантивных существительных с суффиксом *-инг*, пополняющим этот синонимический ряд. Но названные суффиксы чаще образуют существительные всё-таки от глаголов, а *-инг* – суффикс прежде всего отсубстантивных существительных. Такие существительные образуются от наименования объекта, реже – субъекта или обстоятельства действия / состояния:

кувалдинг ‘убийство **кувалдой**’; *крышинг* ‘гуляние **по крышам**; *ливанинг* ‘инициирование реформы РАН бывшим министром образования и науки Д. В. **Ливановым**’; *бассейнинг* ‘плавание **в бассейне**’; *дачинг* ‘жизнь **на даче**’. Имеется в нашем материале и пример образования ингового деривата – сложного слова, в котором обозначены и субъект, и объект действия. Это слово *жабогадюкинг*, отсылающее к поговорке [Нецензурн. глаг. в прош. вр.] *жаба гадюку* ‘о конфликте, все стороны которого одинаково неприятны говорящему’: *Коммунистическо-монархическо-националистический жабогадюкинг* (Континенталисть 01.05.19); *Эпичный жабогадюкинг: завуч vs комсомолка!* (News 24 23.02.21).

Процессуальное значение суффикса *-инг* позволяет такому существительному приобретать характерное для глагола управление дополнением, сохраняющееся у девербативов (ср. *производить мебель – производство мебели; поехать к водопаду – поездка к водопаду*). Так происходит со словами *дачинг* ‘поездка в район расположения дач высокопоставленных лиц с целью проведения публичной акции и фотофиксации увиденного’ и *пехтинг* ‘публикация сведений о незадекларированном имуществе должностного лица’ (В. А. Пехтин – депутат Государственной Думы, сдавший мандат после такой публикации): *«Дачинг» к чиновникам обернулся избиением активистов* (BBC 04.08.14 – заголовок); *Как следует из материалов пехтинга Турчака, виллу в Ницце семейство губернатора покупало общими силами.* (МК 13.03.13).

Сближение таких существительных с девербативами проявляется в системных связях внутри словообразовательного гнезда. От нечленимых основ англицизмов на *-инг* образуются глаголы: *рейтинг – рейтинговать, демпинг – демпинговать*. Теперь *-инг* воспринимается как носитель словообразовательного значения и отсекается от основы англицизма при образовании глаголов: *рециклинг – рециклить (рециклировать), шейминг* ‘публичное осуждение человека с целью вызвать у него чувство стыда’ – *шеймить*. От одной производящей основы могут образоваться существительное и глагол: *мизулинг* ‘принуждение руководствоваться пуританской моралью’ (Е. Б. Мизулина – депутат Государственной Думы, впоследствии сенатор, автор ряда консервативных законодательных инициатив) – *мизулить*; *пехтинг – пехтить*; *псакинг* ‘публичное безапелляционное заявление должностного лица, содержащее недостоверные сведения’ (Дженнифер Псаки – госсекретарь США во время президентства Б. Обамы) – *псакнуть, псакать*; *шурьинг – шурьжничать* ‘скандал, связанный с обвинением в изнасиловании’ – ‘вести себя неосмотрительно, рискуя стать жертвой насильника’; *самавиноватинг* ‘обвинение женщины в том, что она подверглась насилию или домогательствам’ – *самавиноватить*. Т.е. дисбаланс словообразовательной системы, отмеченный О. Б. Сиротининой, преодолевается. Существительные на *-инг* входят в системные связи с глаголами, хотя и необычным способом: глагол оказывается не производящим, а производным словом или входит в словообразовательную парадигму существительного.

Другое характерное соотношение – наименования опредмеченного процесса / деятеля: *доскинг* ‘виды спорта с использованием доски: скейтборд, сноуборд,

серфинг' – *доскер*; *зацепинг* 'проезд снаружи поезда, на крыше или держась за поручни и лестницы' – *зацепер*; *пельменинг* 'соревнование по изготовлению пельменей' – *пельменер*, *пельменист*; *дачинг* – *дачер*.

Отметим, что примеры парадигм, где были бы заполнены все три «ячейки» – действия, опредмеченного процесса и деятеля – нам неизвестны.

С новизной словообразовательной модели связан характер мотивации дериватов. Для создания ингового деривата часто мало только словообразовательной мотивации, нужен конкретный образец – лексема-англицизм на *-инг* или группа таких лексем. Возникает либо А) формально-словообразовательная мотивация, либо Б) семантико-словообразовательная, либо В) осмысление немотивированного слова как мотивированного.

А) Дериват на *-инг* обусловлен синтагматически – англицизмами с финалью *-инг* в контексте: *Областной центр давно нуждается в тюнинге, а кое-где даже и в рестайлинге. Поэтому городским властям необходимо провести бордюринг, тротуаринг, асфальтинг, а кое-где даже газонинг* (Псковская лента новостей 12.14.18); *У экстремалов – дайвинг, у жителей России – дачинг* (Взгляд-инфо 06.05.15). Слова *асфальтинг* и *бордюринг* часто употребляются по отношению к московскому благоустройству, пишущий может их знать, а *тротуаринг* и *дачинг* встречаются редко. Поэтому полагаем, что авторы производят новое слово, а не воспроизводят знакомое. Отметим, что подобных контекстов очень много.

Б) Дериват на *-инг* обусловлен парадигматически – семантической аналогией с конкретными словами: *самавиноватинг, самадуравиноватинг* – ср. *виктимблейминг* 'обвинение жертвы'; *зыринг* 'посещение магазинов с целью посмотреть на товары, а не купить', *шубинг / шапинг* 'покупка шубы или шапки' – ср. *шопинг*; *крысинг, собакинг* 'отстрел крыс / собак с помощью пневматической винтовки' – ср. *варминтинг* 'спортивная охота на вредных животных с применением специального огнестрельного оружия'; *травлинг* – ср. *буллинг*. Приведенные семантико-словообразовательные аналогии построены по-разному: нарочито неточная калька; интегральная сема 'посещение магазина' и симметричные дифференциальные семы цели; гипонимия – гиперонимия. В результате образуются разные типы лексических парадигм.

В) Создаются каламбурные омонимы непрямых производных в русском языке англицизмов: *пилинг* (от *пилить бюджет*), *лифтинг* (от *кататься на лифте*), *лизинг* (от *подлизываться, лизать зад*).

Под влиянием таких образцов появляются целые тематические и лексико-семантические группы.

Активный отдых, спорт, экстремальные развлечения. Ядро группы составляют закрепившиеся в речи любителей этих занятий слова *болотинг, ватрушинг, доскинг, зацепинг, электричкинг* 'различные экстремальные способы безбилетного проезда в электричке', существующие уже более 10 лет. Они не общеупотребительные, но выполняют номинативную, а не экспрессивную функцию. На периферии этой группы по аналогии с такими словами возникают и слова единичного употребления: *Где-то с середины тропы, если двигаться со стороны Мацесты, отдых превращается в любимейший вид спорта местных жителей – заборинг* (BezFormata 30.08.14). К

периферии отнесём и слова, обозначающие, казалось бы, совсем неспортивные занятия, но связанные со спортом идеей соревновательности. Так, соревнования по лепке пельменей называются *пельменинг*, слово встречается в контекстах со спортивной лексикой: *В Бийске намерены создать Федерацию спортивного пельменинга <...> Уже на протяжении года в городе проводится чемпионат края по спортивному пельменингу* (Мой Барнаул 29.07.20). Англицизмов, в том числе «инговых», в русской лексике этой тематической группы много, и они продолжают пополнять русский язык: *бейс-джампинг, керлинг, маунтинбайкинг* и др. Поэтому при необходимости обозначить новое спортивное или околоспортивное понятие напрашивается такая аналогия.

Гипонимы слова *митинг*. В 2007 г. в русском языке возникло слово *путинг* ‘митинг в поддержку Путина’, считается, что оно образовано наложением морфов *-ин* и *-инг* [Дьяков, Скворецкая, 2013]. Полагаем, что это контаминация *Путин* и *митинг*: основа слова *митинг* непроемная, и суффиксального морфа в ней нет. Но в 2008 г. появляется слово *медвединг* ‘митинг в поддержку кандидата в президенты РФ Д. А. Медведева’, а в 2010-е гг. – *болотинг* ‘митинг оппозиции на Болотной площади в Москве’, *навальнинг* ‘митинг по призыву или в поддержку оппозиционного политика А. А. Навального’, *кургинянинг* ‘митинг, организованный С. Е. Кургиняном’, *собянинг* ‘митинг в поддержку мэра и кандидата в мэры Москвы С. С. Собянина’, *детинг* ‘митинг против закона о запрете иностранного усыновления’, *кадыринг* (митинг в поддержку главы Чечни Р. А. Кадырова). Во всех этих словах уже полноценная производящая основа существительного собственного или нарицательного, а *-инг* – полноценный формант. При образовании инговых дериватов от производных слов возможно усечение производящей основы: *Медведев* → *медвединг*, *Кадыров* → *кадыринг*, *Мизулина* → *мизулинг*, *Пехтин* → *пехтинг*, *болотинг* (← *Болотная площадь*).

Неолексемы *медвединг, кургинянинг, детинг, кадыринг* обозначали единичные события и исчезли из употребления с утратой их актуальности. У слов *болотинг* и *навальнинг* история более долгая. *Болотинги* – это несколько митингов, прошедших в Москве на Болотной площади в 2011–2012 гг. Слово *навальнинг* появилось в 2013 г. перед выборами мэра Москвы, в которых участвовал А. А. Навальный, и актуализировалось в 2017 г. и в 2021 г., когда люди выходили на улицу по его призыву или в его защиту. В 2020 г. в связи с политическим кризисом в Беларуси в российских источниках появились слова *тараканинг* ‘митинг сторонников А. Г. Лукашенко, прозванного во время предвыборной кампании тараканом’ и *беларусинг* ‘митинг противников власти’ (единственная цитата), а в белорусских русскоязычных источниках провластные митинги назывались *батинг* (*батькинг*) – от давнего прозвища А. Г. Лукашенко *батька*, – а также *ябатинг* (*ябатькинг*) – от хештега *#ябатька*, запущенного с целью объединить сторонников власти. Такие слова, скорее всего, не будут оставаться в употреблении долго. Дольше всех прожило слово *путинг*, но тоже утратило актуальность.

При неустойчивости большинства конкретных лексем этой группы, в русском оппозиционном политическом дискурсе сложилась **модель** неофициального

наименования публичного мероприятия: основа с указанием на повод / организатора / участников / место проведения и формант *-инг*. Модель, подчеркнём, не чисто словообразовательная, а семантико-словообразовательная, т. к. новые слова по-прежнему связаны с конкретным словом *путинг* и через него – *митинг*: У него [А. Г. Лукашенко] с имиджем последнее время довольно тяжело, как он вышел на *митинг*, на *путинг*, я бы сказал, или *батькинг*, когда свезли в автобусах бюджетников (Эхо Москвы. 18.08.20). Такая модель чаще используется по отношению к «чужим» митингам, куда, по мнению говорящего, приходят недобровольно или небесплатно: *Некоторые из групп использовали <...> гранты на оплату протестов против Трампа. То есть часть этих беззаветных протестов были «обаминги»* (Новая газета 13.03.17). Характерно слово *бюджетинг* – провластный митинг, на который по разнарядке направлены бюджетники.

События, ситуации, действия, связываемые с каким-л. лицом/предметом: *мизулинг, пехтинг, псакинг, шурыгинг, кадыринг* ‘реакция общества на высказывания Р. А. Кадырова о российской несистемной оппозиции’, *медвединг* ‘фотографирование кого-л. спящим во время мероприятия’. Эта группа тоже свойственна в основном оппозиционному политическому дискурсу. Такие слова требуют фоновых знаний адресата о событии и лице, от фамилии которого образовано наименование этого события. Эти неологизмы могут употребляться и расширительно. Например, незадекларированное имущество обнаружено не только у В. А. Пехтина, но и у депутата И. А. Яровой, у сенаторов В. Б. Малкина и М. В. Маргелова и др. И слова *яровинг, маргелинг, малкинг* были. Но, кто бы ни был героем очередной медийной истории, чаще употреблялось слово *пехтинг* (по данным «Интегрума» – более 2000 словоупотреблений). Режиссер К. С. Серебренников, автор неологизма *мизулинг*, не упоминает лично Е. Б. Мизулину: *Сегодня давал письменные объяснения следователю в плане проверки МХТ и моего спектакля «Человек-подушка» на наличие «сцен педофилии», сцен «насилия с участием детей» и т. д. Заказчик «мизулинга» – комиссия Госдумы по нравственности (sobaka.ru 05.07.13).* Слово *псакинг* (почти 600 словоупотреблений) также употреблялось по отношению более к явлению, чем к человеку: *Можно этим «псакингом» заниматься <...> бесконечно, и мы <...> превзойдём американцев* (Новый Петербург 07.05.14).

Периферию этой группы образует окказиональная лексика, как с следующим диалогем:

– *Стали сравнивать, кто как ведёт себя по поводу режима изоляции <...>, и обозначилось тут несколько подходов.*

– *Ты про мишустинг? И про собянинг? <...> В публичном пространстве я премьера [М. В. Мишустина. – С.Л.] в маске никогда не видел. <...> Есть у нас Собянин <...> Он в масочке <...> как ведут себя <...> чиновники, кто-то <...> занимается собянингом, <...> депутаты горсовета <...> почти все были в масках. При этом председатель горсовета и глава города, они были без масок <...>*

– *Занимались мишустингом* (Эхо Москвы 06.05.20).

Обратим внимание: *собянинг* (в этом значении) и *мишустинг* – слова единичного употребления. Однако *-инг* появляется там, где (не)ношение маски рассматривается как поведение не одного человека, а **ряда** людей.

Даже если слово из этой группы какое-то время употребляется активно и расширительно, оно все равно актуально, только пока актуально событие. Подобная лексика остаётся близкой к окказиональной тем, что тесно связана с контекстом, а иногда и с автором. Эти слова могут появляться в речи законодателей языковой моды – блогеров с большим количеством подписчиков (автор слова *мизулинг* – К. С. Серебренников, слова *кадыринг* – К. А. Собчак, слова *пехтинг* – тогдашний оппозиционный депутат Государственной Думы Д. Г. Гудков, авторы других слов, связанных с коррупционными скандалами, – А. А. Навальный или люди из его окружения), подхватываться читателями, а затем уходить из употребления. Интересно, что высказывания Р. А. Кадырова регулярно вызывают активное обсуждение, но слово *кадыринг* связано именно с конкретными его заявлениями о «врагах народа» в рядах несистемной оппозиции, сделанными в 2016 г., и позже практически не появляется.

Абсолютное большинство таких существительных называют события, связанные с лицом, и мотивированы именем собственным, имеющим значение субъекта ситуации. Но в 2021 г. в связи с шокирующими сообщениями о пытках заключённых в российских тюрьмах появляется первое известное нам слово, мотивированное именем нарицательным с инструментальным значением: *швабринг* ‘изнасилование шваброй’ (а также девербатив *набутылинг* ‘изнасилование бутылкой’). В 2022 г. после убийства бойца частной военной компании «Вагнер» этот ряд пополняется словом *кувалдинг* ‘убийство кувалдой; расширительно – внесудебная расправа’.

В этой группе, как и в предыдущей, при неустойчивости конкретных лексем имеется устойчивая модель: основа существительного (обычно имени собственного) и формант *-инг*. У некоторых из этих слов есть синонимы, образованные от той же основы по модели с аффиксоидом *...гейт* ‘политический скандал’: *пехтинг* – *пехтингейт*, *кадыринг* – *кадыровгейт*, *мизулинг* – *мизулингейт*.

Времяпрепровождение: *шашлычинг*, *пивинг*, *водкинг*, *пляжинг*, *ресторанинг*, *дачинг* ‘жизнь на даче, дачные занятия’, *бабинг*. Эти слова мотивированы именами нарицательными, для их понимания не нужны экстралингвистические знания – достаточно языковых. Поэтому группа очень подвижна, легко пополняется, часто дериватами, возникающими в игровых контекстах с несколькими словами на *-инг*: *Пыл во мне быстро остудили новые увлечения: шопинг и попинг (то есть накачивание попы путем хождения на занятиях фитнесом)* (Сайт Сашки Букашки 23.08.21). Это значит, что подобные неологизмы, включая, например, слово *шашлычинг* (более 450 контекстов выдает «Интегрум»), всякий раз создаются говорящим заново.

Экономические преступления и (сомнительные) методы борьбы с ними: *крышинг*, *лохотронинг*, *откатинг*, *опричинг*, *распилинг*. Эти неологизмы образованы по аналогии с экономическими терминами *банкинг*, *лизинг*, *эквайринг*,

консалтинг и т. д. Часто такие неологизмы и термины используются в одном контексте: *Давно пора наряду с пришедшими с Запада финансовыми инструментами – лизингом, банкингом и т. д. – ввести и наш, исконно русский опричь-мониторинг. Или попросту – опричинг!* (АиФ 06.03.13); *Можно предположить, что за подобным «ребрендингом» последует «клининг»* [здесь семантический неологизм – ср. *отмывание*. – С. Л.] *выделенных денежных средств с последующим «распилингом» и «откатингом»* (КОИТ 10.02.19).

Для развития полисемии обычно нужно время, многозначными слова рождаются редко. В нашем материале таковы, например, *шурьинг* и *кадыринг*. Многозначность инговых дериватов обычно возникает в результате повторного словообразования. В 2014 г. слово *дачинг* называет акцию возле дач должностных лиц, а в 2015 г. появляется значение ‘жизнь на даче’. Это не развитие нового значения у известного носителем языка слова (не являющегося к тому же общеупотребительным). Есть контексты употребления неологизма *дачинг* с другими словами на *-инг* (*дайвинг, плоггинг, сноубординг, шопинг; бухлинг, шашлычинг*), есть контекст, где *дачинг* называется видом спорта, т. е. ассоциации говорящего не связаны с первым по времени значением. *Крышинг* – это и прогулки по крышам, и ироническая замена слова *крышевание*. Лексемы *тараканинг* и *беларусинг* были до белорусского кризиса. *Тараканинг* у рыбаков означает ловлю на приманку, имитирующую насекомое, и появилось не позднее 2017 г. До 2020 г. слово *беларусинг* (в написании с *о* и *а*) встречается на туристических форумах и называет путешествие по Беларуси, время, проведённое в этой стране: *2-х дневный, зимний беларусинг, 12–20 часов плотного беларусинга*. Выше упомянут контекст употребления этого слова в значении ‘митинг противников белорусской власти’, но оно называет и белорусские протесты в целом: *Не дали беларусингу, как киргизингу, развернуться* (Континент 08.10.20) и *Беларусинг, або Метро под откос [заголовок]* (gorky-look.livejournal.com 18.08.20). Конвенционального значения у слова нет. И говорящий, желая обозначить какое-то понятие, свободно создает слово заново и употребляет так, как ему нужно.

То же со словом *собянинг*: в 2013 г. слово возникает в значении ‘митинг’, в 2018 г. единожды указывает на навязчивый характер информации о деятельности С. С. Собянина в медиа, а в 2020 г. также единожды употребляется в приведенном выше контексте. Все это проявления полисемии, а не омонимии. Такой характер полисемии обусловлен новизной модели. Слово с суффиксом *-инг* для говорящего новое, созданное сейчас и им самим, и неважно, было ли оно раньше.

Новизна суффикса *-инг* и традиция употребления его в игровых инновациях приводят к появлению неологизмов, в которых он нарочито избыточен. Такое значение может уже присутствовать в производящей основе и дублироваться суффиксом: *лохотронинг, массажинг, откатинг, распилинг, холокостинг*. Возможна и замена имеющегося в языке слова с той же производящей основой и синонимичным суффиксом: *травля – травлинг, рыбалка – рыбалинг, дурачество – дурачинг, крышевание – крышинг*. Появляются такие слова ради коннотации – шутливой или иронической – или подчеркивания длительности события.

Адаптация суффикса *-инг* в русской словообразовательной системе – которая уже произошла, например, с заимствованными суффиксами *-изм*, *-аж*, *-ациj(a)* – затруднена острым ощущением иноязычности этого суффикса у носителей языка. Выше обсуждалась аналогия с англицизмами как неогенный фактор, приводились примеры искусственного нагромождения слов на *-инг*. Приведем ещё две таких цитаты, чтобы показать метаязыковую рефлексивность:

Какие слова из обихода счастливых, живших по ту сторону, были нам знакомы? Митинг (встречинг) да пудинг (фигня на любителя). И ещё, наверное, с парочку такой же чепухи. А открылся занавес – и сразу тюнинг (доработинг). А за ним <...> буллинг (травлинг), хейтинг (ненавидинг), мэспрединг (ногоширинг), петтинг (щекотайтинг), газлайтинг (психонасилинг), а также почему-то харассмент (приставалмент) (Континент 25.07.20); Идёт перетаскивание методов управления из бизнеса в государственное управление <...>. Что-то реализовалось в ... системах «контроллинга», извините за выражение, и «крышинга», тоже извините за выражение (ПОЛИТ.РУ 03.04.08).

В обеих цитатах заметно, что автор раздражен «иностраницей». В первой поясняется каждое, даже хорошо знакомое слово. Автор либо даёт оценку денотата (*фигня на любителя*), либо толкует заимствования с помощью окказионализмов с русской основой (основами) – полукалек или квазикалек, сохраняя иноязычные суффиксы. Во второй цитате метаязыковой комментарий *извините за выражение* используется по отношению и к заимствованию *контролинг*, и к деривату *крышинг*: автор «извиняется» не за грубость или резкость, а за иноязычие. В обоих примерах авторы, обсуждая реалии, представляющиеся им ненужными, подчеркивают эту ненужность словами, которые считают ненужными русскому языку.

Игра с иноязычностью суффикса *-инг* есть и в тексте плаката *Но ливанинг* (пример из статьи [Сиротина 2013]) на митинге против реформы РАН, инициированной министром образования и науки Д. В. Ливановым. *Ливанинг* – существительное, созданное на русской почве и написанное кириллицей. Но оно вписано в английскую отрицательную императивную конструкцию *No* + герундий (ср. *No smoking*).

Отмечено, что память о языке-источнике проявляется и в удвоении конечного согласного производящей основы в некоторых неологизмах с *-инг*, характерном для английского языка (ср. *blogging, shopping*; интересно, что в русском языке утвердилось написание *шопинг, блогинг* – без удвоения): *покуппинг, товарринг, джиппинг* [Амири, 2013]. Есть такие примеры и в нашем материале: *руффинг* ‘гуляние по крышам’ (от англ. *roof* ‘крыша’; заметим, что его производное *roofing* в английском языке имеет другие значения и не содержит удвоения согласного), *поппинг* ‘катание с горки на ягодицах’.

Выводы. В начале XXI в. *-инг* становится высокопродуктивным суффиксом, несмотря на наличие конкурирующих словообразовательных типов. У инговых дериватов в словообразовательном гнезде формируются системные связи с наименованиями действия и деятеля, характерные для процессуальных

существительных. Отдельные дериваты с *-инг* высокочастотны. Продолжительность жизни таких слов в языке растёт.

При этом общеупотребительных узуальных слов, созданных по этой модели, нет. Такие неологизмы обычно сохраняют свойства окказионализмов: принадлежность речи, а не языку; производимость, а не воспроизводимость; тесную связь с контекстом; экспрессивность. Немногие узуальные слова с *-инг* не являются общеупотребительными, быстро теряют актуальность. Этот суффикс остро ощущается носителями языка как иноязычный. Т. е. пока эта модель по-прежнему носит в основном экспериментальный характер.

Литература

References

Амири Л. П. (2011). Словообразовательная игра: к вопросу о количественном соотношении окказиональных существительных, прилагательных и глаголов в текстах рекламного дискурса. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия. Филологические науки*, 3, 44–54.

Буцева, Т. Н. (Ред.). (2009-2014). *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т.* Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований.

Дьяков, А. И., & Скворецкая, Е. В. (2013). Суффикс *-инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании. *Сибирский филологический журнал*, 4, 180–186.

Ермачкова, О. (2020). Англицизмы на *-инг* в русском и словацком языках. *Филологический класс*. 1, 51–61.

Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Свыше 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц: в 2 т.* / Т. Ф. Ефремова. Москва: Рус. яз.

Ильясова, С. В. (2014). Игровые способы и приёмы выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ. *Политическая лингвистика*. 1(47), 60–64.

Коряковцева, Е. И. (2012). О деривационном статусе новых морфем. *Человек о языке – язык о человеке: сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой*. Москва: Российская академия наук, В. В. Виноградова, отделение историко-филологических наук, Институт русского языка им. 181–193.

Костомаров, В. Г. (1999). *Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург: Златоуст, 319 с.

Левина, С. Д. (2021). Иноязычная неоморфема *-инг* в современном русском словообразовании. *Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных трудов*, Москва: 380–297.

Маринова, Е. В. (2021). Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 6, 399–403.

Николина, Н. А., Рацибурская, Л. В., Фатхутдинова, В. Г. (2020). Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*, 19(2), 5–19.

Потапова, Г. А. (2012). Формирование новых суффиксов в языке как процесс. *Филологические науки*, 3, 329–332.

Рацибурская Л. В. (2015). Динамика языковых изменений: интернационализация в современном русском словообразовании. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года): в 15 томах / Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ);*

Amiri, L. P. (2011). Word building game: towards the question of the quantitative ratio of occasional nouns, adjectives and verbs in the texts of advertising discourse. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Series: Philology*, 3, 44–54. (In Russian).

Butseva, T. N., et al. (Eds.). (2009–2014). *New words and meanings: reference dictionary based on press and literature material of the 90s of the XX century: in 3 volumes*. Saint Petersburg (In Russian).

D'yakov, A. I., Skvoretzkaya, E. V. (2013). Suffix *-ing* gains ground in Russian. *Siberian Journal of Philology*, 4, 180–186. (In Russian).

Efremova, T. F. (2000). *New Russian dictionary. Explanatory and derivational. Over 136,000 dictionary entries, about 250,000 semantic units: in 2 volumes*. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).

Ermachkova, O. (2020). Anglicisms with the *-ing* ending in Russian and Slovak. *Philological class*, no. 1, 51–61. (In Russian).

Iliasova, S. V. (2014). Playing methods and techniques of expression of social evaluativity in contemporary Russian media languages. *Political linguistics*, no. 1(47), pp. 60–64. (In Russian).

Koryakovtseva, E. I. (2012). On the derivational status of new morphemes. *Chelovek o yazyke — yazyk o cheloveke : sbornik statey pamyati akademika N. Yu. Shvedovoy [Man about language — language about man: a collection of articles in memory of Academician N. Yu. Shvedova]*. Moscow: Azbukovnik Publ., pp. 181–193. (In Russian).

Kostomarov, V. G. (1999). *Language taste of the era: from observations on the speech practice of the media*. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 319 p. (In Russian).

Levina, S. D. (2021). Borrowed morpheme *-ing* in contemporary Russian word building. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noye i internatsional'noye: sbornik nauchnykh trudov [Active processes in modern Russian: national and international]*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian).

Marinova, E. V. (2021). Adaptation of foreign language lexis at the present stage: new phenomena and trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6, 399–403. (In Russian).

Nikolina N. A., Ratsiburskaya L. V., Fatkhutdinova V. G. (2020). New phenomena in the sphere of derivation formants as reflection of the dynamics of the Russian language word-formation system. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(2), 5–19. (In Russian).

Potapova, G. A. (2012). Formation of new suffixes in the language as a process. *Philology. Theory & Practice*, no. 3, pp. 329–332. (In Russian).

Ratsiburskaya, L. V. (2014). Manifestations of internationalization in modern media word creation. *Philology and culture*, 4(38), 170–174. (In Russian).

Ratsiburskaya, L. V. (2015). Dynamics of language changes: internationalization in the Modern Russian word-formation. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury:*

Санкт-Петербург: 186–191.

Рацибурская, Л. В. (2014). Проявление интернационализации в современном медийном словотворчестве. *Филология и культура*, 4(38), 170–174.

Сиротинина О. Б. (2013). Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка. *Экология языка и коммуникативная практика*, 1, 177–193.

Сологуб О. (2002). П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке. *Наука. Университет 2002: материалы Третьей научной конференции преподавателей и студентов, 14-15 марта 2002 года*. Новосибирск: 130–134. Шведова, Н. Ю. (Ред.). (1980-1982). *Русская грамматика*, Институт русского языка. Москва: Наука.

materialy XIII Kongressa MAPRYAL [Russian language and literature in the space of world culture. Materials of the XIII MAPRYAL Congress. The international association of teachers of russian language and literature (MAPRYAL)], 186–191. (In Russian).

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980–1982). *Russian grammar*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Sirotnina, O. B. (2013). Reflections on how the struggle for the ecology of language should be understood. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 1, 177–193. (In Russian).

Sologub, O. P. (2002). Assimilation of foreign language structural elements in Russian. *Nauka. Universitet 2002: materialy Tret'yey nauchnoy konferentsii prepodavateley i studentov, 14-15 marta 2002 goda [Nauka. University 2002: Proceedings of the Third Scientific Conference of Teachers and Students, March 14-15, 2002]*. Novosibirsk: 130–134. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Левина, С. Д. (2023). Адаптация иноязычной морфемы -инг в русском языке начала XXI в. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 34–47. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47

For citation:

Levina, S. D. (2023). Adaptation of the borrowed morpheme -ing in Russian of the beginning of the 21st century. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 34–47. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47

Инновации в области оценки: семантические трансформации неологических универбов

А. В. Батулина

Innovations in the field of evaluation: semantic transformations of neological univerbs

A. V. Batulina

Анна Валерьевна Батулина – кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: b.av@bk.ru

Статья поступила: 10.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

В статье рассматриваются изменения семантической структуры неологических производных существительных, образованных способом универбации. Основное внимание уделяется анализу семантических трансформаций, происходящих в универбах, мотивированных высокочастотными в современном русском языке прилагательными. Поскольку анализируемые производные в своих конкретно-предметных значениях восходят к устойчивым атрибутивно-субстантивному словосочетаниям, в настоящей работе соответствующие лексемы рассматриваются как образованные способом универбации. В то же время отмечается, что словообразовательный статус отадективных производных с предельно широким значением является неопределенным, поскольку их невозможно соотнести с конкретной неоднословной номинацией. Как представляется, активизация процесса повторной деривации универбов связана с уникальным свойством универбации как способа словообразования – отсутствием именного компонента производящего атрибутивно-субстантивного словосочетания в морфемной структуре производного. В ходе анализа контекстов употребления универбов в Национальном корпусе русского языка выделены два типа семантических изменений, порождаемых повторной реализацией словообразовательной модели. К первому типу относится специализация значения, имеющая следствием возникновение нового предметного лексико-семантического варианта, ко второму – появление предельно широкого признакового значения вследствие утраты дифференциальных семантических признаков и конкретной денотативной отнесенности. Большинство рассматриваемых универбов совмещает в пределах одной лексемы значения лица и предмета. Предметное или признаковое значение является первичным, значение лица – вторичным. Анализируемые процессы рассматриваются как языковое проявление идеологических и понятийно-концептуальных изменений в лексике, обусловленных социальными изменениями рубежа XX–XXI столетий.

Anna V. Batulina – PhD in Philology, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID 0000-0001-6341-5965

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

The article discusses the changes in the semantic structure of neological derivatives of nouns formed by the method of univerbation. The main attention is paid to the analysis of semantic transformations occurring in univerbs motivated by high-frequency adjectives in modern Russian. Since the analyzed derivatives in their concrete-subjective meanings go back to stable attributive-substantive word combinations, in this paper the corresponding lexemes are considered as formed by the method of univerbation. At the same time, it is noted that the word-formation status of adjective-based derivatives with an extremely broad meaning is uncertain since they cannot be correlated with a specific ambiguous nomination. It seems that the activation of the process of repeated derivation of univerbs is associated with the unique property of univerbation as a method of word formation, which is the absence of a nominal component of the attributive-substantive word combination in the morphemic structure of the derivative. In the course of analyzing the contexts of the use of univerbs in the National Corpus of the Russian language, two types of semantic changes generated by the repeated implementation of the word-formation model are identified. The first type is the specialization of meaning, which results in the emergence of a new subject lexical-semantic variant, the second one is the appearance of an extremely broad characteristic meaning due to the loss of differential semantic features and a specific denotative attribution. Most of the considered univerbs combine the meanings of a person and an object within one lexeme. The subject or feature value is primary, the person value is secondary. The analyzed processes are considered as a linguistic manifestation of ideological and conceptual changes in vocabulary caused by social changes at the turn of the 20th–21st centuries. Univerbs motivated by "fashionable" adjectives are in demand in the language of mass media and colloquial speech as a means of nomination and evaluation of current realities expressing the values of consumer society including the idea of high social status, commercial use, demonstrative success, etc.

Мотивированные «модными» прилагательными универбы являются востребованным в языке СМИ и разговорной речи средством номинации и оценки актуальных реалий, выражающих ценности общества потребления: идею высокого социального статуса, коммерческого использования, демонстративной успешности и т.п.

Ключевые слова: универбация, универб, словообразование, лексическая семантика, коннотация

УДК 81'37

Keywords: univerbation, univerb, word formation, lexical semantics, connotation

OECD: 6.020T

V

Постановка проблемы. Активизация в языке последних десятилетий образования производных от основ иноязычных слов отмечается во многих исследованиях по лексикологии и дериватологии [Земская, 1981, с. 80], [Нещименко, 2010, с. 126], [Ольховская, 2016, с. 14], [Костомаров, 1995, с. 255]. Достаточно подробно описаны лексико-

семантические группы неологической лексики, узуальные и окказиональные словообразовательные модели, активно использующиеся в русском языке рубежа веков [Дозорова, 2015], [Гвоздева, 2018]. Как представляется, в меньшей степени изучены семантические процессы, происходящие со словообразовательными неологизмами в процессе их функционирования: развитие полисемии, расширение или сужение значения, архаизация отдельных лексико-семантических вариантов, детерминологизация и др.

Предметом рассмотрения в настоящей статье стали семантические трансформации отадекватных производных существительных, образованных путём повторной реализации словообразовательной модели, при которой «та же самая морфемная рамка используется для новой реалии, в названии которой актуализируются схожие признаки» [Земская, 2014, с. 201-202].

История вопроса.

Способность одного и того же производного соотноситься с различными мотивирующими словосочетаниями – весьма распространенное явление в сфере универбации, что неоднократно отмечалось исследователями. В литературе по словообразованию случаи типа *вечёрка* – ‘вечерняя газета’, ‘вечерняя смена’ рассматривались либо как омонимия [Капанадзе, 1973, с. 410], либо как полисемия [Виноградова, 1984, с. 43], [Осипова, 2014, с. 115]. Е. А. Земская называет этот процесс особым типом варьирования в сфере словообразования и связывает его со стилистической дифференциацией языка [Земская, 2014, с. 203]. В настоящее время в дериватологии и лексикологии преобладает точка зрения, согласно которой в результате многократных актов деривации по одной и той же словообразовательной модели формируются разные значения многозначного производного слова. Несмотря на разную референциальную отнесенность, полисемантические

суффиксальные универбы мотивируются одним и тем же прилагательным. Приобретая грамматическую форму существительного, основной смысл универб заимствует у имени прилагательного.

Языковой статус получивших широкое распространение в русском языке последних десятилетий производных от основ иноязычных прилагательных типа *нелегал, эксклюзив, интим, неадекват* является неопределённым. В академических грамматиках мотивированные устойчивыми словосочетаниями существительные квалифицируются как суффиксальные производные от основ прилагательных. Так, в РГ–80 к «существительным..., имеющим значение ‘носитель признака, названного мотивирующим прилагательным’» относятся «...*гуманитар* ‘специалист гуманитарного профиля’, *огнеупор* ‘огнеупорный материал’, *криминал, централ* ‘центральная тюрьма’ (стар.), *демисезон* (пальто)...» [Русская грамматика, 1980, с. 225]. В то же время отмечается, что «многие образования этого типа – синонимы **словосочетаний** (выделено нами – А. Б.) с мотивирующими прилагательными в качестве определяющего слова: *синхрон, термояд, ультрафиолет*» [Русская грамматика, 1980, с. 225].

Е. А. Земская не сопровождающийся присоединением суффикса процесс образования производных существительных на базе словосочетаний (*факультативный курс – факультатив, демисезонное пальто – демисезон*) относит к одновременному действию усечения и универбации [Земская, 1981, с. 122]. Универбация в цитируемой работе определяется как «образование существительных ... от основ прилагательных на базе сочетаний ‘прилагательное + существительное’, являющихся семантической конденсацией последних... ‘*Вечерняя Москва*’ – ‘*Вечёрка...*, ‘*попутная машина*’ – ‘*попутка*’ [Земская, 1981, с. 120]. Среди способов образования анализируемых производных называются также универбация с нулевой суффиксацией [Сенько, 2007, с. 225], усечение [Копоть, 2021, с. 108], [Осипова, 2014, с. 33], бессуффиксный способ [Костомаров, 1995, с. 255].

Возможность двоякой интерпретации деривационного процесса, действующего при образовании отадъективных производных данного типа, по мнению Г.П. Нещименко, обуславливается, во-первых, «идентичной словопроизводственной схемой», а во-вторых – возможностью их соотнесения как с мульти-, так и с одноклассными производящими: «русское *страховка* может интерпретироваться и как универб (по отношению к *страховой полис*), и как суффиксальный дериват, соотносимый со *страховать*» [Нещименко, 2010, с. 126]. Отличие суффиксальных производных от универбов видят в характере семантической связи производных с мотивирующим мультивербом: «если универбы связаны с мотивирующим словосочетанием в синхронии, то суффиксальные производные – в диахронии» [Там же].

Таким образом, принципиальным при разграничении универбации и суффиксации, универбации и усечения является вопрос о количественном и качественном составе производящей базы. При универбации это словосочетание, обладающее целостностью и устойчивостью значения: *ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет, маршрутное такси – маршрутка*. При суффиксации или усечении мотивирующим является однословное наименование: *третий – треть, нормальный – норм*.

Методология и методика исследования. При описании семантической структуры полисемантических существительных, образованных способом универбации, использовался описательный метод, компонентный анализ, контекстуальный анализ медиатекстов.

Источниками материала исследования послужил Газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), российские медийные тексты за период с 2000 по 2022 г., записи живой разговорной речи. При анализе материала учитывалась лексикографическая интерпретация универбов в современных толковых словарях: «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова (далее – БТС) и «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под редакцией Г. Н. Скляревской (далее – ТСРЯ).

Анализ материала. В современном русском языке образование бессуффиксных универбов является активным и продуктивным процессом. По нашим наблюдениям, универбация с нулевой суффиксацией, конкурируя с «традиционной» суффиксальной универбацией, вытесняет последнюю. Так, универбы *корпоратив, интенсив, эксклюзив, академ, криминал, виртуал, позитив* заменили в современной речи свои суффиксальные кодериваты *корпоративка* [ТСРЯ, 2008, с. 503], *интенсивка* [Циньсян, 2019, с. 189], *эксклюзивка* [Циньсян, 2019, с. 224], *академичка* [Циньсян, 2019, с. 170], *криминалка* [Циньсян, 2019, с. 195], *виртуалка* [Циньсян, 2019, с. 177], *позитивка* [Циньсян, 2019, с. 211]. Преимущества универбов без материально выраженного суффикса, на наш взгляд, очевидны: экономия речевых усилий, отсутствие стилистической отмеченности, привносимой в производное суффиксом *-к(а)*. Так, *дистант*, в отличие от *дистанционки*, может свободно употребляться и в официальной речи.

Возникшие на базе устойчивых словосочетаний универбы совмещают значение определенного объекта и его качественную характеристику, обусловленную семантикой производящего прилагательного: *пилотный проект – пилот, неадекватный человек – неадекват*. Как показал анализ контекстов НКРЯ, в процессе своего функционирования в речи образованные путем универбации существительные могут терять связь с мотивирующим словосочетанием, «отрываться» от прежнего денотата и использоваться как средство номинации новых

обозначаемых. Поскольку при универбации именной компонент производящего адъективно-субстантивного словосочетания не входит в морфемную структуру производного, универбы относятся к группе словообразовательных моделей, использующимся как «конструктивные рамки, заполняемые в разные периоды истории языка одним и тем же морфемным, но разным лексическим наполнением» [Земская, 2014, с. 200]. Например, *экслюзив* – это и ‘экслюзивная продукция’, и ‘экслюзивное право’, и ‘экслюзивная дистрибуция’, и ‘экслюзивный информационный материал’, и ‘экслюзивный случай’.

На наш взгляд, можно выделить как минимум два пути появления полисемантических универбов.

Первый путь – усвоение производными многозначности производящего прилагательного, так называемая «отраженная» полисемия. Например, универб *интим* в значении ‘что-то личное’ соотносится с первичным лексико-семантическим вариантом прилагательного *интимный* ‘касающийся личной жизни человека, его отношений с близкими людьми’ (БТС): *В США, Европе и России рабочие «подарочные» принципы примерно одинаковы. Нельзя ‘интим’: белье, мыло, чулки, парфюм и т. д.* (М. Аникеева. Начальник – это ребенок: на Новый год оставишь без подарка – обидится // Комсомольская правда, 2003.12). В устойчивом выражении *интим не предлагать* реализуется вторичное значение мотивирующего *интимный* ‘касающийся близких отношений между мужчиной и женщиной’ (БТС).

Второй путь формирования полисемии производного слова – неоднократное действие словообразовательной модели, в которой адъективное производящее, выступая в одном из своих значений, образует устойчивые сочетания с разными субстантивными компонентами. Так, развитие переносного значения ‘негативные эмоции’ универба *негатив* в выражениях *испытывать (чувствовать, транслировать) негатив*, не может интерпретироваться как факт отражённой полисемии, поскольку «эмоциональное» значение отсутствуют у прилагательного *негативный*. Ср.: *негативный*: ‘отрицательный (противоп. позитивный)’ (БТС).

В то же время, как показывают многочисленные исследования семантики производного слова [Кубрякова, 2008, с. 154], процесс формирования лексического значения деривата носит индивидуальный характер и в пределах одного словообразовательного типа определяется семантическим взаимодействием конкретной производящей основы и форманта.

Многие анализируемые универбы мотивированы «модными» прилагательными – наиболее актуальными, значимыми и популярными в медиатекстах словами: *позитивный, негативный, креативный, эксклюзивный, интенсивный* и под. Возникая в профессиональной или жаргонной речи, универбы анализируемого типа быстро преодолевают стилистическую ограниченность,

избавляются от отрицательной оценочности. Высокая частотность употребления и, как следствие, расширение сочетаемостных возможностей обусловила расширение значения соответствующих производных. Появившиеся вторичные значения зачастую не описываются существующими толковыми словарями.

Так, в БТС представлено единственное значение слова *позитив*: 'фотографическое изображение'. По данным ТСРЯ, производное *позитив* имеет значение 'положительный результат каких-либо действий; положительное начало' [ТСРЯ, 2008, с. 741], восходящее к переносному значению мотивирующего прилагательного *позитивный* – 'положительный; противоп. негативный' [БТС]. Контексты употребления слова *позитив* в НКРЯ демонстрируют развитие его значения в сторону расширения положительной оценки и приобретения мелиоративных коннотаций: *позитив* – «нечто прогрессивное, радостное, доброе». Ср. наблюдение над изменением значения прилагательного *позитивный* в «Словаре модных слов» В. Новикова: «Прилагательное 'позитивный' ещё недавно имело два значения: 'основанный на фактах, на опыте' и 'положительный'. Теперь, пожалуй, пора добавить третье: 'нацеленный на добро, оптимистичный' [Новиков, 2019, с. 165-166]. *Позитив* в составе конструкций *настроиться на позитив, излучать позитив, транслировать позитив, быть на позитиве* имеет значение 'положительные эмоции': *Когда ваша жизнь наполнена, когда вам интересно жить, вы излучаете такой мощный позитив, такую радугу эмоций, которая делает вас не просто красивым, а особенным, чудесным, привлекательным* (В. Иванова. Красивым быть не запретишь // Психология на каждый день, 2010). Данное значение подкрепляется распространившимся одновременно с «эмоциональным» значением *позитива* словоупотреблением *позитивный человек* 'оптимистичный, радостный, излучающий добро': *Мы разговаривали 20 минут, в общении он приятный, очень весёлый, очень позитивный человек, мы много смеялись* (Внук Королева раскрыл разговор с Маском // Lenta.ru, 2020.07).

Сходные семантические трансформации в процессе своего употребления претерпел универб *негатив*. Сохраняя отмеченное словарями значение 'отрицательная (часто порочащая) информация о ком-чем-л.; вообще отрицательные факты, сведения' [ТСРЯ, 2008, с. 646], *негатив* употребляется для обозначения отрицательной реакции на чьи-либо действия, высказывания, а также широкого спектра отрицательной оценки: *В соцсетях это вызвало волну негатива и критических замечаний* (Сенатор призвал разработать «антиковидный паспорт» федерального образца // Парламентская газета, 2021.01). *Негатив*, употребляясь с глаголами *транслировать, испытывать*, так же, как и *позитив*, используется для характеристики отрицательных эмоций: *Когда я смотрю на вас при общении, а вы смотрите на меня, то вы чувствуете, как я к вам отношусь: принимаю ли ваше*

существование или, например, я равнодушна к вам, или же **транслирую негатив** (Н. Чернова. «Подросток остался без опоры. А что делать со смертью? Ему кажется, что можно с ней играть» // Новая газета, 2016.05).

Однако применительно к эмоциональной сфере *негатив*, в отличие от *позитива*, преимущественно указывает на рациональный тип оценочной реакции: *При этом, как пишет РБК, цитирующее данные опроса, уменьшается негативное отношение россиян к США и Европе. Хотя, согласно опросу, к ним до сих пор испытывает негатив более половины населения РФ, этот процент, тем не менее, снижается* (Московский комсомолец, 2016.11).

Менее частотным в НКРЯ и не связанным с характеристикой эмоционального состояния оказалось и словоупотребление *негативный человек* – ‘недостойный, плохой’: – *Я не могу сказать, что он совсем **негативный человек**, – говорит о бывшем сослуживце Симаков. – Он любит везде искать правду, справедливость и жаловаться. Но сейчас он абсолютно не прав!* (А. Горбунов. Участник Панджшерских операций в Афгане: «Четверо солдат действительно замерзли. Но в мёртвых никто не стрелял!» // Комсомольская правда, 2013.02).

В качестве модного оценочного слова в разговорной речи и в языке СМИ стал использоваться полисемантический универб *криминал*. В ТСРЯ, наряду с восходящими к значению мотивирующего прилагательного ‘уголовное дело, преступление’, ‘криминалитет’, у производного *криминал* отмечено признаковое значение: ‘обычно с отрицанием. О чем-либо, вызывающем общественное осуждение, нарушающем какие-либо нормы’ [ТСРЯ, 2008, с. 516–517]. Как показывают контексты НКРЯ, компоненты ‘общественное’, ‘нарушающее нормы’ перестают быть составляющими семантической структуры описываемого лексико-семантического варианта, который используется для указания на ‘что-то нежелательное’, ‘что-то необычное’, ‘что-то плохое’, ‘что-то, совершенное со злым умыслом’: *Мотивировали они это ещё притчей «ну это зубы нижние... то, что асимметрия отсутствует – видно не будет ведь (ага... с такой перекошенной челюстью поди осмелишься улыбнуться... : о) У меня зубы скученные, хотя в Ортодонте сказали, что у меня совсем **не криминал**... с одной стороны 1 степень из 4, с другой – 2 степень, т.е. я ещё «цветочек»* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)).

Оценочное значение универб может реализовывать и вне отрицательных конструкций: *По словам Лисовца, он почувствовал недомогание: несколько дней у него была повышенная температура <...>. Однако, по словам стилиста, «это все в прошлом», сейчас у него всё в порядке. «Сейчас всё идёт на улучшение, никакого криминала нет, – добавил он. – Самый большой **криминал** – это подлость людей, а ещё и врачей, которые сливают эту информацию»* (Владислав Лисовец подтвердил, что болен коронавирусом // Vesti.ru, 2020.05). В словоупотреблении

криминальный человек представлено прямое значение прилагательного *криминальный* 'связанный преступностью' [БТС].

Универб **экслюзив** в силу своей употребительности в медиатекстах не раз становился объектом внимания исследователей. О расширении денотативного пространства этого модного оценочного слова и его связи с идеей высокого социального статуса писали в работах [Ермакова, 2008, с. 72], [Новиков, 2019, с. 311]. По мнению М. Кронгауза, «*экслюзивный*, опустошаясь семантически, приближается к новому значению *элитного*: редкий, дорогой и качественный» [Кронгауз, 2018, с. 57]. Действительно, как показывают контексты НКРЯ, *экслюзив* может обозначать самые разнообразные продукты в широком смысле этого слова: одежду, обувь, аксессуары, технические новинки, фильмы, спектакли, информационные материалы. В то же время, как представляется, у этого универба можно выделить несколько переносных значений, пока не отмеченных словарями. Ср.: *экслюзив* – 'то, что наиболее предпочтительно; что характеризуется исключительностью, неординарностью; *экслюзивный материал, экслюзивная продукция*' [ТСРЯ, 2008, с. 1089-1090]. В экономическом дискурсе *экслюзив* регулярно употребляется в терминологическом значении 'экслюзивное право': «*ЛитРес* потерял **экслюзив** на книги издательской группы («ЭКСМО-АСТ» сделала электронную копию // Коммерсант, 2020.01). В рекламных текстах *экслюзив* обозначает 'продукцию, сделанную специально для какого-либо лица или организации': «*Под экслюзивами мы понимаем не только экслюзивную дистрибуцию. Наиболее востребованное среди наших клиентов направление – коллекции, создаваемые брендами специально для ЦУМа и российских покупателей*» (Мировая премьера коллекции Vetements Star Wars состоится в московском ЦУМе // Ведомости, 2019.12).

Универб **креатив** в проекте М. Эпштейна «Слово года» в 2007 г., наряду с другими неологизмами, которые, по мнению авторов проекта, используются для подмены и извращения понятий, попал в номинацию «Антислово». В ТСРЯ *креатив* рекомендуется соотносить со сферой торговли и рекламой: *креатив* – 'Спец. творческое решение, используемое для продвижения товаров, услуг, брендов (обычно в рекламе)' [ТСРЯ, 2008, с. 511-512]. Расширив своё денотативное пространство, слово *креатив* приобрело значение 'что-то новое, интересное, нестандартное', 'обмен идеями', т.е. стало обозначать и качество, и процесс, и результат: *Итальянский бренд Montegrappa с тиражом своих ручек более аккуратен. Какие-то безумные количества в рамках лимитированной серии не заявляются. Другое дело, что самих этих серий выпускается большое количество, то есть сама лимитированная серия от Montegrappa не редкость. Но среди этого **креатива** случаются по-настоящему интересные издания (Хороший подарок для гедониста // Коммерсант, 2020.06); *Перед матчем сборная лишилась**

ответственного за **креатив** в полузащите – Александр Головин получил травму (Е. Бакин. Россия разгромно проиграла Бельгии // lenta.ru, 2019.11).

В терминологическом употреблении **креатив** используется для указания на компанию или организацию, выпустившую тот или иной продукт: *В Москве были размещены пять перетяжек. **Креатив** – компания «Джамиль Ко»* (Новости // Наружная реклама России, 17.08.2000).

Таким образом, судя по контекстам употребления слова **креатив** в НКРЯ, понятие «креативность» включает в себя самые разные составляющие. В то же время компоненты ‘нестандартный’, ‘творческий’, ‘оригинальный’, а также ‘имеющий коммерческую направленность’ могут и не присутствовать в лексическом значении соответствующей лексемы. «Креативность» нередко приобретает ироническое звучание: *Теперь священники будут пугать алиментщиков Страшным судом. Идея принадлежит начальнику службы приставов города Тосно Ленинградской области Валерию Кочергину. Среди коллег его маленькое управление имеет репутацию всероссийской кузницы **креатива*** (Д. Виноградов, В. Кочергин. 7 вопросов Валерию Кочергину, судебному приставу // Русский репортер, №25 (104), 02-09.07, 2009); *Следовательно, цензура нужна, но до маразма не доводить – не ставить узкие рамки, а лишь отсеивать явный «**креатифф**»* (Форум: О детях и национализме). Применительно к человеку определение **креативный** наделено положительной коннотацией.

Характеризуя сочетаемость анализируемых лексем, следует отметить тенденцию к образованию экспрессивных сочетаний с неологическими универбами, например, *чистый (абсолютный) эксклюзив, полный (полнейший) / откровенный неадекват, сплошной негатив, жирный (жирнющий) эксклюзив: У нас очень **жирнющий эксклюзив*** (Признавшийся в любви к Собчак Богомолов спровоцировал слухи о свадьбе // lenta.ru, 2019.08).

Усиление экспрессивности универба может происходить и в результате присоединения к нему префиксоида со значением интенсивности, например, *Изучите предложения разных школ: по тематике бывают курсы бизнес-английского, для туристов, для подготовки к экзаменам, разговорные... И по темпам: интенсив, **суперинтенсив**, занятия раз в неделю, по выходным* (Ю. Смирнова. Отправляемся за языком // Комсомольская правда, 2006.09).

Результаты исследования. В ходе исследования описаны различные изменения в семантической структуре неологических универбов, которые можно свести к двум основным типам: утрате денотативных сем и появлению нового широкого оценочного значения или к специализации значения, обусловленной освоением нового денотативного пространства. При этом разные значения полисемантического универба связаны друг с другом общностью производящей

адъективной основы, т.е. происходит повторная реализация словообразовательной модели. Круг потенциальных референтов универба ограничен лишь сочетательными возможностями производящего прилагательного. Повторные отадъективные наименования могут обозначать как лицо, так и предмет, причем для большинства анализируемых универбов характерно совмещение предметных и «личных» значений в пределах одной лексемы. Как правило, первичным является предметное или признаковое значение, а вторичным – значение лица.

Как уже отмечалось, значение признака свойственно всем производным, образованным способом универбации. Однако с точки зрения характера мотивации анализируемые единицы неоднородны. В одной группе лексико-семантических вариантов преобладающим является признаковое значение мотивирующего прилагательного, в другой – предметное мотивирующего существительного. Более тесную связь с производящим устойчивым словосочетанием сохраняют лексико-семантические варианты конкретно-предметного типа (*экслюзив* ‘экслюзивное право’, *пилот* ‘пилотный проект’). Труднее соотнести с конкретным словосочетанием неологические значения производных существительных с неопределенным референциальным статусом типа *примитив* ‘нечто примитивное’, *экслюзив* ‘нечто эксклюзивное’, *интим* ‘нечто интимное’. Универбы данного типа эквиваленты отвлечённым существительным. Таким образом, в семантической структуре неологических универбов могут совмещаться значения предикатного и идентифицирующего типа.

Специализация значения при повторной реализации словообразовательной модели проявляется на синтаксическом уровне: так, значение эмоционального состояния реализуется в сочетании с обладающими предельно широкой семантикой глаголами ощущения и внешнего проявления психологического состояния (*чувствовать, испытывать, транслировать*) или в составе предложно-падежных конструкций: (*быть, находиться*) *на позитиве, в неадеквате*.

Выводы. Одним из проявлений идеологических и понятийно-концептуальных изменений в русском языке является семантическая трансформация производных слов, при которой одна и та же словообразовательная модель с тем же самым морфемным составом используется для называния разных означаемых. Вовлечение универбов в процесс повторной деривации объясняется, на наш взгляд, словообразовательной спецификой универбации, при которой именной компонент производящего атрибутивно-субстантивного словосочетания морфемно не представлен в производном.

Активизация употребления в современном русском языке полисемантических неологизмов-универбов описываемого типа поддерживается интернациональным характером мотивирующих прилагательных, отсутствием в их морфемной структуре

стилистически окрашенных аффиксов, что обуславливает стилистическую дифференциацию данных лексических единиц. Многие полисемантические универбы сочетают в своей семантической структуре терминологические и общеупотребительные лексические значения. Кроме того, неологические универбы широко используются как средство выражения эмоционально-экспрессивного содержания. Как показывают контексты НКРЯ, оценочное значение универбов может усиливаться при распространении прилагательными со значением интенсивности признака.

Таким образом, мотивированные «модными» прилагательными универбы являются удобным средством обозначения и характеристики актуальных реалий, выражающих ценности общества потребления: идею высокого социального статуса, коммерческого использования, демонстративной успешности и т.п.

Литература

References

Виноградов, В. В. (1972). *Русский язык: (грамматическое учение о слове) : учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов*. Москва: Высш. школа, 613 с.

Виноградова, В. Н. (1984). *Стилистический аспект русского словообразования*. Москва: Наука, 184 с.

Гвоздева Е. В. (2018). К вопросу о месте универбов и способах их описания в Толково-словообразовательном словаре. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Русская филология*, 2, 26–33.

Дозорова, Д. В. (2015). Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2(2), 392–396.

Ермакова, О. П. (2008). Активные процессы в лексике и семантике. *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. Москва: 33-99.

Земская, Е. А. (1981). *Русская разговорная речь: общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва: Наука, 276 с.

Капанадзе, Л. А. (1973). Номинация. *Русская разговорная речь*. Москва: 403-481.

Конопкина, Е. С., & Лунина, Т. П. (2021). Усечение как способ компрессивного словообразования. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 2(31), 107–111.

Копоть, Л. В. (2008). *Универбы в русской разговорной речи: структура и семантика* : на материале журнала «За рулём». Адыгейский государственный университет. Майкоп: 62 с.

Костомаров, В. Г. (1995). Слово беспредел и активизация иных бессуффиксных существительных. *Филологический сборник: (к 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова)*. Москва: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 254-261.

Кронгауз, М. (2018). *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 512 с.

Кубрякова, Е. С. (2008). *Типы языковых значений: семантика производного слова*. Москва: URSS, 198 с.

Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, Электронный ресурс <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс <http://www.ruscorpora.ru>

Нещименко, Г. П. (2010). Тенденция языковой экономики как фактор динамики литературной нормы. *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов*, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова,

Cin'syan, V. (2019). *Russian neologisms-univerbs: methods of education, semantics, features of functioning*. Saint Petersburg, Svet Publ., 2019. 226 p. (In Russian).

Dozorova, D. V. (2015) Word-formation models of univerbats in modern Russian. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2(2), 392–396. (In Russian).

Ermakova, O. P. (2008). Active processes in vocabulary and semantics. *Sovremenniy russkii iazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX – XXI vekov [Modern Russian language. Active processes at the turn of the 20th–21st centuries]*. Moscow: 33–99. (In Russian).

Gvozdeva, E. V. (2018). On the question of the place of univerbes and methods of their description in an explanatory-derivational dictionary. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2, 26–33. (In Russian).

Kapanadze, L. A. (1973). Nomination. *Russian colloquial speech*. Moscow: 403–481. (In Russian).

Konopkina, E. S., & Lunina, T. P. (2021). Truncation as a method of compressive word formation. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2(31), 107–111. (In Russian).

Kopot', L. V., (2008). Univerbs in Russian colloquial speech: structure and semantics: based on the material of the magazine "Za rul'om". Майкоп. 62 p. (In Russian).

Kostomarov, V. G. (1995). The word bespredel and activation of other non-suffix nouns *Filologicheskiy sbornik: (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Vinogradova) [Philological collection: (on the 100th anniversary of the birth of V. V. Vinogradov)]*. Moscow: 254–261. (In Russian).

Krongauz, M. (2018). *The Russian language is on the verge of a nervous breakdown*. Moscow: AST: CORPUS Publ. 512 p. (In Russian).

Kubriakova, E. S. (2008). *Types of language values. Semantics of a derived word*. Moscow, URSS Publ. 198 p. (In Russian).

Kuznetsov S. A. (Ed.). (1998). *The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. First edition: Saint Petersburg, Norint Publ. Published in the author's edition in 2014. Retrieved from <http://www.gramota.ru> (In Russian).

National Corpus of the Russian language. Retrieved from <http://www.ruscorpora.ru>

Neshchimenko, G. P. (2010). The tendency of language economy as a factor of the dynamics of the literary norm. *Novyye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovaniye: doklady XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov [New phenomena in Slavic word formation: system and functioning: reports of the 11th International scientific conference of the Commission on Slavic word formation at the International Committee of Slavists]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 24–26, Moscow: 116–134. (In Russian).

Novikov, VI. (2019). *Dictionary of fashionable words. The linguistic picture of modernity*. Moscow: Slovar' XXI veka Publ., 252 p. (In Russian).

филологический факультет, 24-26 марта 2009 года. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Филологический фак. Москва: 116-134.

Новиков, Вл. (2019). *Словарь модных слов. Языковая картина современности*. Москва: Изд-во «Словарь XXI века», 252 с.

Ольховская, А. И. (2016). *Активные процессы в современном русском языке*. Лондон: Электронный ресурс http://pushkin.institute/news/Olkhovskaya_Active%20processes%20in%20Russian1.pdf

Осипова Л. И. (2000). *Новые слова в русском языке. Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-90-х годов*. Москва: 230 с.

Осипова, Л. И. (2014). *Имена существительные – универбы в русской разговорной речи*. Москва: ГБОУ ВПО МГПУ, 239 с.

Сенько, Е. В. (2007). *Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект*. Санкт-Петербург: Наука, 354 с.

Скляревская, Г. Н. (Ред.). (2008). *Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика : около 8500 слов и устойчивых словосочетаний*. Москва: Эксмо, 1131 с.

Циньсян, В. (2019). *Русские неологизмы-универбы: способы образования, семантика, особенности функционирования*. Санкт-Петербург: Свет, 226 с.

Шведова Н. Ю. (Ред.). (1980). *Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука, 783 с.

Ol'khovskaya, A. I. (2016). *Active processes in modern Russian*. London: Retrieved from http://pushkin.institute/news/Olkhovskaya_Active%20processes%20in%20Russian1.pdf

Osipova, L. I. (2000). *New words in the Russian language: feminine suffixal univerbs with the suffix -k-a*. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 60–90s. Moscow: 230 p. (In Russian).

Osipova, L. I. (2014). *Nouns are univerbs in Russian colloquial speech*. Moscow, Moscow City University Publ. 239 p. (In Russian).

Sen'ko, E. V. (2007). *Neologization in modern Russian: an inter-level aspect*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 354 p. (In Russian).

Shvedova N. Yu. (Ed.). (1980). *Russian Grammar: in 2 vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka Publ., 783 p. (In Russian).

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the 21st century*. Moscow, Eksmo Publ., 1131 p. (In Russian).

Vinogradov, V. N. (1984). *The stylistic aspect of the Russian word formation*. Moscow: Nauka Publ., 184 p. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1972). *The Russian language (grammatical teaching about the word): a textbook for students of philological specialties of universities*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 613 p. (In Russian).

Zemskaya, E. A., (1981). *Russian colloquial speech: General questions. Word formation. Syntax*. Moscow: Nauka Publ., 276 p. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Батулина, А. В. (2023). Инновации в области оценки: семантические трансформации неологических универбов. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 48–60. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-48-60

For citation:

Batulina, A. V. (2023). Innovations in the field of evaluation: semantic transformations of neological univerbs. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 48–60. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-48-60

Глагольная универбация как одна из современных деривационных тенденций

Е. М. Маркова

Verb univerbation as one of the modern derivational tendencies

E. M. Markova

Елена Михайловна Маркова – доктор филологических наук, профессор; Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация; Экономический университет в Братиславе, Братислава, Словакия

E-mail: elena-m-m@mail.ru

Статья поступила: 01.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

В статье рассматривается явление универбации как процесс и как способ словопроизводства в современном русском языке. Анализируя различные точки зрения на данное явление, автор раскрывает своё понимание универбатов как совокупности разных по структуре, способу образования и морфологической принадлежности дериватов, так или иначе свёрнутых на базе словосочетаний. При этом происходит не только стяжение формы, но и конденсация семантики производящего словосочетания. Цель данной статьи – обосновать явление глагольной универбации, выявить особенности образования глагольных универбатов, описать основные сферы их возникновения и функционирования на современном русском языковом материале. Глагольная универбация понимается автором как формальное и семантическое стяжение словосочетания в однословное глагольное наименование. Отличительной особенностью глаголов, образованных таким способом, является параллельное функционирование словосочетания, послужившего производящей основой, и производного однословного наименования. В результате анализа многочисленных примеров, почерпнутых из СМИ, из телевизионных программ и из живой речи, констатируется тенденция к усилению универбации в рамках общей тенденции к экономии языковых усилий и языковых средств, высокая активность подобного типа деривации, исследуются её отличительные признаки и сферы повышенного функционирования. Выявляются не только структурно-семантические, но и функциональные, стилистические особенности стяженных новообразований. Отражая процессы демократизации русского литературного языка, универбация активно распространена в разговорной речи, профессиональном общении, интернет-общении, встречается в речи журналистов, политиков, в рекламе. Выявляется специфика глагольных универбатов, в стяжённой форме вербализующих целую ситуацию, их соотнесённость с

Elena M. Markova – Doctor of Sciences in Philology, Professor; Kosygin State University of Russia, Moscow, Russian Federation; The University of Economics, Bratislava, Slovakia

ORCID 0000-0001-6620-1567

Received: 01/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

The article deals with the phenomenon of univerbation as a process and as a method of word formation in the modern Russian language. Analyzing different points of view on this phenomenon, the author reveals her understanding of univerbats as a set of derivatives of different structure, method of formation and morphological affiliation, one way or another folded on the basis of word combinations. In this case, not only the contraction of the form occurs, but also the condensation of the semantics of the generating word combination. The purpose of this article is to substantiate the phenomenon of verbal univerbation, to identify the features of the formation of verbal univerbats, to describe the main areas of their occurrence and functioning on the basis of modern Russian language material. The verbal univerbation is understood by the author as a formal and semantic contraction of a word combination into a one-word verb denomination. A distinctive feature of verbs formed in this way is the parallel functioning of the word combination, which served as the generating basis, and the derivative one-word denomination. As a result of the analysis of numerous examples drawn from the media, from television programs and from live speech, a tendency to increase univerbation as part of the general trend towards saving language efforts and language means, a high activity of this type of derivation, its distinctive features and areas of increased functioning are investigated. Not only structural-semantic, but also functional, stylistic features of contracted neologisms are revealed. Reflecting the processes of democratization of the Russian literary language, univerbation is actively spread in colloquial speech, professional communication, Internet communication, it is found in the speech of journalists, politicians, and in advertising. The specificity of verbal univerbats, verbalizing the whole situation in a contracted form, their correlation with important phenomena of social or social life, processes in the field of science, as well as with everyday situations that are relevant for live colloquial speech are revealed; their ability to fill in the language gaps,

важными явлениями общественной или социальной жизни, процессами в сфере науки, а также с бытовыми ситуациями, актуальными для живой разговорной речи; отмечается их способность к заполнению языковых лакун, лаконичность, экспрессивность, оценочность.

Ключевые слова: глагольное словообразование, универбация, закон экономии языковых средств, славянские языки

УДК 811.161.1

conciseness, expressiveness, and evaluativity are noted.

Keywords: verbal word formation, univerbation, linguistic economy means, Slavic languages

OECD: 6.020T

V

Постановка проблемы. Стремительные изменения в экономической и социально-политической жизни общества, происходящие на наших глазах уже три десятка лет, неизбежно находят отражение в языке. На фоне быстро меняющейся действительности наблюдается активизация словообразования, привлекающая внимание лингвистов

к проблеме исследования новых слов в плане их деривационной, коммуникативной, прагматической и функциональной специфики [Активные процессы, 2022; Кузьмина, 2012; Маркова, Григорянова, 2016; Скоринова, Орлов, 2016] и др. Влияют на языковые изменения и внутренние законы языка, в частности закон экономии языковых усилий и связанный с ним закон экономии языковых средств, в русле которого в последнее время стало появляться всё больше усечений, сокращений, разного рода стяжений. В активизации этой тенденции велика роль и английского языка, его влияние на другие языки. В процессе словотворчества происходит поиск языковых, в том числе деривационных, возможностей, которые помогают не только кратко номинировать то или иное явление, событие, процесс, но и выразить отношение к ним. В связи с этим усиливается прагматическая составляющая новообразований, и предпочтение отдаётся тем формам-синкретам, которые соединяют в себе денотативное и коннотативное. К такого рода образованиям относятся универбаты, принадлежащие к универсалиям славянского словообразования и оказавшиеся на пике словотворчества в переломную эпоху последних десятилетий [Маркова, Григорянова, 2016]. В основном это явление описано и исследовано касательно образования имен существительных, однако не менее широкое распространение оно получило в последнее время и среди глаголов.

Деривационная активность касается в большой степени и глагольной лексики, т. к. русский язык, как и все славянские языки, отличается тенденция к повышенной глагольной деривации. «Глаголы по сравнению с именами существительными значительно менее подвержены неологизации, однако и для этой части речи характерна динамика деривационных процессов. Их исследование в сфере глагольного словопроизводства позволяет выделить ряд характерных тенденций» [Николина, 2021, с. 81].

Цель данной статьи – исследовать одну из тенденций словопроизводства в сфере глагольной лексики – глагольную универбацию, обосновать явление

глагольной универбации как способ образования новых глаголов и выявить особенности образования глагольных универбатов и основные сферы их возникновения и функционирования на современном русском языковом материале.

Методология и методика исследования. Методами исследования послужили как общенаучные – сбор, систематизация, описание, анализ, сопоставление, так и собственно лингвистические – структурно-семантический метод, метод компонентного анализа, метод моделирования производящей основы, словообразовательный анализ. Материалом для анализа послужили данные словарей-справочников «Новые слова и значения», публикации в СМИ, телепрограммы, интернет-источники, произведения художественной литературы. Материалом исследования стали не только неологические явления, зафиксированные в новейших словарях, но и окказионализмы, индивидуально-авторские употребления, иллюстрирующие анализируемое явление в глагольной лексике.

История вопроса. В самом простом определении универбация – образование однословной номинации на основе словосочетания. В энциклопедии «Русский язык» универбация понимается как «образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично» [Русский язык, 1997, с. 577].

Однако следует заметить, что в лингвистике об универбации не существует единого мнения, есть множество разных точек зрения на это явление. При широком понимании универбация рассматривается как универсальный словообразовательный процесс, и в этом случае всякое словопроизводство приравнивается к универбации [Кубрякова, 1986; Лопатин, 2007]. В более узком смысле под ней понимается совокупность разных дериватов, так или иначе свёрнутых на базе словосочетаний [Янко-Триницкая, 2001; Устименко, 2007]. Наконец, самое узкое и самое распространенное понимание универбации включает лишь производство суффиксальных существительных на основе словосочетаний, как правило, атрибутивного характера, имеющих устойчивый характер [Земская, 2000; Осипова, 1999; Теркулов, 2010; Лукашанец, 2016 и др.]. При этом, по мнению этих учёных, в языке остаются представленными две формы обозначения одного и того же плана содержания: расширенная, в виде мотивирующего словосочетания, и сжатая как результат его стяжения. Полная форма принадлежит к общеупотребительной лексике, тяготеет к книжной речи, стяженная характеризуется, как правило, разговорностью.

С нашей точки зрения, является справедливым последнее определение и уточнение к нему, но представляется возможным расширить его рамки и рассматривать универбацию как словообразовательный процесс, в результате которого продуцируются морфологически различные однословные эквиваленты в разной степени устойчивых словосочетаний [Клименко, Маркова, 2018]. Ведь ещё в середине прошлого века, анализируя дериваты типа *черника*, *повилика*, известный дериватолог и учитель автора этих строк Н. М. Шанский отмечал, что они образованы на базе словосочетания *прил. + сущ.*: в данном случае *черная ягода*, *повилая трава*, т. е. относил подобные факты к морфологическому способу словообразования, но

основанному на универбации устойчивого словосочетания [Шанский, 1985, с. 121]. К правильному делению слова на морфемы, как и правильному установлению способа словопроизводства, Н. М. Шанский советовал идти через описательное толкование слова, которое обязательно будет содержать мотивирующее слово или словосочетание. При этом он предлагал развести понятия **словообразование** как образование слов на основе словосочетаний типа *сумасшедший < с ума сшедший, сначала < с начала, сегодня < сего дня* и т. п. и **словопроизводство**, или **деривацию** (создание слова по той или иной модели) как заполнение клетки словообразовательного квадрата [Шанский, 1985, с. 129].

Результатом универбации как формального и семантического стяжения словосочетания может быть не только имя существительное, но и слово другой части речи, чаще всего им становится глагол. Хотя многие лингвисты не относят подобные случаи к универбации, рассматривая их в рамках традиционного суффиксального, а также суффиксально-постфиксального словопроизводства, правильнее было бы данные явления квалифицировать как случаи универбации, сопровождаемые суффиксацией или префиксацией и суффиксацией / постфиксацией. По мнению ряда учёных [Г. П. Нещименко, 2000] и др., универбация глаголов имеет все признаки этого способа деривации: формальное и семантическое сжатие словосочетания в одно слово, использование корневой морфемы одного из компонентов словосочетания, несущего основную смысловую нагрузку, оформление при помощи определённых деривационных средств. При этом в языке остаются представленными две формы обозначения одного и того же плана содержания: расширенная, в виде мотивирующего словосочетания, и сжатая, как результат его стяжения. Последняя характеризуется, как правило, разговорностью.

Глагольная универбация принадлежит к исконно славянским продуктивным способам деривации, однако активизация его в последнее время спровоцирована и всё убыстряющимся темпом жизни, динамикой научно-технического прогресса, и влиянием английского языка, в котором наиболее частотными способами словообразования являются конверсия – использование одного и того же знака и для наименования явления или артефакта, и для наименования действия, свойственного ему или производимого с ним (*water* ‘поливать’ ← *water* ‘вода’) – и универбация как результат стяжения словосочетания в одно слово (*overnight* ‘зачековать’ ← *stayed overnight* ‘остаться на ночь’). «Большинство обозначенных универбов характеризуется включением глагольной семантики и образовано путём аффиксальной деривации от прямого или косвенного дополнения в глагольном словосочетании» [Романов, 2015, с. 117-118].

При этом глагольная универбация имеет и свою смысловую специфику на фоне именной. «Универбализованная глагольная номинация позволяет объективировать целую **ситуацию**, причём отразить её часто в динамике, в компактной языковой форме запечатлеть **процесс**, отразив при этом субъективное отношение говорящего к нему» [Маркова, 2018, с. 234]. При суффиксальной или префиксально-суффиксальной универбации, наиболее характерных для разговорной и профессиональной речи, происходит образование стилистически сниженного синонима к стилистически

нейтральному словосочетанию, хотя со временем однословный синоним может войти в общелитературное употребление.

Анализ материала. Глагольные универбаты способны в краткой вербальной форме объективировать какую-либо деятельность, процесс, например: *шашлычить* ← *делать шашлыки* (Иногда встречаемся, **шашлычим**); *дедморозить* ← *играть Деда Мороза* (Актер Ю. Олещко **дедморозить** начал ещё со студенческих лет), *жюриить* ← *работать в жюри* (Однажды мы с Ширвиндтом поехали **жюриить** на конкурс артистов), *ковидить* ← *болеть ковидом* (Вся семья у нас **ковидит**), *пенсионерить* ← *проводить время на пенсии* (Кто занят туризмом, кто фермерством, кто просто **пенсионерит**, прожигая европейскую пенсию здесь). Получили широкое распространение и включены в словари такие глагольные универбаты *мониторить* (← *производить мониторинг*), *твитить* (← *размещать в твиттере*), *постить* (← *размещать пост*) и др.

В русле названной выше тенденции к экономии языковых усилий слово *администратор* было сокращено в разговорной речи до *админ*, откуда образовался глагол *админничать* из сочетания *быть админом*, с популярным до недавнего времени глагольным суффиксом - *нича* -: «Если хотите **админничать**, напишите в личное сообщение группы»; впоследствии глагол получил распространение и в ещё более стяжённой форме: *админить*. Этот же суффикс использован и для образования глагола *видосить* ← *снимать видосы* ‘видеофильмы, видеосюжеты’ (Пойду **видосить**, а то я с вами заболтался).

Возможности компактной глагольной деривации делают её чрезвычайно активной и в повседневном общении, в том числе в интернете, и в телекоммуникации, и в рекламе, и в языке СМИ. Таким образом, глагольный универбат, как и именной, также стилистически ограничен: как правило, является окказиональным образованием, функционирует в разговорной, профессиональной речи.

Результаты исследования. Исследование дериватов, которые можно отнести к описываемому явлению, дало возможность выявления факторов его активизации в наши дни, структурно-семантической специфики глагольных новодериватов, а также наиболее активных сфер их функционирования.

Помимо способности к выражению значения целого словосочетания в компактной, однословной форме, что находится в русле тенденции к экономии языковых усилий, можно выделить и другие возможности глагольной универбации.

Универбализованная форма может служить заполнением лакуны. Лакунарными являются, например, некоторые глагольные формы, представленные в русском языке только словосочетаниями, например, *стать равнодушным*, которое получило в речи и однословную вербализацию – *оравнодушеть* (Иржи даже перчаток не снял – заледенел, бедняга, **оравнодушел**», Д. Рубина). Глагол *стрессовать*, ставший популярным в последнее время, возник на основе словосочетания *испытывать стресс* (Вы часто **стрессуете**?).

При помощи компактных глагольных окказионализмов можно транслировать изменение действия, передаваемое в исходном словосочетании глаголами *стать*,

изменить, сделать, превратить, а также префиксами *о-* или *у-*, а также *за-* в глаголе-универбате: *очеховить* (← *изменить в духе Чехова*), *ускромнить* (← *сделать более скромными*), *оженствиться* (← *становиться женственным'*), *обуючивать* (← *делать уютным*: Мама **обуючивала** нашу квартиру), *окультуривать* (← *делать культурным*: Сейчас человека никто не будет **окультуривать**, большая ответственность за это ложится на самого человека).

С помощью универбации глагольного оборота легко образуются возвратные глаголы, активизацию которых отмечают исследователи [Николина, 2021]. «При помощи новых возвратных глаголов выражаются различные аспекты субъектно-объектных значений, в современной речи они наиболее часто реализуют взаимно-возвратное значение; см., например, потенциальные глаголы, образованные от заимствованных основ: *воцапиться, зумиться, скайпиться, фейсбучиться, чатиться*. В результате намечается тенденция к расширению в языке группы взаимно-возвратных глаголов» [Николина, 2021, с. 83]. По сути дела, все приведенные автором цитируемой статьи примеры однотипны и образованы на основе компрессии аналогичных словосочетаний с глаголом *общаться*: *воцапиться* ← *общаться в WhatsApp*; *зумиться* ← *общаться в Zoom*; *скайпиться* ← *общаться в скайпе*; *фейсбучиться* ← *общаться в фейсбуке*; *чатиться* ← *общаться в чате*. Однако активны и возвратные глаголы с собственно-возвратным значением: «У глагола *ковидиться*, кроме взаимно-возвратного значения, отмечается значение 'переносить инфекцию Covid-19', например: *Уже десятый день ковидюсь...* [Там же]. Сюда можно добавить и недавно появившийся глагольный дериват *завируситься* (← *заразиться вирусом*: На этот раз в Казнете **завирусились** снимки, на которых изображен гигантский университетский экран).

Чрезвычайно важной для коммуникации является и способность глагола-универбата к передаче разного рода коннотаций, эмоционально-оценочного отношения к номинируемому событию, процессу. Исследователи русского языка отмечают приоритетность экспрессивных форм при выборе лексической единицы для номинации, а в случае отсутствия таковой – подключение словообразовательных возможностей языка, создание максимально нагруженного экспрессивной оценкой обозначения. «В современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей» [Валгина, 2001, с. 149]. Отмеченная А. Вежицкой такая черта, свойственная русской языковой картине мира, как установка на эмоциональное и оценочно окрашенное отношение к миру и к людям [Вежицкая, 1996, с. 34], имплицитно заложена во многих глагольных универбатах. К ним принадлежит, например, глагол *кукловодить*, образованный на основе словосочетания *играть роль кукловода*, который представлен и в ещё более стяжённой форме: *куклить; дитякать* (← *вести себя как дитя* (И долго ты ещё будешь **дитякать**?); *романить* (← *иметь любовный роман*) (А когда вы **романили** с ней, всё было хорошо?) и др.

Широкая популярность универбализованной формы объясняется и её способностью совмещать различные способы глагольного действия, благодаря использованию различных словообразовательных формантов. Так, темпоральные

значения – начала или завершения, результата действия – могут сопровождаться семантикой большого количества, избыточности, передаваемого моделью, оформляемой циркумфиксом *на-...-ся*: *накорвалолиться* (← *напиться корвалола*), *навалокординиться* (← *напиться валокордина*) (из передачи 1 канала ТВ «Жить здорово!»), *намакияжиться* (← *сделать макияж*), а также образованные от китайских корней по той же модели *наулуниться*, *нацигуниться*, *начифаниться*, *нашаолиниться* и др. [Ли Сыци, 2020, с. 140].

Глагольный универбат может быть и отыменным, образованным из сочетания, в основе которого – имя собственное, имена и фамилии известных людей той или иной страны, транслирующие не только особую семантику, обусловленную данной этнокультурой, но и отношение к личностям со стороны носителей данной культуры. Так в русском коммуникативном пространстве стал довольно популярным в наше время глагольный неологизм *ванговать* ← *предсказывать подобно Ванге* (Соседка **ванговала**: «Неделю и вертаешься»). В качестве глагольных мотиваторов могут выступать и имена героев мировой литературной классики, как в случае с глаголом *гекльберрифиннить* ← *вести себя как Гекльберри Финн* (т. е. ‘бегать целыми днями со сверстниками подобно герою романа М. Твена’).

Исследования глагольной универбации в функциональном аспекте показывают, что она активно проявляет себя не только в разговорной речи, но и в профессиональной сфере, в языке делового общения. Ситуация, когда ставят «галочку» около выбранного варианта, вербализовалась в русском общении в универбате, *галковать / галкнуть* (← *ставить / поставить галочку*). Интересно, что этот глагол имеет ещё и лингвокультурную особенность, что выявляется при сравнении, например, со словацким глаголом *zakružkovať* (← *обвести кружком*), т. к. в словацкой культуре принято обводить «кружком» выбранный в каком-либо перечне элемент, в отличие от русской традиции. Много подобных образований в речи автомобилистов, компьютерщиков – людей, имеющих дело с техникой: *сбоить* ← *давать сбой* (Почему так **сбоют** дорожные навигаторы?); *газовать* ← *нажимать на педаль газа*; *домкратить* ← *ставить машину под домкрат*, *принтить* ← *печатать на принтере*, *архивировать* ← *создать архив*; *ксерокопировать*, *ксерить* ← *делать ксерокопию* и др.

В целом универбаты активно продуцируются в разных типах дискурсов: политическим, экономическим, правовым, военным, спортивным, медицинским и т. д. Часто подобные глаголы включаются в речь политиков, обозревателей, журналистов, к примеру: *финализировать* ← *осуществлять финал* (Мы **финализируем** наши действия по обмену пленными), *педалировать* ‘ускорять’ ← *нажимать на педаль газа* (Мы не можем **педалировать** этот процесс). Реакцией одного из журналистов на ежегодный прямой эфир В. В. Путина были слова: «Слов нет. Вы опять **дзюданули** весь мир» (Интернет). Глагол *дзюдануть* образован на основе словосочетания *провести приём дзюдо* и употреблён в данном контексте в переносном значении ‘обыграть, победить в какой-либо схватке’. При этом употребление его мотивировано знанием экстралингвистической ситуации: увлечением Президента РФ борьбой дзюдо.

Популярны глагольные новообразования-универбаты в рекламных текстах. «Актимель! Монстры атакуют. **Актимелизируйся**» (реклама напитка «Актимель») – глагол *актемилироваться* образован из сочетания *выпить «Актимель»*. По аналогии со *сникерснуть* (из сочетания *съесть сникерс*), заполняя четвертую клетку словообразовательного квадрата, образован и глагол *фруктануть* (из сочетания *выпить фруктового сока*), используемый в рекламе соков и напитков фирмы «Яблочкин»: «**Фруктанём** на всю катушку».

Выводы. Приведённый материал, иллюстрирующий одну из тенденций в сфере образования глагольной лексики, демонстрирует его соотнесённость с важными явлениями общественной, социальной, политической жизни, профессиональной, деловой сферой, а также с бытовыми ситуациями, отражёнными в живой разговорной речи, сопряжёнными, в основном, с отрицательной оценкой явлений и событий, иронией, насмешкой, осуждением происходящего, а также служит для заполнения языковых лакун или в рекламных целях. Экспрессивизация лексики русского языка поддерживается и усиливается экспрессивностью новообразований, в том числе глагольных, которые из средств массовой информации, из телепередач, рекламных слоганов, речи поп- и телезвёзд активно проникают в речь обычных носителей языков. Подобные образования «приобретают предельно общий экспрессивно-оценочный смысл..., позволяющий употреблять данные глаголы в самых разнообразных коммуникативных условиях, в качестве оценочной реакции на самые разнообразные ситуации» [Активные процессы 2022, с. 45].

Приведённый материал демонстрирует актуальность и растущую продуктивность универбации как способа словообразования, сутью которого является процесс «сворачивания» словосочетания в однословное наименование – явления, реализующего тенденцию к сокращению, усечению, минимизации языковых усилий и языковой продукции – характерной приметы нашего времени, современной языковой ситуации.

Источники

Словарь перемен. Электронный ресурс: <https://www.facebook.com/notes/2015/776172429135957>

Порталы <http://www.pikabu.ru>; <http://livejournal.com>; <http://www.lenta.ru>; <http://www.life.ru>; <http://www.vk.com>; <http://books.google.ru>; www.chat.ru

Рубина Д. (2014) Синдром Петрушки: роман. Москва.

Программы ТВ (1 канала и канала «Россия»): «Жить здорово!», «Судьба человека», «Давай поженимся», «Растём вместе».

Литература

Валгина, Н. С. (2001). *Активные процессы в современном русском языке*: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по филологическим направлениям и специальностям. Москва: Логос, 302 с.

Вежбицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*: перевод с английского. Москва: Рус. слов., 411 с.

Вепрева, И. Т., & Купина, Н. А. (2014). О творческом потенциале русского языка, иноязычной лексике и оценочном отношении к «чужому» слову. *Studia Russico-Slovaca*. Ružomberok: VERBUM, 25–34.

Земская, Е. А. (2000). Активные процессы современного словопроизводства. *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. Институт русского языка РАН. Москва: 90-141.

Караулов, Ю. Н. (Ред.). (1997). *Русский язык*: энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд. дом Дрофа, 703 с.

Клименко, Г. В., & Маркова Е. М. (2020). *Словарь универбатов современного русского языка*: учебное издание. Москва: Прометей, 2020, 110 с.

Кубрякова, Е. С. (1986). *Номинативный аспект речевой деятельности*. Москва: Наука, 156 с.

Кузьмина, Н. А., & Абросимова, Е. А. (2012). *Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени*: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению Издательское дело. Москва: Флинта-Наука, 254 с.

Ли Сыци. (2020). *Лексика китайского происхождения в русском языке: функциональный подход*. Казань: 2020. 278 с.

Лопатин, В. В. (2003). Универбация. *Русский язык*: энциклопедия. Москва: 577.

Лукашанец, Е. (2016). Методология исследований русского сленга: новые источники. *Współczesne językoznawstwo słowiańskie: teoria i metodologia badań / edaktor naukowy Elena Koriakowcewa. T. 2: Metody analizu i opisu jednostek leksykalnych i tekstowych*. Siedlce: Academia Podlaska w Siedlcach, 51–60.

Маркова, Е. М. (2018). Глагольная универбация в свете славянского словообразования. *Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.)*: сборник научных статей: в 2-х т. Т. 1.

Sources

Dictionary of changes. Retrieved from <https://www.facebook.com/notes/2015/776172429135957>

Portals <http://www.pikabu.ru>; <http://livejournal.com>; <http://www.lenta.ru>; <http://www.life.ru>; <http://www.vk.com>; <http://books.google.ru>; www.chat.ru

Rubina, D. (2014). *Petrushka syndrome*. Novel. Moscow.

TV programs (Channel 1 and Channel "Rossiya"): *Zhit' zdorovo!* [Life is great!], *Sud'ba cheloveka* [The fate of man], *Davay pozhenimsya* [Let's get married], *Rastom vmeste* [Growing up together].

References

Karaulov, Yu. N. (Ed.). (1997). *Russian language. Encyclopedia*. 2nd ed. Moscow: Drofa Publ. 703 p. (In Russian).

Klimenko, G. V., & Markova, E. M. (2020). *Dictionary of Univerbats of the Modern Russian Language*: Educational Edition. Moscow: Prometey Publ. 110 p. (In Russian).

Kubryakova, E. S. (1986). *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: Nauka Publ. 156 p. (In Russian).

Kuzmina, N. A., & Abrosimova, E. A. (2012). *Active processes in the Russian language and modern communication: a textbook for students of higher educational institutions, majoring in Publishing*. Moscow: Flinta-Nauka Publ. 254 p. (In Russian).

Li Siqi. (2020). *Vocabulary of Chinese origin in Russian: a functional approach*. Kazan: 278 p. (In Russian).

Lopatin, V. V. (2003). Univerbation. *Russkiy yazyk: entsiklopediya [Russian language: Encyclopedia]*. Moscow: P. 577. (In Russian).

Lukashanets, E. (2016). Russian slang research methodology: new sources. *Współczesne językoznawstwo słowiańskie: teoria i metodologia badań*. Vol. 2: Metody analizu i opisu jednostek leksykalnych i tekstowych. Siedlce, Academia Podlaska w Siedlcach Publ., 51–60. (In Russian).

Markova, E. M. (2018). Verb univerbation in the light of Slavic word formation. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire: II Mezhdunarodnyy simpozium (8–12 iyunya 2018 g.): sbornik nauchnykh statey: v 2-kh t. T. 1 [Russian language in a multicultural world. II International Symposium (June 8–12, 2018). Collection of scientific articles: in 2 vol. Vol. 1]*. Simferopol. 232–238. (In Russian).

Markova, E. M., & Grigoryanova, T. (2016). *Dynamic aspects of the vocabulary of modern Slavic languages*. Brno: Tribun EU Publ. 187 p. (In Russian).

Neshimenko, G. P. (2000). Word formation of the spoken language in the light of the trend of language economy (based on the Russian and Czech languages). *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem*. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck: 253–270. (In Russian).

Nikolina, N. A. (2021). Trends in modern verbal word production. *Russian Language at School*. 82(5), 80–85. (In Russian).

Симферополь: 232–238.

Маркова, Е. М., & Григорянова, Т. (2016). *Динамические аспекты лексики современных славянских языков*. Врно: Tribun EU. 187 с.

Нещименко, Г. П. (2000). Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков). *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem: Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee*. Innsbruck: 253–270.

Николина, Н. А. (2021). Тенденции современного глагольного словопроизводства. *Русский язык в школе*. 82(5), 80–85.

Осипова, Л. И. (1999). *Активные процессы в современном русском словообразовании: суффиксальная универбация, усечение*. Москва: 29 с.

Радбиль, Т. Б., Маринова, Е. В., Рацибурская, Л. В., Щеникова, Е. В., Жданова, Е. А., Бакич, Н. А. (Ред.). (2019). *Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография*. Москва: Нестор-История, 257 с.

Романов Ю. А. (2015). Универбация на основе глагольных словосочетаний в английском и русском языках. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету*. Серія. Філологія. 18(2), 117–120.

Скорикова, Т., & Орлов, Е. (2016). Современная языковая ситуация: изменения в русской лексике. *Studia Russico-Slovaca*. Ruzomberok: 33–41.

Теркулов, В. И. (2010). Универбализация: постановка проблемы. *Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия. Филология, история, востоковедение*. 3. 135–142.

Устименко, И. А. (2007). *Явление семантической конденсации в русском словообразовании: пособие к спецкурсу «Актуальные проблемы современного словообразования»*. Белгород: БелГУ, 130 с.

Шанский, Н. М. (1985). *Русское языкознание и лингводидактика: сборник статей*. Москва: Русский язык, 239 с.

Янко-Триницкая, Н. А. (2001). *Словообразование в современном русском языке*. Москва: Индрик, 503 с.

Osipova, L. I. (1999). *Active processes in modern Russian word formation: Suffixal univerbation, truncation*. Moscow: 29 p. (In Russian).

Radbil, T. B., & Ratsiburskaya, L. V., Schenikova, E. V., et al. (2022). *Active processes in the modern Russian language of the newest period: Textbook*. Ed. T. B. Ratsiburskaya. Moscow: Nestor-Istoriya Publ. 257 p. (In Russian).

Romanov, Yu. A. (2015). Univerbation based on verb phrases in English and Russian. *Scientific Bulletin of the International Humanitarian University. Philology*, 18(2), 117–120. (In Russian).

Shansky, N. M. (1985). *Russian linguistics and linguodidactics: collection of articles*. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 239 p. (In Russian).

Skorikova, T., & Orlov, E. (2016). Modern language situation: changes in Russian vocabulary. *Studia Russico-Slovaca*. Ruzomberok: 33–41. (In Russian).

Terkulov, V. I. (2010). Univerbalization: problem statement. *Uchonyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya. Filologiya, istoriya, vostokovedeniye [Scientific notes of the Transbaikal State. humanitarian-pedagogical un-ta them. N.G. Chernyshevsky: Series "Philology, history, oriental studies"]*, 3, 135–142. (In Russian).

Ustimenko, I. A. (2007). *The phenomenon of semantic condensation in Russian word formation: A guide to a special course "Actual problems of modern word formation"*. Belgorod, Belgorod State University Publ. 130 p. (In Russian).

Valgina, N. S. (2001). *Active processes in the modern Russian language: a textbook for university students studying in philological areas and specialties*. Moscow, Logos Publ. 302 p. (In Russian).

Vepreva, I. T., & Kupina, N. A. (2014). About the creative potential of the Russian language, foreign vocabulary, and evaluative attitude to the "foreign" word. *Studia Russico-Slovaca*. Ružomberok: VERBUM Publ, 25–34. (In Russian).

Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Tr. from English. Moscow: Russkoye slovo Publ. 411 p. (In Russian).

Yanko-Trinititskaya, N. A. (2001). *Word formation in modern Russian*. Moscow, Indrik Publ. 503 p. (In Russian).

Zemskaya, E. A. (2000). Active processes of modern word production. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985-1995) [Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]*. Moscow: 90–141. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Маркова, Е. М. (2023). Глагольная универбация как одна из современных деривационных тенденций. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 61–71.

DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-61-71

For citation:

Markova, E. M. (2023). Verb univerbation as one of the modern derivational tendencies. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 61–71. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-61-71

Молодые голоса / Young voices

Терминологизация понятия «модное слово» В ЛИНГВИСТИКЕ

И Лицюнь

Terminologization of the "buzzword" concept in linguistics

Yi Liqun

И Лицюнь – постдокторант; Пекинский университет, Пекин, Китайская Народная Республика

E-mail: yiliqun@mail.ru

Статья поступила: 20.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

Yi Liqun – postdoctoral researcher; Peking University, Beijing, China

ORCID 0009-0003-3921-3871

Received: 20/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

В статье рассматривается терминологизация понятия «модное слово» в лингвистической терминологии, акцентируется внимание на двух ключевых процессах: во-первых, словосочетание «модное слово» как лексическая единица ненаучной разновидности языка используется в функции термина в составе лингвистического научного языка для специальной лингвистической исследовательской цели; во-вторых, оно приобретает определения и обозначения общего понятия в системе понятий современной лингвистики. На конкретном материале показано, что употребление данного словосочетания в естественном языке является субстратом термина. Представлен краткий научный обзор по теме на современном этапе, что определяют актуальность и перспективы исследования.

Ключевые слова: лингвистика, русистика, термин, терминологизация, модное слово

УДК 81.373.46

The article discusses the terminology of the concept of "buzzword" in linguistic terminology and focuses on its two key processes: firstly, the word "buzzword" as a lexical unit of a non-scientific variety of language is used as a term in the linguistic scientific language for a special linguistic research purpose; secondly, it acquires definitions and designations of a general concept in the system of concepts in modern linguistics. Based on specific material, it is indicated that the use of this word in natural language is the substratum of a term. At the same time, a brief scientific overview of the topic at the current stage is presented, which determines the relevance and prospects of the study.

Keywords: linguistics, Russian studies, term, terminology, buzzword concept

OECD: 6.02OT

V

Постановка проблемы. В настоящее время существует большое количество работ, посвященных анализу «модных слов», но несмотря на это, определение понятия «модное слово» до сих пор подвергается сомнениям. Думается, что для решения вопроса о терминологическом статусе «модного слова» необходимо исследовать, как происходил процесс терминологизации словосочетания «модное слово», хорошо известного носителям русского языка начиная с XVIII века. В этом заключается цель статьи.

История вопроса. В монографии «Терминоведение. Предмет, методы, структура» термин определяется как «единица наименования в данной области науки и техники, которой приписывается определённое понятие и которая

соотнесена с другими наименованиями в этой области и образует вместе с ними терминологическую систему» и указывает, что «термин – это знак-обозначение (слово или словосочетание), используемое в качестве элемента знаковой модели определенной специальной области знания или деятельности» [Лейчик, 2009, с. 25-26]. То есть термин отличается от других лексических единиц естественного языка (нетерминов) областью использования, он имеет все семантические и формальные характеристики слова или словосочетания естественного языка.

В свою очередь, проблему соотношения термина и слова (или словосочетания) называют «глобальнотерминоведческой» [Татаринов, 1996, с. 204]. Отмечается, что не существует принципиальных препятствий для любого слова или словосочетания стать термином, «равно как и для любого термина не существует препятствий потерять свою терминологическую отнесенность и перейти в общее пользование» [Лейчик, 1986, с. 437]. Таким образом, выясняется, что термином может стать любое слово. Следовательно, понятие «терминологизация» означает «переход лексической единицы из состояния нетермина в состояние термина» [Татаринов, 1996, с. 29].

Методология и методы исследования. В предлагаемой статье объектом анализа стало словосочетание «модное слово» и его синонимы в разных дискурсах. Выбор этих дискурсов объясняется тем, что в них выражаются представления носителей языка разных временных периодов в естественном языке.

Обращаясь к методологически значимым для нас классическим работам по терминоведению [Винокур 1939], [Лотте 1961], [Лейчик 1986, 2009], [Татаринов 1996] и др., обращаем внимание на два основных процесса терминологизации. Первый состоит в том, что слово или словосочетание как лексическая единица ненаучной разновидности языка употребляется в функции термина для специальных исследовательских целей. Второй – в том, что слово или словосочетание получает определение и оказывается среди обозначений понятий в общенародном языке.

Конкретно для понимания терминологизации понятия «модное слово» в лингвистике играют важную роль работы лингвистов [Костомаров 1999]; [Журавлева 2009, 2010], [Сперанская 2012], [Ведрева и Мустайоки 2015], [Новиков 2018] и др.; особенно заметим важность определения «модного слова» в изучении русского и китайского языков [Власова 2014, Хуань Чэнь 2017] и различение его с синонимами [Попова 2019].

Источником языкового материала статьи стали различные словари и лингвистические корпуса, главным из них является Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ, ruscorpora.ru).

В исследовании использовались методы корпусной лингвистики, контекстного анализа слова, терминологического анализа.

Анализ материала. Итак, по данным НКРЯ, словосочетание «модное слово» в русском неспециальном языке предстает давно, оно хорошо известно грамотному и читающему носителю русского языка, о чем говорят следующие примеры: *Он был выходец или, тогдашним модным словом сказать, эмигрант французский, приверженный к правам Бурбонского дома* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моём, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1791–1798); *Так, в*

половине прошедшего столетия были у нас **модные слова**: *ужесть, как мил; он не в своей тарелке; делать куры* (Н. А. Полевой. Делать карьер, 1830); *Вы употребили модное слово «осмыслен», но употребили, кажется, напрасно* (Н. Ф. Павлов. Письма к Н. В. Гоголю, 1847); *Правда, наша публика привыкла нередко встречать как в ежедневных, так и в периодических изданиях статьи и заметки о гигиене; слово «санитарный» стало модным словом и повсеместно слышишь, будто бы общество сильно интересуется гигиеническими вопросами* (Ф. Ф. Эрисман. Общественная гигиена, 871–1908).

Приведённые примеры позволяют заключить, что у словосочетания «модное слово» как единицы лексикона естественного языка до терминологизации была некоторая история, при этом у него нет определения, кроме квалификации конкретного слова. На этом этапе оно – в полной степени нетермин.

знаком начала первого этапа процесса терминологизации словосочетания «модное слово» считается его появление в лингвистической монографии «Языковой вкус эпохи» у В. Г. Костомарова, о чём говорят цитаты из названной книги (поэтому указаны только страницы данного издания): *Неизвестное же литературному словарю существительное тусовка распространилось ещё более широко – так, что самый глагол тусоваться воспринимается как новейшее образование, так сказать «вторичного» происхождения. Оно имеет ещё более очевидный жаргонный характер, но в последние два-три года выходит в общий обиход из артистической жеманно-грубой, «искусственной» речи (ср. модные слова недавнего учительско-школьного обихода: массовка, текстовка, речёвка). Семантика его достаточно эластична, как то свойственно всякому сверхмодному слову* [с. 89]; *Наш век, к сожалению, устроен так, что меценатов становится всё меньше, а спонсоров делается всё больше. Одно понятие неизбежно сменяется другим, а поэтому неудивительно, что звучное новомодное слово сегодня у всех на слуху* (СК, 29.12.88) [с. 95]; *О связи модных слов и значений с социальной престижностью прекрасно писала Г.А. Золотова, анализируя современное употребление слова сложно там, где должно быть в согласии с существующей семантической нормой слово трудно* (Что сложно, а что трудно? РР, 1993, 2) [с. 139]; *Важно констатировать, что идёт массовое напряжённое фразеотворчество, дополняющее уже рассмотренную всеохватывающую (прибегая к модному слову обвальную) проверку на точность и прочность, на пригодность для новых условий, всех привычных терминов, ходячих формул* [с. 169–170]; *Модное слово «беспредел» уже не отражает ситуацию в криминальной сфере столицы. Сегодня модно смело признать, что идёт самая настоящая война в городе* (МП, 26.8.92) [с. 189]; *Модное, актуализированное слово легко перенимается, расширяя сферу своего влияния, затмевая другие возможности выражения данного смысла, безусловно, избираясь всякий раз как уникальная единица, предпочитаемая синонимам, соотносительным или параллельным средствам выражения, не имеющим и подобия экспрессии, столь соответствующей языковому вкусу сегодня* [с. 148].

Разумеется, цитируемая монография является не единственным источником для наблюдений над использованием словосочетания «модное слово». Позднее оно встречается не только в текстах, но и в названиях множества лингвистических работ, о

чём свидетельствует и библиография настоящей статьи. Эти наблюдения позволяют увидеть результаты исследования.

Результаты исследования. Очевидно, что на первом этапе процесса терминологизации словосочетание «модное слово» как лексическая единица ненаучного языка используется в функции термина в составе лингвистического научного языка для исследовательской цели, что подтверждает положение о том, что «механизм терминологизации в первом случае включает в себя, прежде всего, семантические процессы. Лексическая единица начинает обозначать общее (абстрактное или конкретное) понятие, входящее в систему понятий некоторой специальной сферы знаний и(или) деятельности» [Лейчик, 1986, с. 80]. Наблюдается, что на данном этапе словосочетание «модное слово» начинает обозначать общее понятие в специальной лингвистической сфере и получает первичные признаки термина:

распространённость («распространилось ещё более широко», «в общий обиход», «делается всё больше», «у всех на слуху», «всеохватывающая», «расширяя сферу своего влияния»),

современность («современное употребление», «в последние два-три года», «пригодность для новых условий», «отражает ситуацию», «сегодня», «соответствующей языковому вкусу сегодня»),

новизна («воспринимается как новейшее образование», «уникальная единица»), экспрессивность («жаргонный характер», «подобия экспрессии»), престижность («связь с социальной престижностью», «прибегать», «предпочитаемая синонимам»).

Согласно В.М. Лейчику, второй этап процесса терминологизации заключается в том, что лексическая единица ЯСЦ (нетермин) приобретает признаки терминов. Стоит отметить, что существует два основных подхода к изучению терминов: первый из них – нормативный, который формулирует требования к термину, второй – дескриптивный, исследующий реальное функционирование терминов.

Д. С. Лотте, один из первых учёных и разработчиков нормативного подхода, приводит следующие признаки терминов: «однозначность, точность, систематичность, отсутствие синонимов, краткость» [Лотте, 1961, 15-16, 72-79].

Представители дескриптивного подхода, например, Г. О. Винокур, И. А. Изергина, Р. Ю. Кобрин опровергают нормативные требования, поскольку термины могут быть многозначны [Козлова, 1980], точность и системность термина относительны [Шелов, 1982], терминам присуща синонимичность [Изергина, 1980], кроме того, существующие термины могут быть достаточно длинными [Кобрин, 1979].

Учитывая приведённые аргументы, трудно не согласиться с дескриптивным подходом: «В роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально, и что термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» [Винокур, 1939, с. 5].

Опираясь на это рассуждение, мы рассматриваем второй этап процесса терминологизации как полное выполнение функции термина лексической единицей. Иными словами, после первого этапа лексическая единица естественного языка

(нетермин) станет квазитермином, на втором этапе она станет термином путём приобретения определения и обозначения общего понятия в системе понятий специальной сферы знаний и(или) деятельности.

Терминологический статус словосочетания «модное слово» определяется словарной статьёй с полным описанием в научных работах, в частности, в лингвистических словарях и литературе. В словаре-справочнике «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» модные слова определяются как «слова, получившие большую популярность в определённый период времени. В отличие от неологизмов, М.с. не всегда являются теми, которые появились в языке недавно и вошли в активный оборот. Стать модным может слово давно известное, но получившее необычайно широкое распространение» и указывает некоторые критерии и характеристики модного слова – «модным словом становится по экстралингвистическим (не языковым) причинам», «для современных М.с. характерна дополнительная особенность – подражание языку людей, принадлежащих, по мнению говорящего, к более престижной социальной группе», «М.с. используются практически во всех сферах: политике, экономике, науке, культуре и пр.», «М.с. как языковое явление нейтрально, однако оно может стать отрицательным, если становится семантически опустошённым», «М.с. могут выходить из активного словоупотребления, становятся востребованными лишь в необходимой коммуникативной ситуации» [Сперанская, 2012, с. 317-318]. В этом определении, как можно заметить, словосочетание «модное слово» однозначно, имеет относительную точность и систематичность, здесь упоминается первое близкое наименование «неологизм» (не строгий синоним).

Выводы. Итак, можно утверждать, что словосочетание «модное слово» прошло все стадии терминологизации и получило терминологический статус. Но необходимо отметить, что в современной лингвистике некоторые вопросы функционирования термина «модное слово» требуют более глубоких исследований, в том числе относительно:

- точности определения (как дифференцировать его популярность и время его «прибытия»),
- полноты систематичности (какое место занимает в науке, не только в лингвистике, но и в социологии и психологии),
- отношения со своими синонимами (какие общие черты и различия у него и «ключевое слово современности», «слово года» и пр.).

В большой степени «термин образуется на основе лексической единицы определенного естественного языка, т. е. лексическая единица этого языка является субстратом термина» [Лейчик, 1986, с. 89]. И отбор необходимого и достаточного набора признаков модных слов (распространённость, современность, новизна, экспрессивность) из естественного языка, разумеется, позволяет усовершенствовать определение термина «модное слово». Бесспорно, научные работы, посвящённые самому понятию «модное слово» [Журавлева, 2009; Сперанская, 2012; Вепрева, Мустайоки, 2015], вопросу о соотношении понятий «модное слово» и близких понятий [Попова, 2019], феномену «модное слово» [Журавлева, 2010; Новиков, 2018], отдельному конкретному модному слову [Ксенофонов, 2001; Акимова, 2008;

Северская, 2014; Васильев 2020; Милютина 2020] и модным словам в разных лингвокультурах [Попова, 2019; Хуань Чэнь 2017], представляются значимыми для системного изучения связанных тем.

За модными словами стоит живая языковая картина мира, и исследование модных слов открывает большие перспективы. Выявление и изучение этапов процесса терминологизации понятия «модное слово» в лингвистической терминологии можно считать важным шагом для дальнейших лингвистических и других научных исследований.

Литература

References

- Акимова, О. Б. (2008). Это модное слово портфолио. *Филологический класс*. Екатеринбург: 19, 75-76.
- Вепрева, И. Т., & Мустайоки, А. (2015). Метаязыковой портрет модных слов. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2, 453-467.
- Васильев, А. Д. (2020). Модное слово: инновация или реактуализация? *Сибирский филологический форум*. Красноярск: 4(12). 4-13.
- Винокур, Г. О. (1939). О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. *Сборник статей по языковедению*. Москва: Московский государственный институт истории, философии и литературы, Филологический факультет, С. 3-10.
- Власова, О. А. (2014). «Модное» слово в китайской лингвистической традиции (к определению понятия). *Филология и культура*. 2(36), 14-19.
- Журавлёва, Н. Г. (2009). Модное слово: к вопросу о содержании понятия. *Научная мысль Кавказа*. 2(58), 132-137.
- Журавлёва, Н. Г. (2010). *Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект: (на материале современного русского языка)*. Ставрополь: 177 с.
- Изергина, И. А. (1980). *Синонимия в современной английской терминологии электроники*. Ленинград: 194 с.
- Кобрин, Р. Ю. (1979). О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем. *Научно-техническая информация. Серия. 2. Информационные процессы и системы*. 6, 1-7.
- Козлова, Г. В. (1980). *Полисемия научно-технического термина: на материале современного английского языка*. Ленинград: 180 с.
- Костомаров, В. Г. (1999). *Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург: Златоуст, 320 с.
- Ксенофонтова, Е. (2001). Это модное слово «команда». *Менеджмент сегодня*, 3, 38-42.
- Лейчик, В. М. (1986). О языковом субстрате термина. *Вопросы языкознания*, 5, 87-97.
- Лейчик, В. М. (2009). *Терминоведение: предмет, методы, структура*. Москва: ЛИБРОКОМ, 256 с.
- Лотте, Д. С. (1961). *Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики*. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 158 с.
- Милютина, М. Г. (2020). Это модное слово «Стилист»: (проблемы расширения и сужения значения). *Вестник Удмуртского университета. Серия. История и филология*. 30, 2. 231-237.
- Новиков, В. И. (2018). *Словарь модных слов: языковая картина современности*. Москва: АСТ-Пресс, 253 с.
- Попова, Л. А. (2019). К вопросу о соотношении понятий «модное слово» и «ключевое слово современности».
- Akimova, O. B. (2008). This popular word "portfolio". *Philological class*. Ekaterinburg: 19, 75-76. (In Russian).
- Huang Chen. (2017). Fashionable words in modern Russian and Chinese newspaper text: origin, semantics, functions. *Russian Journal of Linguistics*, 21(4), 749-766. (In Russian).
- Izergina, I. A. (1980). *Synonymy in modern English terminology of electronics*. Leningrad: 194 p. (In Russian).
- Kobrin, R. Yu. (1979). On the principles of terminological work when creating thesauri for information retrieval systems. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya. 2. Informatsionnyye protsessy i sistemy [Scientific and technical information. Series. 2. Information processes and systems]*, 6, 1-7. (In Russian).
- Kostomarov, V. G. (1999). *Language taste of the era: from observation of the speech practice of mass media*. Saint Petersburg: Zlatoust Publ. 320 p. (In Russian).
- Kozlova, G. V. (1980). *Polysemy of a scientific and technical term (on the material of modern English)*. Leningrad: 180 p. (In Russian).
- Ksenofontova, E. (2001). This fashionable word "team". *Management today*, 3, 38-42. (In Russian).
- Leichik, V. M. (1986). On the linguistic substrate of a term. *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 87-97. (In Russian).
- Leichik, V. M. (2009). *Terminology: Subject, methods, structure*. Moscow: LIBROKOM Publ. 256 p. (In Russian).
- Lotte, D. S. (1961). Fundamentals of construction of scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. 158 p. (In Russian).
- Milyutina, M. G. (2020). This fashionable word "Stylist" (problems of expanding and narrowing the meaning). *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 30(2), 231-237. (In Russian).
- Novikov, V. I. (2018). *Dictionary of fashionable words*. Moscow: AST-Press Publ., 253 p. (In Russian).
- Popova, L. A. (2019). On the question of the relationship between the concepts of "fashionable word" and "keyword of modernity". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2, 155-158. (In Russian).
- Severskaya, O. I. (2014). Sweets for slim ones. *Moda v yazyke i kommunikatsii: sbornik statey [Fashion in language and communication: collection of articles]*. Moscow: 154-165. (In Russian).
- Shelov, S. D. (1982). On the linguistic nature of a term. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya. 2. Informatsionnyye protsessy i sistemy [Scientific and technical information. Series. 2. Information processes and systems]*, 9, 1-16. (In Russian).
- Speranskaya, A. N. (2012). Fashionable word. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii): slovar'-spravochnik [Effective verbal communication (basic competencies): a dictionary-reference book]*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 330-331. (In Russian).

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2, 155-158.

Северская, О. И. (2014). Вкусняшки для стройняшек. *Мода в языке и коммуникации: сборник статей.* Москва: 154-165.

Сперанская, А. Н. (2012). Модное слово. *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник.* Красноярск: Сибирский федеральный университет, 330-331.

Татаринов, В. А. (1996). *Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли языкознания.* Москва: Изд-во МГУ, 403 с.

Хуань Чэнь. (2017). Модные слова в современном русском и китайском газетном тексте: происхождение, семантика, функции. *Russian Journal of Linguistics.* 21(4), 749-766.

Шелов, С. Д. (1982). О языковой природе термина. *Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы.* 9, 1-16.

Tatarinov, V. A. (1996). *Historical and theoretical foundations of terminology as a branch of linguistics.* Moscow, Moscow State University Publ. 403 p. (In Russian).

Vasiliev, A. D. (2020). Buzzword: innovation or re-actualization? *Sibirskiy filologicheskii forum [Siberian Philological Forum].* Krasnoyarsk: 4(12), 4–13. (In Russian).

Vepreva, I. T., & Mustajoki, A. (2015). Metalinguistic portrait of buzzwords. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies.* 2, 453–467. (In Russian).

Vinokur, G. O. (1939). On some phenomena of word formation in Russian technical terminology. *Sbornik statey po yazykovedeniyu [Collection of articles on linguistics].* Moscow: Moscow State Institute of History, Philosophy and Literature, Faculty of Philology, 5, 3–10. (In Russian).

Vlasova, O. A. (2014). "Fashionable" word in the Chinese linguistic tradition (toward the definition of the concept). *Philology and Culture.* 2(36), 14–19. (In Russian).

Zhuravleva, N. G. (2009). Fashionable word: to the question of the content of the concept. *Scientific thought of the Caucasus.* 2(58), 132–137. (In Russian).

Zhuravleva, N. G. (2010). Phenomenon of the "fashionable" word: linguo-pragmatic aspect (on the material of the modern Russian language). Stavropol. 177 p. (In Russian).

Для цитирования статьи:

И Лицюнь. (2023). Терминологизация понятия «модное слово» в лингвистике. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 72–79. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-72-79

For citation:

Yi Liqun. (2023). Terminologization of the "buzzword" concept in linguistics. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 72–79. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-72-79

Научная жизнь: хроника, обзоры, рецензии / Scientific life: chronicle, overviews, reviews

Международная научная конференция «НЕОЛОГИЯ—2022»

(1–2 декабря 2022 г., Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург)

International scientific conference «NEOLEX—2022» (December 1–2, 2022, the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg)

1–2 декабря 2022 года в Институте лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН) прошла ежегодная конференция «Неология – 2022».

Организаторами конференции являются сотрудники группы Словарей новых слов Отдела лексикографии современного русского языка.

Конференция имеет как практическую, так и теоретическую направленность. Её главная цель – подведение языковых итогов текущего года, а также анализ новых тенденций развития словарного состава русского языка, отражения динамики языковых и культурных процессов в лексике и семантике, обсуждение проблем современной русской и зарубежной неологии, проблем российской и зарубежной неографии, новых и продолжающихся неографических проектов.

Участниками конференции уже третий год подряд традиционно являются исследователи – специалисты по неологии, неографии, журналисты, зарубежные учёные, изучающие или преподающие русский язык. В этом году участниками конференции были лингвисты из России, Венгрии, Сербии, Польши, при этом география российских участников была очень разнообразна: докладчики представляли университеты и научные центры Белгорода, Великого Новгорода, Майкопа, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Сургута, Тюмени, Якутска.

Основными направлениями работы конференции в 2022 году стали:

- новая лексика в русском языке 2022 года;
- активные процессы в лексико-семантической системе русского языка в начале XXI века;
- актуальные проблемы в области словообразования;
- актуальные проблемы неологии и неографии в России и за рубежом.

Уже становится традицией конференции, что лингвисты делятся друг с другом первыми наблюдениями над динамикой словарного состава текущего года. Традиционно неологизация словарного состава происходит за счёт номинирования

новых понятий, реалий или их характеристик в наиболее развивающихся общественных сферах: науке, цифровых и компьютерных технологиях, медицине, культуре, спорте, музыкальной жизни и некоторых других. Однако последние годы показывают прямую зависимость количества новаций от насыщенности и интенсивности информационной повестки описываемого года, от основных политических, экономических, культурных и прочих событий, которые служат инфоповодом – мощнейшим импульсом для языковой реакции на те или иные события. Основными инфоповодами для активизации народного и журналистского словотворчества 2022 года были – в начале года продолжающаяся коронавирусная инфекция и вакцинация, с 24 февраля 2022 года – специальная военная операция России по денацификации и демилитаризации Украины (СВО), социальные и экономические последствия СВО в России и в Европе, с 21 сентября – частичная мобилизация. Лексика, которая периодически интенсивно создавалась на страницах медиа, в блогах и чатах, тематически группируется вокруг данных событий.

Ряд докладов был посвящён данной тематике. Обобщение ряда лексико-семантических тенденций в области новаций, связанных с данными экстралингвистическими событиями, было сделано в докладах доктора филологических наук **М. Н. Приемышевой** «Русский язык в 2022 г. и аспекты его лексикографического описания» (ИЛИ РАН), доктора филологических наук **З. И. Минеевой** «Трататушки и другие неогерманизмы 2022 года» (Петрозаводский гос. ун-т), кандидата филологических наук **С. Д. Левиной** «Язык российско-украинского противостояния: заметки на полях выпусков «Новое в русской лексике» 2014 и 2022 гг.» (ИЛИ РАН), кандидата филологических наук **С. И. Холод** «Неологизмы в милитарном дискурсе вооружённого конфликта на Украине» (Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова), кандидата гуманитарных наук **Й. Митурски-Бояновски** «Неолексемы в виртуальном пространстве» (Морской университет в Щецине, Польша).

Исследователи сделали ряд общих выводов относительно динамических тенденций в языке СМИ в рассматриваемый период:

— это доминирование милитарного дискурса (активное употребление профессиональной военной лексики (*задвухсотить, двухсотый, трехсотый, пятисотый; отработать по целям; срисовать* и т.п.), широкое употребление военных абберивиатур (БПЛА, БМП, ДШКМ, ДРГ, ЗРК и мн. др.), наименований разного вида военного оружия и производных от них (*джавелины, джавелинчики, хаймеры, герань, калибр, циркон, искандер; джавелинить, искандерить, геранить, калибровать* и т.п.);

— словообразовательная активность формантов *де-* (в связи с популяризацией модели в официальном наименовании СВО «по демилитаризации и денацификации Украины» (*дедолларизация, дешайтанизация, демакдональдсизация* и пр., *дебумагизация, десахаризация, депорошкизация, детампонизация* и т.п.), *Z-..., СВО-*;

— широкое появление новых номинаций, отражающих «язык вражды» и противостояния в обществе (*антизетчик, нетвойнист, нетвойнет, нетвойновец, мнестыднать, зетчик* и мн. др.)

— активное словообразование в области понятий, связанных с экономическими и политическими последствиями СВО- (*газогеддон, энергогеддон, шольцевать, макронить, пелосить* и др.), а также ряд других выводов, связанных с экономическими санкциями, проблемами мобилизации и т.п.

Лексико-семантическая реакция на экономические последствия санкций, введённых ЕС после начала СВО, была проанализирована в докладе **А. С. Павловой** «– И точка!: новые наименования заведений общественного питания в русском языке в контексте импортозамещения» (ИЛИ РАН): помимо обзора новых номинаций, связанных с импортозамещением (*икеязамещение, макдональдсозамещение, теремокизация* и др.), автор доклада подробно рассмотрела различные номинации ресторана «Вкусно и точка» (*вкусноточка, вкусная точка, вкусноточечный, псевдомакдональдс* и мн. др), а также их оценку в языке медиа и интернета

Новая лексика 2022 года, зафиксированная в качественной прессе, и особенности её изучения были представлены в докладе кандидата филологических наук **Л. Т. Касперовой**, кандидата филологических наук **В. В. Славкина** «Употребление неологизмов в качественной и массовой прессе 2022 года (результаты исследования mediamonitorsu.ru)» (МГУ им. М. В. Ломоносова).

Большое заседание конференции было посвящено проблеме *динамических изменений в лексико-семантической системе русского языка начала XXI века*, которые на примере отдельных слов и отдельных лексических групп были продемонстрированы в докладах доктора филологических наук **Т. А. Трипольской**, кандидата филологических наук **Е. Ю. Булыгиной** «Динамические процессы в ЛСГ «Человек слабый и бесхарактерный» (корпусное исследование)» (*Новосибирский государственный педагогический университет*), кандидата филологических наук **И. А. Нефляшевой** «Кавказ и кавказцы в неологическом дискурсе» (*АРОО Ассоциация лингвистов-экспертов «Аргумент»*), доктора филологических наук **Л. Е. Кругликовой** «Новые наименования поколений в современном русском литературном языке» (ИЛИ РАН), кандидата филологических наук **В. А. Мельничук** «Новые этикетные формулы при упоминании умершего (на материале интернет-коммуникации)» (*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна*), доктора филологических наук **Н. В. Козловской** «Переобуваться и топить: новые значения старых слов» (ИЛИ РАН). В докладе кандидата филологических наук **Ю. А. Сафоновой** «Первый мем Ленина, или Тропеические функции неологизмов» (Москва) на материале книги Л. Данилкина «Ленин» был продемонстрирован функционально-прагматический потенциал окказиональной лексики.

Некоторые наблюдения в области новейшего словообразования были сделаны в докладах доктора филологических наук **Л. В. Рацибурской** «Тенденция к демократизации в медийных новообразованиях» (*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*), кандидата филологических наук **Е. Н. Геккиной** «Комбинаторика словообразовательного форманта -БЕСИЕ: семантические, функциональные и метаязыковые эффекты» (ИЛИ РАН), *PhD, Сабольч Янурика* «Новые английские заимствования в функции аффиксоидов в русском языке последних лет» (*Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия*).

Особое место в повестке конференции занимали проблемы лексикографического описания неологизмов в различных языках, составления словарей новых слов, а также их научного потенциала. Так, ряд докладов был посвящён анализу серии словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» и их научному потенциалу (доклады доктора филологических наук **Т. В. Шмелевой** «Неологизм в тексте: синтаксический аспект» (*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого*), кандидата филологических наук **Е. А. Ждановой** «Неографические издания как источник сведений об активных процессах в русской лексике (на материале издания «Новое в русской лексике. Словарные материалы-2019»)» (*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*, **А. В. Кобякова** «Феминитивы в неологической лексикографии и по данным наблюдений за языком медиа» (*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого*), доктора филологических наук **В. М. Мокиенко** «Жаргонная фразеология как объект русской неографии». (*Санкт-Петербургский государственный университет*).

Теоретическим вопросам лексикографии и неографии были посвящены доклады кандидата филологических наук А. С. Кулевой «Лексикографические фантомы в толковом словаре через призму неологии» (*ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН*), кандидата филологических наук **Е. С. Громенко** «К проблеме лексикографического описания новых терминов: квазитермины и «терминологический шум» в современных медиа» (*ИЛИ РАН*); *а в докладах PhD Райны Драгичевич* «Новая нормальность» через новые слова в сербском языке. (*Белградский университет, Сербия*), доктора филологических наук **Е. В. Мариновой** «Колоронимы как факты словаря и речи» (*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова*), **Доловаи Дороття** «Изменения инструментов образования новых слов в венгерской лексике» (*Санкт-Петербургский государственный университет*) нашли отражение проблемы описания новых групп лексики в словарях различных языков.

На конференции была проведена презентация неологического информационно-поискового ресурса ИЛИ РАН «Новое в русской лексике» (докладчики Ю. С. Ридецкая, И. М. Егоров, ИЛИ РАН) – <https://neolex.iling.spb.ru/> Информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике». Ресурс представляет собой постоянно пополняющуюся (с конца 2022 года – синхронно) базу данных новаций русской речи по материалам медиа и интернета.

Важным результатом конференции уже третий год подряд является интеграция российских и зарубежных исследований в области неологии и неографии, обмен опытом в области создания словарей новых слов. Одним из важных практических результатов конференции является то, что новые слова, упоминаемые участниками, как правило, включаются в словарь-ежегодник текущего года «Новое в русской лексике. Словарные материалы», а выводы и наблюдения над динамикой словарного состава находят применение в теории и практике работы над словарями новых слов.

М. Н. Приемышева

Об авторе

Марина Николаевна Приемышева – доктор филологических наук, заместитель директора, заведующая отделом лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.
mn.priemysheva@yandex.ru

Новая лексика сферы компьютерных технологий. Обзор словарных материалов 2017-2021 гг.

Е. Д. Кукшинова

New vocabulary in the field of computer technology. Dictionary materials review 2017-2021

E. D. Kukshinova

Екатерина Дмитриевна Кукшинова – магистрант;
Новгородский государственный университет имени
Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская
Федерация

E-mail: heivvaevigt@gmail.com

Статья поступила: 10.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

В обзоре рассматриваются неологизмы, которые появились в русском языке в сфере игровой индустрии и компьютерных технологий в период с 2017 по 2021 годы. Приводятся примеры использования представленных слов авторами блогов про видеоигры и технологии, журналистами специализированных медиа.

Ключевые слова: компьютерные технологии, видеоигры, неологизмы, новая лексика

УДК 82-2

Ekaterina D. Kukshinova – master’s program student;
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky
Novgorod, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4711-5772

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

The review examines the neologisms that appeared in the Russian language in the field of the gaming industry and computer technology in the period from 2017 to 2021. Examples of the use of the words presented by the authors of blogs about video games and technologies, journalists of specialized media are given.

Keywords: computer technologies, video games, neologisms, new vocabulary

OECD: 6.02OT

V

Индустрия компьютерных технологий в конце второго – начале третьего десятилетий XXI века переживает стремительное развитие. В настоящее время основным источником распространения новых слов являются традиционные и новые средства массовой коммуникации. Сформирована обособленная информационная среда, в которой ежедневно появляются новые материалы о технологиях, где употребляются новые слова. В них мы можем наблюдать, например, использование заимствованных из иностранных языков слов, выражений или специальных терминов. В первую очередь нас интересует само новое слово, его значение, коннотация, примеры употребления. Прекрасную базу для проведения подобного исследования дают словари новых слов.

В предыдущей публикации автор данного обзора предлагала ретроспективный взгляд на жанры игровой журналистики [Кукшинова, 2022]. Теперь интересно узнать, какие неологизмы появились в русском языке благодаря развитию сфер компьютерных технологий и видеоигр за последние пять лет. Провести репрезентативную выборку неологизмов выбранных сфер удалось из более чем 6 600 слов и выражений, зафиксированных авторами лексикографических описаний «Новое в русской лексике», найденных ими в информационных и публицистических изданиях, в медиадискурсе, корпусе текстов «Интегрум».

Начнём обзор со словарных материалов 2017 года. Стоит отметить, что авторы выделяют порядка 143 слов, образованных от аббревиатуры ИИ – искусственный интеллект [Словарные материалы, 2019]. Такой репертуар обусловлен активным вхождением искусственного интеллекта в технологическую сферу именно в 2017 году. На мировом рынке появились уникальные проекты и инструменты, вместе с которыми в информационную среду пришли новые слова и термины.

Среди таких слов есть, например, **ИИ-БОГ** с двумя иллюстративными текстами. Примечательно, что первый текст приведён из специализированного медиа об игровой индустрии и технологиях The Daily Telefrag (DTF) и датирован 02.03.2017, а второй – из новостного агрегатора «Рамблер – Новости», что может говорить о разнообразии корпуса медиа, в которых уместно употреблять подобные неологизмы. Второй текст датирован 20.11.2017. В обеих иллюстрациях слово **ИИ-БОГ** указано в кавычках, что может говорить о его образности, переносном значении и, вероятно, даже негативной коннотации. Путём поиска более современных упоминаний этого слова в медиaprостранстве было обнаружено, что в издании «Нож», в публикации «Культ бот-бога. Как и кому мы будем молиться в эпоху искусственного сверхинтеллекта», датированной 04.01.2018, неологизм **ИИ-БОГ** употребляется уже без кавычек: «ИИ-бог будет осязаем» [Knife.media, 2018].

Аналогичными по значению словами авторы словаря определяют слова **ИИ-БОЖЕСТВО** и **ИИ-ПОВЕЛИТЕЛЬ**. Получается, что слова **ИИ-БОГ**, **ИИ-БОЖЕСТВО** и **ИИ-ПОВЕЛИТЕЛЬ** составляют синонимический ряд неологизмов.

Интересными для изучения можно назвать неологизмы **КРИПТОКОТЁНОК** и **КРИПТОКОТИК**. Оба слова образованы путём сложения сегмента *крипто-* (относящийся к криптовалюте) и слов *котёнок* и *котик*. Примечательно, что они являются окказионализмами – индивидуально-авторскими словами – их создали разработчики компьютерной игры CryptoKitties [Vc.ru 2017].

Всего в словаре за 2017 год удалось обнаружить 156 новых слов, связанных со сферой компьютерных технологий и видеоигр. Интересно, что из них только 8,4% составляют неологизмы, не относящиеся к понятию искусственного интеллекта.

Словарь за 2018 год предлагает намного меньше слов по выбранной теме. Так, из ~350 словарных статей, для нашей выборки подходят всего 14 [Словарные материалы, 2020]. Среди них четыре новых слова относятся к, можно сказать, главной технологической теме словаря за предыдущий год, – искусственному интеллекту, что можно назвать остаточным проявлением захватившей медиaprостранство «волны ИИ».

Интересен неологизм **ЗОМБИ-ВЫЖИВАЧ** (жанр компьютерных игр, где герой должен выжить во время зомби-апокалипсиса). Слово *зомби* нельзя назвать неологизмом, оно возникло уже давно, а вот *выживач* начинают упоминать обособленно и очень активно, согласно дополнительному поиску по медиа, в 2021-2022 годах [Overlockers, 2022]. В качестве иллюстрации к словарной статье приведён пример медиатекста с сайта GameGuru.ru от 02.05.2018, где путём сращения слов *зомби* и *выживач* уже образовался неологизм **ЗОМБИ-ВЫЖИВАЧ**. Эта иллюстрация – единственная, что может говорить о редкости предложенного слова.

Рассмотрим слово **ФЕЙКОБОТ**. Подобно лексеме *выживач*, оно получило активное распространение в 2021-2022 годах. Активно слово используют на разных форумах, в чатах и соцсетях, поскольку его значение – «программа, которая распространяет фейковые публикации в интернете». Иллюстративным текстом в словаре стал фрагмент материала с сайта Mobiltelefon.ru, опубликованный 09.06.2018. Можно отметить закономерность: некоторые слова, обнаруженные авторами словаря 2018 года, начинают широко употребляться позднее, чем были впервые обнаружены в медиадискурсе.

Важно подчеркнуть наличие в словаре таких лексических единиц, как **ФИДЖИТАЛ-РЕШЕНИЕ** и **ФИДЖИТАЛ-ТЕХНОЛОГИЯ**. Это первые неологизмы, которые образованы путём неполного сращения слова *фиджитал* с другими. Интересно их появление в словаре 2018 года. Согласно авторскому примечанию, слово *фиджитал* (в значении «соединяющий оффлайн- и онлайн-технологии») упоминалось уже в 2013 году. Сложно сказать, был ли пятилетний «провал» в медиадискурсе, когда указанные слова не употреблялись, поскольку о фиджитал-течении говорили хоть неохотно, но очень давно, и подобные неологизмы могли возникать естественно. Можно предположить, что в 2022-2023 годах, в ходе высокого интереса к тематике фиджитал-спорта и формирования «культуры фиджитал», в очередном словаре могут появиться новые слова и сочетания, образованные от *фиджитал*.

В словаре 2019 года подходящих для обзора неологизмов чуть больше – 23 [Словарные материалы, 2021]. Здесь уже закономерно появляются пять новых ИИ-слов: **ИИ-АЛЬЯНС**, **ИИ-ЕВАНГЕЛИСТ**, **ИИ-НАДСМОТРИТЕЛЬ**, **ИИ-ОЧЕРЕДЬ** и **ИИ-ЭТИКА**. Их наличие в словаре показывает, что тенденция развития искусственного интеллекта и разработки новых проектов на его основе продолжается.

Интересным для обзора словом выступает **ГАДЖЕТНИК-ПОТРЕБИТЕЛЬ**. При его чтении или произношении сразу возникает ощущение некоторого неодобрения, поэтому можно сказать, что данный неологизм имеет негативную коннотацию. Иллюстрация к словарной статье показывает, что неологизм возник на интернет-форуме, где знакомятся люди от 40 лет – *Znakomstva-za40.ru* и, вероятно, является окказионализмом, созданным одним из пользователей. Примечательно, что дополнительный поиск в медиадискурсе не помог найти другие варианты употребления этого неологизма.

В этом же словаре продолжается тема фиджитал подобно «взрыву» ИИ-слов в словаре 2017 года, хотя и в меньших масштабах. Всего авторы предлагают 17 слов, связанных с тематикой фиджитал-культуры. Среди них такие, как, например, **ФИДЖИТАЛ-ЗАЛ**, **ФИДЖИТАЛ-ОБУЧЕНИЕ**, **ФИДЖИТАЛ-ПАРК**.

Авторы словарей новых слов 2020 и 2021 год, как ни странно, отметили намного меньше неологизмов по теме технологий и игровой индустрии [Словарные материалы, 2021]. Так, в словаре за 2020 год, всего четыре подходящих для обзора слова, не считая 92 слов, образованных от названия компьютерной программы для видеоконференцсвязи «*ZOOM*», к примеру, **ZOOM-ИГРА**, **ZOOM-ТРОЛЛЬ**.

Интересна графическая составляющая таких слов: они состоят из латиницы и кириллицы. Однако, в медиаполе встречаются и другие вариации написания таких сочетаний, когда сегмент «Zoom» пишется кириллицей, например, **ЗУМ-ИГРА**.

Более интересен неологизм **МАЙНКРАФТ-СПЕКТАКЛЬ**. Он возник в 2020 году, когда в разгар пандемии коронавируса Большой драматический театр открыл филиал в популярной компьютерной игре Minecraft [Nabr.com, 2020]. Культовые спектакли, например, «Вишнёвый сад» режиссёра Эймунтаса Някрошюса, показывали на импровизированных сценах прямо в игре. Казалось бы, тема внутриигровых спектаклей должна раствориться в истории вместе с периодом самоизоляции, но она настолько полюбилась фанатам Minecraft и любителям театра, что даже в конце 2022 года в Москве устраивали **МАЙНКРАФТ-ШОУ**. Упоминание неологизма **МАЙНКРАФТ-ШОУ** встречается и сейчас, это целая индустрия развлечения для детей.

В словаре за 2021 год насчитывается 81 сочетание с сегментом **ZOOM**. Появляются такие неологизмы, как **ZOOM-ФОРУМ**, **ZOOM-ФОТОСЕССИЯ** [Словарные материалы, 2022].

Зафиксирован в словаре неологизм **ХОРНИ-НОВЕЛЛА**. Это вид компьютерных игр – визуальных новелл, персонажи которых обычно сексуализированы. Интересно, что авторы обнаружили целый тематический ряд, образованный от «*хорни*»: **ХОРНИ-ВАКЦИНА**, **ХОРНИ-ВЕРСИЯ**, **ХОРНИ-ПАРОЧКА**, **ХОРНИ-ПОДБОРКА**, **ХОРНИ-ШУТКА**.

Предположительно, столь малое количество слов в двух последних словарях обусловлено установкой авторов на поиск и систематизацию лексики, связанной с пандемией коронавируса. Это разумно, поскольку медиапространство буквально разрывалось от неологизмов, которые навсегда изменили русский язык.

В завершение обзора можно представить новые слова, обозначающие факты, связанные с компьютерными технологиями и видеоиграми, зафиксированные в словарях новых слов, графически, что покажет соотношение их количества в разные годы (Рис. 1).

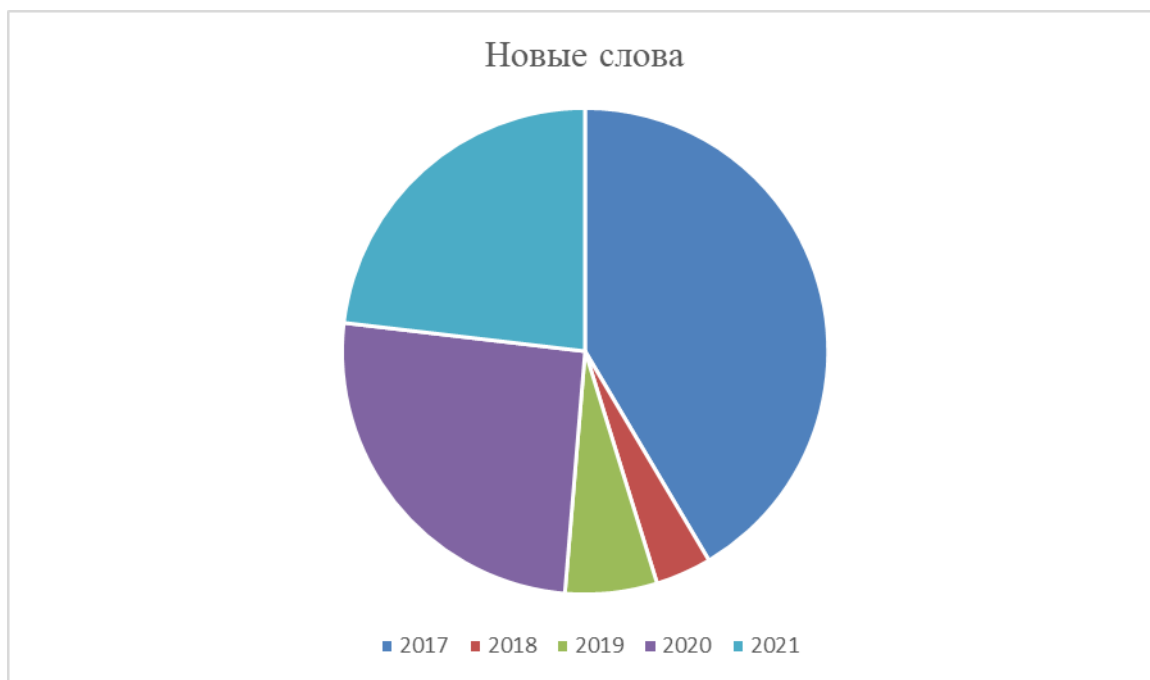

Рис. 1. Новые слова со значением компьютерных технологий в 2017–2021 гг.: сопоставление объемов

Итак, с каждым годом русский язык пополняется сотнями новых слов. Они заимствуются из иностранных языков или создаются (авторские слова). Среди них, как показал обзор, определённое место занимают лексемы с семантикой компьютерных технологий и видеоигр. Разобраться в значениях таких слов, провести их анализ и узнать много нового об этой лексике позволяют словари новых слов, значение которых для понимания динамики современного русского лексикона трудно переоценить.

Литература

Горностаев, С. В. (2016). Специальная лексика сферы игровой индустрии. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 6, 189–196.

Громенко, Е. С., Кожевников, А. Ю., Козловская, Н. В., Ридецкая, Ю. С. (Ред.). (2021). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2019. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. 110 с.

Громенко, Е. С., Кожевникова, А. Ю., Козловская, Н. В. (Ред.) (2021). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2020. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 486 с.

Громенко, Е. С., Козловская, Н. В., Козулина, Н. А., Павлов, А. С. (Ред.) (2022). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2021. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 318 с.

История игр про выживание. (2022). *Overclockers*: официальный сайт. Электронный ресурс <https://overclockers.ru/blog/gamingtech/show/67243/istoriya-igr-pro-vyzhivanie>

Кожевников, А. Ю., & Ридецкая, Ю. С. (Ред.). (2019). Новое в русской лексике. *Словарные материалы – 2017*. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 138 с.

Козловская, Н. В. (Ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2018. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 104 с.

Кукшинова, Е. Д. (2022). Жанры игровой журналистики: ретроспективный взгляд. *VERBA: Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(4), 75–91.

Култ бот-бога. Как и кому мы будем молиться в эпоху искусственного сверхинтеллекта. (2018). *Knife.media*: НОЖ: официальный сайт. 2018. Электронный ресурс: <https://knife.media/bot-god/>

Реальный спектакль в виртуальной среде: Большой драматический театр открыл филиал в Minecraft. (2020). *Habr.com*: официальный сайт. Электронный ресурс <https://habr.com/ru/company/selectel/blog/509766/>

Стрыгина О. А. (2022). Трансформация языка сетевых медиа в условиях глобализации. *Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики*. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 168–174.

Чем запомнился 2017 год в области искусственного интеллекта: краткий обзор. (2018). *Vc.ru*: официальный сайт. 2018. Электронный ресурс <https://vc.ru/future/32297-chem-zapomnilsya-2017-god-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-kratkiy-obzor>

Что не так с криптовалютами и чем это кончится. (2017). *Vc.ru*: официальный сайт. Электронный ресурс <https://vc.ru/crypto/30240-cto-ne-tak-s-kriptokotikami-i-chem-eto-konchitsya>

References

Gornostaev, S. V. (2016). Special vocabulary of the gaming industry. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 6, 189–196. (In Russian).

Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., Levina, S. D. (Comps.), Ridetskaya, Yu. S. (Ed.). (2021). New in Russian vocabulary. Dictionary materials — 2019. Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the RAS. 110 p. (In Russian).

Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., Levina, S. D., Pavlova, A. S., Priemysheva, M. N. (Ed.), Rideckaya, Yu. S. (2021). New in the Russian vocabulary. Dictionary materials — 2020. Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the RAS. 486 p. (In Russian).

Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu., Kozlovskaya, N. V., Kozulina, N. A., et al. (Comps.) (2022). New in Russian vocabulary. Dictionary materials — 2021. Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the RAS. 318 p. (In Russian).

Kozhevnikov, A. Yu., & Ridetskaya, Yu. S. (Ed.). (2019). New in Russian vocabulary. *Dictionary materials — 2018*. Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the RAS. 138 p. (In Russian).

Kozlovskaya, N. V. (Ed.). (2020). New in Russian vocabulary. Dictionary materials — 2018. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS. 104 p. (In Russian).

Kukshinova, E. D. (2022). Genres of game journalism: a retrospective view. *VERBA. Northwest Linguistic Journal*, 2(4), 75–91. (In Russian).

Strygina, O. A. (2022). Transformation of the language of network media in the context of globalization. *Zhurnalistika v epokhu tsifrovyykh transformatsiy: tsennosti i praktiki [Journalism in the era of digital transformations: values and practices]*, Tambov: Derzhavin Tambov State University, 168–174. (In Russian).

The cult of the bot god. How and to whom we will pray in the era of artificial superintelligence. (2018). *Knife.media*. Retrieved from <https://knife.media/bot-god/>

A real performance in a virtual environment: The Bolshoi Drama Theater has opened a branch in Minecraft. (2020). *Habr.com*. Retrieved from <https://habr.com/ru/company/selectel/blog/509766/>

The story of survival games. (2022). *Overlockers*. Retrieved from <https://overclockers.ru/blog/gamingtech/show/67243/istoriya-igr-pro-vyzhivanie>

What was remembered in 2017 in the field of artificial intelligence: a brief overview. (2017). *Vc.ru*. Retrieved from <https://vc.ru/future/32297-chem-zapomnilsya-2017-god-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-kratkiy-obzor>

What's wrong with cryptocurrencies and how it will end. (2017). *Vc.ru*. Retrieved from <https://vc.ru/crypto/30240-cto-ne-tak-s-kriptokotikami-i-chem-eto-konchitsya>

Для цитирования статьи:

Кукшинова, Е. Д. (2023). Новая лексика сферы компьютерных технологий. Обзор словарных материалов 2017-2021 гг. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 85–91. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-85-91

For citation:

Kukshinova, E. D. (2023). New vocabulary in the field of computer technology. Dictionary materials review 2017-2021. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 85–91. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-85-91

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

№ 1(6) 2023